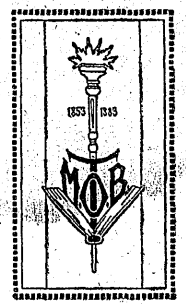
THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

The University of Chicago Lib



ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Максимъ Горькій. Критико-біографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле М. Горькаго. Изд. 2-ое, дополненное. Спб. 1904 г. Ц. 60 к.

Леонидъ Андреевъ. Критико-біографическій этюдъ Съ портретомъ и факсимиле Л. Андреева. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.

В. Вересаевъ. Критико-біографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле В. Вересаева. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.

Библиотека 21/X 32

В. Ѳ. БОЦЯНОВСКІЙ

V. Botsianovskii

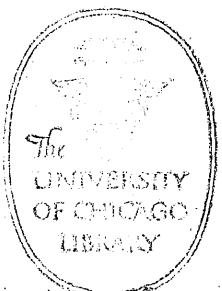
БОГОИСКАТЕЛИ

Bogoiskateli

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.

BL 51
.B 75
c.1
Gen

ПОЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С·Петербургъ · Бас·Остр·16 линія соб·домъ



Stalerch

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не ищите въ этой книгѣ цѣльной картины нашего богоискательства, достигшаго такихъ недосягаемыхъ вершинъ, какъ Достоевскій и великій Толстой.

Такая картина написана будетъ еще не скоро. Въ настоящемъ сборникѣ — только этюды для нея; написанные по разнымъ поводамъ, въ разное время напечатанные (въ журналѣ „Новое Слово", „Русь", „Театръ и Иск." и др.), этюды эти тѣмъ не менѣе объединены одной общей идеей. Всѣ они, начиная съ перваго и кончая послѣднимъ, представляютъ собой кусочки той красной нити богоискательства, которая, какъ живой нервъ, проходитъ черезъ всю культурную жизнь русскаго народа. Начинаясь съ какого-нибудь давно всѣми забытаго „стригольника", она доводитъ до великаго Толстого и здѣсь еще не кончается.

Мои этюды — куски этой нити, куски, наиболѣе яркіе, выбившіеся наружу. Они не даютъ законченной

картины богоискательства, но по нимъ, какъ по вѣхамъ, какъ по пунктирному контуру, эту картину легко угадать, легко нарисовать въ своемъ воображеніи.

Яркая это картина. Яркая потому, что вся она освѣщена и освящена такимъ чистымъ, святымъ свѣтомъ, такимъ яркимъ пламенемъ, какъ пламя Толстого. Ставъ на рубежѣ стараго и новаго вѣка, Толстой зажегъ свои огни.

При ихъ свѣтѣ разсѣялся мракъ настоящаго, далеко-далеко освѣщена дорога впереди. Намъ, ближайшимъ его современникамъ, не придется тратить энергіи и силъ на поиски дороги, на блужданія во тьмѣ. Дорога освѣщена.

Остается только идти на зажженные имъ огни.

Вл. Б.

Богоискатели XIV—XV вѣковъ.

1.

Когда, въ послѣдніе дни, у насъ начались бурныя пренія „богоискателей“ и „богостроителей“, мнѣ невольно вспомнились наши богоискатели, волновавшіеся тѣми же, приблизительно, вопросами въ самомъ началѣ нашей исторической жизни.

Я не говорю объ извѣстной легендѣ исканія лучшей вѣры послами Владиміра Святого. Я имѣю въ виду сознательное, подлинное богоискательство нашихъ „еретиковъ“ и сектантовъ.

Въ началѣ XIV вѣка появилась въ Новгородѣ ересь такъ называемыхъ „стригольниковъ“, давшая толчокъ религіозной мысли русскихъ, впервые заставившая задуматься надъ состояніемъ русской церкви, іерархіи, надъ сущностью самой религіи, къ которой до сихъ поръ относились слишкомъ формально. Ересь эта, послужившая началомъ того оживленія умственной жизни въ древней Руси, которое мы наблюдаемъ въ теченіе всего XV вѣка, представляетъ собой чрезвычайно любопытное, совершенно неожиданное и ничѣмъ, повидимому, не связанное съ русской

жизнью того времени явленіе. Къ сожалѣнію, всѣ попытки рѣшить вопросъ объ ея сущности и происхожденіи привели и приводятъ лишь къ гипотезамъ, не дающимъ прямого отвѣта на этотъ спорный, но въ высшей степени важный вопросъ.

Къ числу такого рода гипотезъ нужно отнести и мнѣніе, высказанное очень авторитетнымъ лицомъ, проф. Успенскимъ, въ его „Очеркахъ по исторіи византійской образованности". Съ мнѣніемъ этимъ тѣмъ болѣе приходится считаться, что его всецѣло принялъ и другой авторитетный изслѣдователь, А. Н. Пыпинъ.

Мнѣніе это, собственно говоря, не ново. Оно представляетъ собой только повтореніе и развитіе мысли, высказанной еще проф. Никитскимъ, который ставилъ ересь стригольниковъ въ связь съ болгарскимъ богомильствомъ. Проф. Успенскій лишь болѣе обстоятельно останавливается на этомъ вопросѣ и тоже приходитъ къ выводу, что „стригольничество есть богомильскій отпрыскъ".

Насколько однако справедливы тѣ основанія, на которыхъ проф. Успенскій построилъ свою теорію?

На связь съ богомилами, по мнѣнію проф. Успенскаго, указываетъ то обстоятельство, что стригольники отрицали церковную іерархію абсолютно *въ принципѣ*, что отрицаніе это не было протестомъ противъ мѣстныхъ церковныхъ нестроеній. Въ источникахъ, однако, мы положительно ничего такого не видимъ. Проф. Успенскій ссылается на поученіе св. Стефана, который разсказываетъ, что стригольникъ „оклеветалъ весь вселенскій соборъ, патріарховъ, и митрополитовъ,

и епископовъ, и игуменовъ, и поповъ, и весь чинъ священническій, *яко не по достоянію поставленный*" (стр. 383). Если принять во вниманіе другія свидѣтельства, то въ этихъ словахъ положительно нельзя будетъ видѣть богомильскаго принципіальнаго отрицанія іерархіи. Тотъ же св. Стефанъ пермскій въ другомъ мѣстѣ передаетъ ученіе стригольниковъ о современныхъ имъ русскихъ іерархахъ такимъ образомъ: „сіи учителе пьяници суть, ядятъ и пьютъ съ пьяницами и взимаютъ отъ нихъ злато и серебро и порты, отъ живыхъ и отъ мертвыхъ" [1]). Константинопольскій патріархъ Нилъ прямо писалъ о стригольникахъ, что они называютъ *еретиками* „святителя и священникы и вся клирикы, и прочея люди христіаны, *яко се поставляющія и поставляемыя на мьздѣ*" [2]). На упрекъ архіепископа Геннадія, сдѣланный стригольнику Захару за то, что тотъ не причащался три года, послѣдній отвѣчалъ: „А у кого ся причащати? Попы, дѣй, по мздѣ ставлены, а *митрополитъ, дѣй, и владыки по мздѣ же ставлены*".

— „А се митрополита ставятъ не по мздѣ",—возразилъ ему Геннадій.

— „Коли, дѣй, въ Царь-градъ ходилъ есть митрополитъ ставитися и онъ, дѣй, патріарху деньги давалъ, а нынѣ, дѣй, онъ боярамъ посулы даетъ тайно, а вла-

---

[1]) Пам. Кан. Пр. I, 220—221.

[2]) Ibid., стр. 192. Πάντας αἱρετικούς νομίζοντες καὶ ἀρχιερεῖς καὶ ἱερεῖς καὶ πάντας τοὺς τῶν χριστιανῶν κληρικοὺς καὶ τὸν λαὸν, ὡς χειροτοὶ νουμένους καὶ χειροτονοῦντας ἐνὶ χρήματι, καὶ τοὺς λοιπούς, ὡς κοινωνοῦντας αὐτοῖς (Приложенія), стр. 185.

дыки, дѣй, митрополиту даютъ деньги: ино, дѣй, *у кого причащатися?*" И азъ позналъ,—говоритъ Геннадій,—что *стригольникъ* [1]). Разговоръ показываетъ какъ нельзя лучше, что стригольники отрицали іерархію не въ принципѣ. Они просто возмущались тѣмъ, что „санъ святительскій" дается за деньги, а не по достоинству. Стригольникъ Захаръ упорно *лаялъ* архіеп. Геннадія еретикомъ „безпрестани уже третій годъ" [2]), и лаялъ, вѣроятно, за то же, за что упрекалъ его не стригольникъ, волоцкій князь Борисъ Васильевичъ, а именно, за то, что Геннадій „принялъ имѣніемъ санъ святительскій", а не по достоинству [3]). Приведенныхъ примѣровъ достаточно для выясненія взгляда стригольниковъ на іерархію. Въ прямой связи съ этимъ взглядомъ стоитъ ихъ отношеніе къ таинству пріобщенія, не заключающее въ себѣ ничего богомильскаго, какъ склоненъ думать проф. Успенскій (стр. 385). Іерархи-еретики поставлены не по достоинству. У кого же причащаться? Лучше совершенно остаться безъ пріобщенія, нежели получать его отъ еретика. „Ставя бо и взимая ставленное,—писалъ въ 1315 г. инокъ Акиндинъ вел. кн. Михаилу Ярославичу Тверскому,—то уже изверженъ, а отверженнаго никоея же имать пользы отъ поставленія и пріобщаяся пречистыхъ таинъ отъ него, вѣдая, съ нимъ осудится" [4]). Такимъ обра-

---

[1]) Пам. Кан. Пр. I, 779—770.

[2]) Пам. Кан. Пр. I, 777.

[3]) Ibid., стр. 755.

[4]) Ibid., стр. 155. По словамъ св. Стефана, стригольники оклеветали „весь чинъ священническій, яко не по достоянію поста-

зомъ, *іерархи* не признавались, какъ мздоимцы, „духопродавцы“ [1]), у которыхъ пріобщаться было бы даже грѣшно. Мнѣніе это было въ то время очень распространеннымъ на Западѣ и проникало, конечно, въ Россію, благодаря, между прочимъ, самимъ патріархамъ, которые писали въ своихъ грамотахъ, что „поставленный на мьздѣ да извержется и поставлый его“ [2]), и предписывали рукополагать людей только послѣ испытанія. Кромѣ того, въ разнаго рода сборникахъ говорилось, что „истязающее злата отъ приходящихъ въ иночьскы чинъ или въ мнишеское житіе—сиа ересь отъ духоборецъ есть“ [3]). Что вопросъ о поставленіи на мздѣ сильно интересовалъ современниковъ, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что около половины XIV в. появился переводъ трактата „Власфимія“, составитель котораго, между прочимъ, возмущается тѣмъ пунктомъ грамоты константинопольскаго патріарха Кирилла II, гдѣ „ересь Симона волхва въ законъ введена“ [4]). Съ другой стороны, и тогдашнее русское духовенство не могло не вызывать сомнѣній въ томъ, что оно „посрамляется до достоянію“. По словамъ митроп. Кирилла (1274 г.), попы упивались „безъ мѣры въ святыя пречистыя постныя дни, отъ

вляеми, и *такою виною прельщая* худоумныя отлучаютъ отъ причащенія пречистыхъ и животворящихъ Христовыхъ таинъ“. Ibid., стр. 214. Ср. ibid., стр. 179, 158.

[1]) Пам. Кан. Пр. I, стр. 216, 217.

[2]) Пам. Кан. Пр. I, стр. 86, 87.

[3]) Православный Собесѣдникъ, 1867, кн. II, стр. 242.

[4]) Пам. Кан. Пр. I, стр. 84.

свѣтлыя недѣлѣ вербныя до всѣхъ святыхъ, яко не быти божественному приношенію, ни божественнаго крещенія"... [1]) „Мы священники,—читаемъ въ одномъ „Измарагдѣ" XIV—XV вв.,—отъ священства получая пищу и одежду, небреженіемъ книгъ не имѣемъ, ни готовыхъ почитаемъ, но точію порты различныя избираемъ..." [2]) „Оставльше слово Божіе, а чреву работающе, ихъ же Богъ чрево и слава, еще отъ овецъ млеко и волну взимающе, а овецъ не пасуще..." [3]). Въ томъ же „Измарагдѣ", предназначавшемся для чтенія мірскому обществу, доказывалось, что „аще кто и отъ простецъ слово мудрости иматъ, не подобаетъ таити" [4]). Вполнѣ естественно, если стригольники отвергнувъ современныхъ имъ пастырей, какъ еретиковъ, доказывали, ссылаясь на ап. Павла, что простой человѣкъ можетъ учить [5]), если они, „ни священнаго имущи, ни учительскаго сана, сами ся поставили учителя народа" [6]).

Изъ всего этого однако не слѣдуетъ, чтобы еретики „полагали въ учительствѣ *всю задачу* священства" [7]).

Второй пунктъ, въ которомъ ученіе стригольниковъ сходится съ ученіемъ богомиловъ, заключается, по

---

[1]) Ibid., ст. 97, 434 и др.

[2]) В. Яковлевъ. Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда". Одесса, 1893 г., стр. 257.

[3]) Ibid., стр. 128.

[4]) Ibid., стр. 49.

[5]) Пам. Кан. Пр. I стр. 222.

[6]) Ibid., стр. 215.

[7]) Успенскій, l. c., стр. 383.

мнѣнію проф. Успенскаго, въ дуализмѣ, который лежалъ въ основѣ ихъ метафизическихъ воззрѣній. Указаніе на дуализмъ стригольниковъ проф. Успенскій видитъ въ слѣдующихъ словахъ посланія митрополита Фотія:

„А какъ ми пишите о тѣхъ помраченныхъ, что како тіи стригольници отпадающеи отъ Бога и *на небо взирающе бѣжу, тамо Отца себѣ нарицаютъ*, а понеже бо самыхъ того истинныхъ евангельскихъ благовѣстей и преданей апостольскихъ и отеческихъ не вѣрующе, но како смѣютъ, *отъ земли къ воздуху зрящe*, Бога отца себѣ нарицати, и како убо могутъ Отца себѣ нарицати... И которіи тіи стригольници отъ своего заблужденія не имутъ чистѣ вѣровати православія истиннаго, *ни къ Божьимъ церквамъ, къ небу земному*, не имутъ быти прибѣгающе и на покаяніе къ своимъ отцомъ духовнымъ не имутъ приходити... удаляйте себе отъ тѣхъ...“ (стр. 384).

Мнѣ кажется, что если прочесть это мѣсто безъ всякой предвзятой мысли, врядъ ли можно придти къ выводу, сдѣланному проф. Успенскимъ, врядъ ли можно заключить, что, называя Богомъ творца высшаго надземнаго міра, *стригольники приписывали земное строительство не Богу, а другому началу*. Слова, на которыя ссылается проф. Успенскій, доказываютъ только то, что Фотій былъ возмущенъ еретиками, осмѣлившимися назвать своимъ отцомъ Бога, котораго они оскорбляли. Что иначе этого нельзя понимать, доказываютъ слова того же Фотія, на которыя проф. Успенскій не обратилъ вниманія... „А егда держаще себѣ,—говоритъ Фотій о стригольникахъ,—будутъ въ преданіяхъ евангелическихъ и апостольскихъ и отеческихъ и *тогда*

могутъ Бога и отца себѣ нарицати [1])...“ Притомъ же выраженіе, которое вызвало такой гнѣвъ митрополита Фотія, не представляетъ собой чего-нибудь стригольническаго или же богомильскаго, а могло быть взято прямо изъ евангелія, гдѣ говорится: „И отца не зовите себѣ на земли: единъ бо есть Отецъ вашъ, иже на небесѣхъ“ [2]). Точно также и названіе церви „небомъ земнымъ“ употреблялось часто и православными (Макарій, V, 158).

Все это не позволяетъ согласиться съ мнѣніемъ почетнаго изслѣдователя, не позволяетъ признать *тожества* ереси стригольниковъ съ антицерковнымъ движеніемъ византійскимъ и болгарскимъ тѣмъ болѣе, что проф. Успенскій отказался дать отвѣтъ на вопросъ о средствахъ и путяхъ перенесенія этихъ ученій въ Псковъ и Новгородъ. А. Н. Веселовскій, ставившій вопросъ о вліяніи богомиловъ на ересь стригольниковъ, высказалъ предположеніе, что послѣдняя сложилась подъ другими вліяніями, пришедшими съ Запада [3]). Такое предположеніе болѣе опредѣленно высказалъ проф. Н. С. Тихонравовъ въ рефератѣ, прочитанномъ на 2 археологическомъ съѣздѣ. Къ сожалѣнію, рефератъ Н. С. Тихонравова извѣстенъ только въ краткомъ изложеніи, не напечатанъ цѣликомъ [4]) и потому, вѣроятно, не встрѣтилъ со стороны проф. Успенскаго

---

[1]) Пам. Кан. Пр., I, ст. 436.

[2]) Матѳ., гл. XXIII, ст. 8—10.

[3]) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. Спб. 1872, стр. 144—145.

[4]) Труды II археолог. съѣзда, вып. II, стр. 35 и сл.

ни обстоятельнаго разбора, ни опроверженія. Между тѣмъ онъ заслуживаетъ вниманія, какъ наиболѣе вѣроятное рѣшеніе загадки о происхожденіи ереси стригольниковъ. Н. С. Тихонравовъ, какъ извѣстно, сближаетъ секту стригольниковъ съ нѣмецкими крестовыми братьями или гейслерами, которые появились еще въ XIII вѣкѣ и скоро распространились по всей Западной Европѣ. Особенно большой успѣхъ имѣли гейслеры въ 1340 и 1349 годахъ, когда въ Западной Европѣ появилась моровая язва, унесшая, по исчисленію Геккера, въ одной Европѣ до 25 милліоновъ жителей [1]) и приводившая въ ужасъ все населеніе Европы. Толпы бичующихся, призывавшихъ къ покаянію, проповѣдывавшихъ равенство, ненависть къ духовенству, нападавшихъ на корыстолюбіе послѣдняго, толковавшихъ евангеліе, имѣли огромный успѣхъ повсюду, куда только ни заходили.

Въ 1351 году появилась моровая язва, или, какъ ее называли въ Россіи, „черная смерть". Въ Псковѣ она характеризовалась такимъ признакомъ:

„харкнетъ человѣкъ кровью—и на четвертый день умираетъ; предвидя скорую смерть, мужчины и женщины шли въ монастыри и тамъ умирали, постригшись; другіе приготовлялись къ смерти въ домахъ заботами о душахъ своихъ, отдавая имѣніе свое церквамъ и монастырямъ, духовнымъ отцамъ и нищимъ; священники не успѣвали ходить за каждымъ мертвецомъ на домъ, приказывали свозить всѣхъ на церковный дворъ, и за ночь къ утру набиралось труповъ по тридцати и больше у каждой церкви, и всѣмъ было одно отпѣваніе, только молитву разрѣ-

[1]) Ersch und Gruber's Allgemeine Encyclopädie, I Sect, T. 56, S. 249.

шительную читали каждому порознь, и клали по три или по пяти головъ въ одинъ гробъ. Такъ было по всѣмъ церквамъ, и скоро стало негдѣ погребать. Многіе думали, что никто уже не останется въ живыхъ...“ [1]).

Однимъ словомъ, наступила паника, которая постоянно сопровождаетъ разнаго рода общественныя бѣдствія, въ родѣ холеры, голода и т. д. Около этого времени могли зайти въ Псковъ и крестовые братья, которые ходили повсюду, распѣвая на мѣстномъ языкѣ гимны, призывавшіе къ покаянію, и подвергая себя жестокому бичеванію. „Подъ вліяніемъ ихъ проповѣди, многіе потеряли уваженіе къ своимъ отцамъ духовнымъ, поставленнымъ *на мздѣ*, перестали ходить къ нимъ на покаяніе и въ церковь [2]), начали „отъ причастія удалятися“ [3]), „изучать словеса книжная, яже сладка суть слышати хрестьяномъ“ [4]), доказывать, что „не достоитъ надъ мертвыми пѣти, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за умершаго приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыню давати за душу умершаго...“ [5]). Послѣдняя черта въ ученіи стригольниковъ вызвана была, вѣроятно, сильно распространившимся около этого времени обычаемъ „задушья“, который состоялъ въ томъ, что „поповечревоугодници“ для полученія доходовъ поминали, какъ

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. (Изд. товарищества „Общ. Польза“ Кн. I, ст. 1221, 1222.

[2]) Пам. Кан. Пр. I, ст. 893.

[3]) Ibid., стр. 214.

[4]) Ibid., стр. 218.

[5]) Ibid., стр. 224.

мертвыхъ, еще находившихся въ живыхъ. „Како-ли речеши покоитися умершаго, а онъ еще живъ, ясть, піетъ, богатство собираетъ и грѣхи нѣкія творить...“ [1]).

Профессоръ Успенскій склоненъ думать, что стригольники отрицали обычай „задушья“, такъ какъ не вѣрили въ загробную жизнь. Но, во-первыхъ, свидѣтельство м. Фотія, которое могло бы оправдать такой взглядъ—единственное („яко и воскресенію не надѣюще быти мняху“) [2]), а во-вторыхъ, это какъ то не вяжется съ тѣмъ, что стригольники „почитали святое евангеліе“ [3]), и наравнѣ съ крестными братьями отводили такое видное мѣсто покаянію. Такимъ образомъ, ученіе стригольниковъ тожественно съ ученіемъ крестовыхъ братьевъ. Способъ каяться *землѣ* („велите земли каятися человѣку“) [4]), повидимому, сопровождался и здѣсь бичеваніемъ. По крайней мѣрѣ, какъ мнѣ кажется, только такъ можно объяснить то мѣсто лѣтописи, гдѣ разсказывается о низверженіи Перуна въ Новгородѣ такимъ образомъ: „онъ же (Перунъ) пловяше сквозѣ велій мостъ, верже палицу свою на мостѣ, *ею-же безумніи убивающеся утѣху творятъ бѣсомъ*“ [5]).

Любопытно, что легенда какъ бы освятила даже одну изъ такихъ „палицъ“, разсказавъ, что ап. Андрей

---

[1]) Памятники Стар. Русск. Лит., IV, стр. 217.
[2]) Пам. Кан. Пр. I, ст. 476.
[3]) Ibid., ст. 221.
[4]) Ibid., ст. 223.
[5]) П. С. Л., III., стр. 207.

Первозванный оставилъ ее на память Новгороду, какъ оставилъ крестъ въ Кіевѣ.

Вліянію тѣхъ же флагеллантовъ нужно приписать то обстоятельство, что на литературныхъ памятникахъ XIII—XIV вѣковъ лежитъ покаянный отпечатокъ [1]). Этимъ же вліяніемъ, вѣроятно, объясняется сильная зависимость нѣкоторыхъ памятниковъ старинной русской литературы отъ соотвѣтствующихъ памятниковъ западно-европейскихъ. Такъ, напримѣръ, очень распространенное въ XV вѣкѣ „Слово о Средѣ и Пяткѣ“, какъ доказывалъ профессоръ А. Н. Веселовскій и г. Карнѣевъ, находится въ связи съ разсказомъ хроники Рожера de Hovedene, который могъ быть занесенъ къ намъ крестовыми братьями [2]). Затѣмъ, около этого же времени были очень распространены въ древней Руси „Эпистолія о Недѣлѣ“ и „Сонъ Богородицы“. Вотъ что говоритъ профессоръ Веселовскій объ ихъ происхожденіи и появленіи на Руси: „Эпистолія о недѣлѣ“ была гланымъ текстомъ гейслеровъ. Мы указали на связь между замысломъ „Сна Богородицы“ и апокрифомъ объ ея Успеніи; праздникъ Успенія былъ у гейслеровъ въ особомъ почетѣ. Діалогъ между Богородицей и Христомъ встрѣчается и въ апокрифѣ, и во Снѣ; въ послѣднемъ онъ переносится къ подножію креста. Духовныя пѣсни нѣмецкихъ гейслеровъ особенно подробно остановились именно на этой темѣ: онѣ выставили Богородицу заступницей и спасительницей человѣческаго рода; въ русскомъ Снѣ, получив-

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв., 1891 г., № IX, стр. 174.

[2]) Журналъ Мин. Нар. Просв., 1891 г., № IX, стр. 167.

шемъ характеръ заговора, это значеніе сохранилось, но перенесено наивнымъ образомъ на самую формулу Сна: кто его хранитъ, или помнитъ, спасенъ будетъ. Послѣ всего сказаннаго,—говоритъ профессоръ Веселовскій,—я не далекъ отъ мнѣнія, что нашъ сводъ не только принадлежитъ Западу, но и составился тамъ въ кругу гейслеровскихъ представленій" [1]). Такое заимствованіе не представляетъ собой ничего невѣроятнаго, потому что гейслеры пѣли свои пѣсни обыкновенно на языкѣ того народа, къ которому приходили. Длугошъ, напримѣръ, говоритъ о пѣсняхъ крестовыхъ братьевъ на польскомъ языкѣ [2]). Кромѣ того, въ пользу теоріи о западномъ вліяніи въ возникновеніи ереси нашихъ стригольниковъ говоритъ еще и то обстоятельство, что ересь появилась не въ Кіевѣ и не въ Москвѣ, а во Псковѣ и Новгородѣ, т.-е. въ городахъ, имѣвшихъ сношеніе съ Западной Европой.

Признавъ, что русскіе стригольники были послѣдователями западно-европейскихъ братьевъ или „бичующихся", нельзя уже довольствоваться тѣми объясненіями слова „стригольники", которыя давались нашими учеными до сихъ поръ, тѣмъ болѣе, что значеніе этого слова можетъ служить лишнимъ доказательствомъ защищаемой мною гипотезы. Я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ проф. Успенскаго, что въ немногочисленныхъ русскихъ извѣстіяхъ объ ереси употребленіе термина „стригольникъ" должно быть толкуемо въ смыслѣ характеристики секты, а не „художества"

[1]) Журн. М. Нар. Просв., 1876 г., № IV, стр. 360.

[2]) Historia Polonica, lib. VII (eb. Huyssen), col. 764, s. 1094.

или ремесла, которымъ занимался основатель ея, Карпъ. Но я не нахожу никакихъ данныхъ для того, чтобы вслѣдъ за нимъ толковать слово „стригольникъ“ въ смыслѣ обрѣзаннаго по еврейскому или богомильскому обряду [1]). Слово *стрѣкать* никогда не имѣло значенія стричь. Наши филологи ставятъ его въ зависимость съ чешскимъ stréckovati (скакать), нѣмецкимъ Streich (толчокъ), англ.-сакс. stricap, исландск. striuca, имѣющимъ значенія „бить, ударить и убѣжать“. Отъ этого же корня происходятъ употребляющіяся и въ настоящее время слова: стрекало, стрекнуть, подстрекать, стрекава (жгучая крапива) и др. Такимъ образомъ „стрѣкольникъ“ или стригольникъ должно имѣть значеніе—бьющій, бичующій. Что же касается до замѣны буквы *ѣ* буквой *и*, то это признается самымъ обычнымъ свойствомъ говора Новгородской губерніи даже въ настоящее время. Только при такомъ толкованіи этого слова и можетъ быть понятно выраженіе нашего источника: „завистію бо стрѣкаемы, вы, стригольници, возстаете на святителя и на поповъ...“

Несмотря на всякаго рода мѣры, которыя принимались для вразумленія еретиковъ, ересь существовала очень долго, сохраняя тѣ же принципы, какъ и вначалѣ. Такъ, въ 1490 году, архіепископъ Геннадій жаловался еще на Захара стригольника, который „лаялъ его безперестани три года“, велъ съ этимъ еретикомъ бесѣды, по которымъ „позналъ, яко стригольникъ есть“.

---

[1]) Очерки по исторіи Византійской образованности, стр. 388.

Несомнѣнно, что стригольники явились какъ бы началомъ русскаго богоискательства и что начавшіяся сношенія съ Западомъ не переставали давать этому теченію новую пищу.

2.

Сношенія съ Западомъ въ XV вѣкѣ были уже довольно значительны, но, по неимѣнію точныхъ данныхъ, это скорѣе чувствуется, нежели доказывается. Я попробую привести нѣсколько, правда, отрывочныхъ фактовъ, которые, какъ мнѣ кажется, могутъ отчасти подтвердить такое положеніе. На сношеніе съ Римомъ уже въ XII в. косвенно указываетъ житіе св. Антонія, который „родился во градѣ велицѣмъ Римѣ, иже отъ западныя части отъ италійския земли, отъ латынска языка“ [1]). Другой святой—Макарій Лезенскій тоже былъ родомъ изъ Рима и умеръ около Новгорода [2]). Въ 1417 г. м. Фотій отдѣльной грамотой далъ разрѣшеніе пользоваться разнаго рода продуктами, приходящими „изъ нѣмецкіе земли“, очистивъ ихъ предварительно молитвою отъ іерея [3]). Въ 1481 г. св. Евфросинъ Псковскій въ своемъ „Завѣщаніи чернецемъ“ вынужденъ былъ запретить имъ „нѣмецькаго платія носити“ [4]). Въ 1431 г. м. Фотій услышалъ, что въ

---

[1]) Пам. Стар. Рус. Лит., вып. I, 263, 264.

[2]) Филаретъ. Житія святыхъ, стр. 125.

[3]) Пам. Кан. Пр., I, 380.

[4]) Барсуковъ, Агіографія, стр. 182.

Псковѣ „хотящихъ креститися вмѣсто мѵра великаго мазали мѵромъ латынскимъ“ и предписалъ мазать святымъ миромъ, „иже идетъ изо Царяграда“ [1]). Въ Псковѣ жило немало разнаго рода иностранцевъ вообще. По поводу чудотворной Богоматери въ Псково-Печерскомъ монастырѣ лѣтописецъ подъ 1519 г. записалъ, что она „не токмо крестьянъ, но и латыны исцѣляетъ“ [2]). Цѣлый рядъ иностранцевъ-мастеровъ пріѣзжаетъ теперь въ Россію и находитъ себѣ здѣсь дружелюбный пріемъ. Въ 1477 г., напримѣръ, „сдѣланъ бысть верхъ на Симоновѣ, иже громъ сразилъ, а дѣлалъ мастеръ *Венецийскый другій*, не той, иже большую церковь Пречистыя ставитъ“ [3]). Изъ Италіи пріѣзжали къ намъ архитекторы, пушечные мастера, ювелиры [4]). Въ 1492 г. даже „Иванъ Спаситель Фрязинъ, капланъ постриженный Августинова закона бѣлыхъ чернецовъ, закона своего отрекся, и чернечество свое оставилъ, и понялъ за себя Алексѣевскую жену Сюрикова“ [5]). Въ 1493 г. въ Новгородѣ проживалъ Веніаминъ, „мнихъ обители св. Доминика“, зналъ латинскій языкъ и, несмотря на то, что былъ „вѣрою латынянинъ“, своими свѣдѣніями содѣйствовалъ Геннадію на пользу церкви [6]). Всѣ эти ино-

[1]) Пам. Кан. Права, I, 495.

[2]) Карамзинъ, т. VIII, примѣч. 383, стр. 62 (изд. Эйнерлинга).

[3]) Ibid., т. VI, пр. 629, стр. 94.

[4]) Ibid., т. VI, стр. 50.

[5]) Ibid., т. VI, пр. 629, стр. 100.

[6]) Филаретъ. Обзоръ русской духовной литературы. Спб. 1884, стр. 122.

странцы несомнѣнно знакомили русскихъ съ западно-европейской жизнью, заносили съ собой разнаго рода свѣдѣнія, будили русскую мысль, вступая въ споръ съ русскими. Захарія Щечкинъ сообщалъ, напримѣръ, Зиновію Отенскому, что „нѣмцы свѣйскіе поносятъ намъ православнымъ о поклоненіи, яко на оба колѣна покланяемся Богови падающе“ [1]). Въ результатѣ такихъ сношеній было то, что не только въ Новгородѣ и Псковѣ, но даже въ Москвѣ больше знали латинскій и нѣмецкій языки, нежели греческій. Въ 1519 г., напримѣръ, переводились дѣянія апостольскія *съ греческаго* языка—Максимомъ Грекомъ да Власіемъ толмачемъ латинскимъ и нѣмецкимъ. Максимъ переводилъ съ греческаго на латинскій, а толмачи уже съ латинскаго на русскій [2]). На рукописной псалтири XVI в. сохранилась надпись, что Максиму Греку при переводѣ помогали „Власіе и Димитріи руси достовѣрніи мужіе и латыньскаго гласа зѣло искусни“ [3]). Въ 1505 г. составлено было сочиненіе, отстаивавшее права духовенства на вотчинныя владѣнія. Авторъ несомнѣнно русскій человѣкъ, но пользовался не славянской библіей и не греческой, а латинской [4]). Наконецъ, всѣмъ извѣстный фактъ, что когда потребо-

---

[1]) „Истины Показаніе“, стр. 935.

[2]) Описаніе Сергіевской лавры, М. 1857, стр. 158 и 159.—В. Жмакинъ, митрополитъ Даніилъ, стр. 167.

[3]) Шляпкинъ, И. Описаніе рукописей Спасо-Евфиміевскаго монастыря, № 3, стр. 8 и 9. Ср. „Истины показаніе“ Зиновія Отенскаго, стр. 964.

[4]) Макарій, VI, стр. 142.

валась полная библія, при архіепископѣ Геннадіѣ, то она переведена была съ латинской вульгаты. Пасторъ Веттерманъ видѣлъ въ царской библіотекѣ, состоявшей изъ еврейскихъ, греческихъ и латинскихъ книгъ, „нѣкоторыхъ значительныхъ авторовъ, на коихъ ссылаются у насъ многіе писатели, но коихъ творенія не видны болѣе въ нашихъ странахъ". Если вѣрить профессору Добелову, то книги эти состояли изъ греческихъ и римскихъ классиковъ [1]). Книги эти могли быть вывезены въ Россію Софьей Палеологъ.

Флорентійскій соборъ, на которомъ присутствовали русскіе, женитьба Іоанна III на Софьѣ Палеологъ— все это факты, которые не могли не принести съ собой въ русскую жизнь чего-нибудь новаго. Дѣйствительно, какъ во внѣшней, такъ и во внутренней жизни современнаго русскаго общества можно отмѣтить большія перемѣны. Начало входить въ употребленіе „нѣмецкое" платье, противъ котораго возставалъ св. Евфросинъ; самъ великій князь, а, вѣроятно, и другіе сбрили себѣ бороду. Вся смѣлость такого шага станетъ понятной только тогда, если принять во вниманіе, что въ Византіи и Россіи относились съ большимъ уваженіемъ къ бородѣ, считая ее какъ бы результатомъ продолжительной аскетической жизни [2]). „Чего ради закону Божію не повинуешися и супротивная твориши,—обличалъ Іоанна III строгій ревнитель православной старины:—проклятую бритву накладаеши на

[1]) Н. Лихачевъ. Библіотека и архивъ Московскихъ государей въ XVI в. Спб. 1884 г., стр. 28.

[2]) Иконниковъ. Культурныя вліянія Византіи, стр. 67.

браду... православную вѣру держа, побѣжаеши ю зловѣріемъ, *латынскаа мудрствуя*" [1]). Въ сборникахъ XV в. доказывалось, что „...клятвѣ подлежатъ истребляющія бритвою брады своя, противящися безъ ума заповѣди Божіи" [2]). Что количество людей, „истреблявшихъ бритвою брады своя", было далеко не незначительно, доказывается постановленіемъ Стоглаваго собора, который долженъ былъ возбранять, „чтобы не брити брадъ и усовъ не постригати", потому что „таковая нѣсть православныхъ, но поганыхъ латынская и еретическая преданія" [3]). Борода была своего рода знаменемъ. Сбрить ее значило сдѣлаться „латынникомъ". За бороду ратовалъ даже такой образованный человѣкъ, какъ кн. Андрей Курбскій [4]). Такимъ образомъ, вопросъ о „постриженіи брадъ" былъ въ то время вопросомъ очень серьезнымъ, и рѣшеніе его въ томъ видѣ, какъ это сдѣлалъ Іоаннъ III, есть результатъ критической мысли, нѣкотораго раціонализма. Послѣдній вообще замѣтно отразился на многихъ вопросахъ современной практики. Геннадій, напримѣръ, недоволенъ на „нечесть государеву великую", на то, что „церкви старые извѣчные выношены изъ города вонъ, да и монастыри старые извѣчные съ мѣста переставлены... да на тѣхъ мѣстѣхъ садъ посаженъ... А то вѣдь,— негодуетъ онъ дальше,—*по знатью* государя ввели въ грѣхъ", объяснивъ ему, что если возможны походныя

---

[1]) Пам. Кан. Пр. I, стр. 880.

[2]) Рк. Спб. Дух. Ак., № 1098, л. 23 об.

[3]) ,,Стоглавъ'', изд. Д. Кожанчикова, стр. 124.

[4]) ,,Правосл. Собес.'', 1863 г., іюль, стр. 453.

церкви, то значитъ можно и церкви переносить [1]). Слышались голоса, говорившіе что „душа самовластна—заграда ей вѣра“ [2]). На современное духовенство выражали неудовольствіе за то, что священники „въ лѣности и нерядствѣ и безстрашіи ученія разумъ погубивши и ни впросити хотять, ни учятся. О утробнѣмъ гладѣ сѣтуются и вертятся, *а о душевнѣмъ гладѣ и реку разума Божія глада никакожъ не потужатъ*“ [3]). Между тѣмъ, въ это время русскіе томились именно духовной жаждой. Разумъ, загражденный до тѣхъ поръ вѣрой, потребовалъ многихъ разъясненій. Началось сознательное богоискательство. Всѣ, не только міряне, но также и монахи, начали „пытать о вѣрѣ“ [4]) и этимъ поставили въ большое затрудненіе своихъ давнишнихъ руководителей, именно духовенство, смутивъ его „недоумѣнными вопросами“. Духовенство почувствовало свое полное безсиліе дать удовлетвореніе своей паствѣ. Новгородскій архіепископъ Феофилъ (1481—1483 гг.) отказался отъ архіепископства, откровенно сознаваясь, что при „своей грубости и недостачьствѣ ума... словесныхъ овецъ пасти и воздержати не возмогъ“ [5]). Новый архіепископъ Сергій, занявшій его мѣсто, скоро тоже (1484 г.) заявилъ, что не хочетъ даже „архіепископомъ нарицатися“, такъ какъ ничтоже могъ святи-

---

[1]) Пам. Кан. Пр., I, ст. 772 и 773.

[2]) Рукоп. Спб. Дух. Ак., № 1098, л. 8.

[3]) Рукоп. Спб. Дух. Ак. (Софійск. библ.), № 1454, л. 15 об.

[4]) Пам. Кан. Пр., I, стр. 823.

[5]) Ibid., стр. 747.

тельскаа дѣйствовати“ [1]). Другіе, болѣе энергичные, въ родѣ архіепископа Геннадія, остались на своихъ мѣстахъ и выступили открыто въ борьбу съ принявшимъ широкіе размѣры богоискательствомъ которое они, долго не задумываясь, назвали „ересью“, а послѣдователей-еретиковъ—„жидовствующими“.

3.

Въ чемъ же состояла эта ересь?

Къ сожалѣнію, для рѣшенія этого вопроса нѣтъ точныхъ данныхъ. Характеризовать ересь приходится со словъ ея обличителей, пристрастно относившихся къ этому вопросу и не всегда имѣвшихъ точныя понятія о сущности того ученія, которое имъ приходилось обличать. Ни архіепископъ Геннадій, ни Іосифъ Волоцкій не могли привести въ сколько-нибудь цѣльную систему доходившихъ до ихъ свѣдѣнія положеній. Оба они видѣли въ современномъ имъ вольномысліи „ереси многи“. Еретики, по словамъ Іосифа, „десятословіемъ на жидовство учаще и Саддукейскую и Мессаліанскую-ересь и много развращенія творяще“ [2]). Разъ сами современники, на основаніи которыхъ мы только и можемъ судить объ этой ереси, не имѣли о ней опредѣленнаго понятія, то вполнѣ естественно, что и мы можемъ говорить о сущности ея только въ общихъ чертахъ.

---

[1]) Ibid., стр. 750.

[2]) „Просвѣтитель“, стр. 59.

„Еретики, какъ оказалось по соборному дознанію [1]), говорили объ Іисусѣ Христѣ: какъ можетъ Богъ на землю снити и отъ Дѣвы родитися, яко человѣкъ? Но не есть тако, но яко пророкъ бѣ подобенъ Моисею, а не равенъ Богу Отцу. И не вѣроваху еже отъ пречистыя Дѣвы Богородицы рождеству Его, ни воскресенію Его,— ни на иконахъ написанному образу Его по человѣчеству Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія, не покланяхуся, ни Пречистыя Образу, ни св. Его угодникамъ; но хулящеся и ругающеся глаголаху: то суть дѣла рукъ человѣческихъ и пр. Такоже и божественную службу совершающе ядше и пивше, *и тѣло Христово ни во что же вмѣняюще, яко простъ хлѣбъ, и кровь Христову, яко просто вино;* и иныя ереси многи творяще противно правиламъ св. Апостолъ и св. Отцевъ, *но больше Ветхаго закона держахуся, по іудейски Пасху праздноваху, въ среду и пятокъ мясо ядяху* и млеко и иныя дѣла еретическія творяху, ихъ же немощно и писанію предати“.

Іосифъ Волоцкій нѣсколько подробнѣе сообщаетъ то же ученіе. По его словамъ, жидовствующіе говорили, что Іисусъ Христосъ еще „не родился, когда же родится, то наречется сыномъ Божіимъ не по существу, а по благодати... а его же глаголютъ Христіане Христа Бога, тотъ простъ человѣкъ есть, а не Богъ“ [2]). Св. Троицы еретики не признавали, поясняя, что „Богъ Отецъ Вседержитель имать Слово и Духъ, то-есть слово произносно и Духъ на воздухѣ разливаяйся“ [3]). Но въ одномъ мѣстѣ почему то тотъ же

---

[1]) „Православный Собесѣдникъ“, 1862 г., т. VIII, стр. 308, 309.

[2]) „Просвѣтитель“„ стр. 5, 24, 40.

[3]) Ibid., стр. 5.

Іосифъ счелъ необходимымъ доказывать еретикамъ невѣрность положенія filioque [1]).

Затѣмъ еретики „хулили св. Дѣву, предтечу Іоанна, св. Апостоловъ, святителей, преподобныхъ и богоносныхъ отцовъ“ [2]), доказывали, что „иноци самосмышленіемъ и самоученіемъ изобрѣтша себѣ житіе“, такъ какъ Іисусъ Христосъ не былъ монахомъ [3]), не признавали „задушья“, т.-е. службъ, молитвъ и приношеній за умершихъ. „Аще сіа сице имуть, говорили они, *вси спасутся* и никтоже погрѣшитъ“ [4]). Судя по этимъ словамъ, можно думать, что жидовствующіе вѣрили въ загробную жизнь, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ Іосифъ прямо говоритъ, что „еретици, жидовская мудрствующее, глаголютъ, яко-же пророци пишутъ о страшномъ судѣ и воскресеніи мертвыхъ и о воздаяніи по дѣломъ истинна суть“ [5]). Такому представленію однако противорѣчатъ слова „злобѣснаго волка“, раздѣлявшаго ученіе жидовствующихъ, митрополита Зосимы, который, по словамъ Іосифа Волоцкаго, говорилъ: „а что то царство небесное, а что то второе пришествіе, а что то воскресеніе мертвыхъ, ничего того нѣсть, умерлъ кто—инъ по та мѣста и былъ“ [6]). Такія неопредѣленныя и даже противорѣчивыя показанія не позволяютъ точно выяснить догмати-

---

[1]) Ibid., стр. 82.
[2]) Ibid., стр. 8.
[3]) Ibid., стр. 7.
[4]) Ibid., стр. 96.
[5]) Ibid., стр. 66.
[6]) „Просвѣтитель“, стр. 12.

ческую сторону ученія жидовствующихъ. Гораздо опредѣленнѣе выступаютъ ихъ критицизмъ и отрицаніе всякой обрядности, внѣшней стороны культа.

„Не подобаетъ поклонятися,—говорили они,—плотьскому смиренію, иже насъ ради въчеловѣчьшася Бога Слова, ради иконнаго воображенія, образу Господа нашего Іисуса Христа, и Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ и честному и животворящему Кресту и Божественному Евангелію и святымъ и животворящимъ Христовымъ таинамъ и освященнымъ сосудамъ, и честнымъ мощемъ и божественнымъ церквамъ... глаголющи, яко *не подобаетъ рукотворенію покланятися*". „Почитати сихъ достоитъ, поклонятися же не подобаетъ ничему же развѣ единаго Бога" [1]).

То же писалъ о жидовствующихъ митрополитъ Зосима [2]). Еретики не ограничивались теоретическими разсужденіями, а подтверждали свои воззрѣнія дѣйствіями. По словамъ архіеп. Геннадія, еретики не только хулили иконы, но всячески ругались надъ ними. „Здѣсь Алексѣйко подъячей,—пишетъ онъ,—влѣзъ въ чясовну, да снявъ съ Лавици икону—Успеніе Пречистые, да на нее скверную воду спускалъ, а иныя иконы вверхъ ногами переворочалъ. А что поки безъименныхъ, ино и числа нѣтъ, кои иконы рѣзаны, а не вѣсть кѣмъ" [3]). Іосифъ Волоцкій приводитъ цѣлый рядъ такого рода издѣвательствъ надъ иконами. Многіе, говоритъ онъ, иконы „подъ постелю полагаху, и на нихъ спаху, *на иныхже ногами стояща мыяхуся*. И не точію тѣхъ едини творяху таковыя

[1]) „Просвѣтитель", стр. 5, 133, 136, 150, 153 и др.

[2]) Пам. Кан. Пр. I, стр. 785.

[3]) Пам. Кан. Пр. I, 780, 783, 78ѣ.

скверненія, ихъ же имена явихъ, *но вси таковіи бяху, иже въ жидовство отступивше*" [1]). Попъ Денисъ всенародно, во время богослуженія, „за престоломъ плясалъ, да и кресту ся наругалъ... [2]). Проф. Никитскій предполагаетъ, что открытое поруганіе иконъ и крестовъ началось тогда, когда ересь оставила тѣсный кружокъ своихъ основателей и стала удѣломъ людей, вышедшихъ изъ массы [3]). Такимъ образомъ, кощунство какъ бы не входило въ расчеты самихъ еретиковъ. Но такое мнѣніе врядъ ли справедливо. Мы видимъ, что факты богохульства совершаются здѣсь не чернью, а подьячими, священниками, діаконами... Съ еретиками—попомъ Гаврилкомъ да попомъ Денисомъ, надругавшимися надъ крестомъ, „служили архимандриты, и игумены, и протопопы, и священники многіе" [4]). Очевидно, что это было нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ „ребячество, граничившее съ грубымъ фанатизмомъ", какъ предполагалъ проф. Никитскій. Еретики были строго послѣдовательны, считали необходимымъ приводить въ исполненіе свои убѣжденія ихъ демонстрировать и особенно ярко подчеркивать.

Что касается до критицизма жидовствующихъ, то онъ выразился въ томъ, что они изучали священное писаніе, какъ ветхій, такъ и новый завѣтъ, подвергали его критикѣ, вдумывались въ то, что читали. Они, напримѣръ, недоумѣвали, какъ это отцы церкви

---

[1]) „Просвѣтитель", стр. 324.

[2]) Пам. Кан. Пр. I, 768 и 769.

[3]) Очерки внутренней жизни Новгорода, стр. 166.

[4]) Пам. Кан. Пр. I, стр. 768.

„пишутъ овогда яко святую Троицу пріятъ Авраамъ, овогда же яко Бога пріятъ съ двѣма Ангелома, овогда же три ангелы пріятъ—сіа убо глаголы мьнятся, яко съпротивны себѣ“ [1]). Еще болѣе поколебала ихъ вѣру въ истинность св. отеческихъ писаній ожидавшаяся всѣми съ ужасомъ кончина міра, которая должна была произойти въ 7000 году. „Нынѣ седмь тысящь лѣтъ прошло,—говорили жидовствующіе,—а конца нѣтъ“, и дѣлали отсюда прямой выводъ, что предвѣщавшія кончину міра „святыхъ отецъ писанія ложна суть и подобаетъ сихъ писаній огнемъ съжещи“ [2]). Такимъ же точно образомъ доказывали еретики, что писанія св. Ефрема—„ложна суть“ [3]), и т. д. Несомнѣнно, что неосуществившаяся кончина міра, которой грозилъ, между прочимъ, Геннадій еретикамъ, призывая ихъ къ покаянію, оказала большое вліяніе на развитіе „ереси“, поддержала авторитетъ московскихъ вольнодумцевъ. Въ любопытномъ „поученіи епископли къ іереомъ“ говорится, что въ русскомъ обществѣ того времени много насчитывалось людей, смѣявшихся надъ неосуществившимся ожиданіемъ кончины міра [4]).

Это изученіе священнаго писанія, „пытанія“ являются характерной чертой разсматриваемаго умственно-религіознаго движенія. Уже въ 1471 году м. Филиппъ укорялъ новгородцевъ за то, что они „копячася въ сонмы,

---

[1]) „Просвѣтитель“, стр. 110.
[2]) Ibid., стр. 209 и сл.
[3]) „Просвѣтитель“, стр. 239.
[4]) Ркп. Соф. библ., № 1454, л, 16—21.

поостряются на многія стремленія, и на великое земли неустроеніе, нетишину хотячи ввести, мятежь великъ и расколу въ святѣй Божьей церкви, да оставя православную и великую страну, да *приступити къ Латынномъ*" [1]). Въ 1493 г. Іосифъ Волоцкій писалъ, что „...нынѣ и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищѣхъ иноци и мирстіи вси сонмятся, вси о вѣрѣ пытаютъ" [2]). „Аще кто и не отступи въ жидовство,—говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ,—то мнози научишася отъ нихъ писанія божественная укоряти и на торжищахъ и въ домѣхъ о вѣрѣ любопрѣніе творяху и съмнѣніе имяху" [3]). Несомнѣнно, что не однимъ только чтеніемъ св. писанія, не одними религіозными вопросами занимались жидовствующіе.

Это былъ ученый кружокъ, интересовавшійся и современной наукой. Къ сожалѣнію, точныхъ свѣдѣній объ этомъ кружкѣ мы тоже не имѣемъ. Современники очень неопредѣленно разсказываютъ о томъ, что въ 1471 г. пріѣхалъ изъ Литвы кн. Михайло Олельковичъ, а „съ нимъ жидове торгомъ и мнози отъ поповъ и діаконовъ, живуще свинскимъ житіемъ, начаша къ нимъ ходить и бражничать и *учитися волшебскимъ книгамъ*" [4]). Что это были за книги, видно изъ словъ Іосифа Волоцкаго, который говоритъ, что жидовствующіе „...звѣздозаконію прилежаху и многымъ баснотво-

---

[1]) Пам. Кан. Пр. I, ст. 726.
[2]) Пам. Кан. Пр. I, 823.
[3]) „Просвѣтитель", стр. 13.
[4]) Православное Обозрѣніе 1862 г., № VIII, стр. 184.

реніемъ и астрологы, и чародѣйству и чернокнижію“ [1]).

Увлеченіемъ такого рода занятіями только и можно объяснить ту филипику, которую мы встрѣчаемъ въ одномъ азбуковникѣ: „...зѣло мерзостенъ предъ Господомъ вѣруяй волхвованію и чародѣйству и звѣздочотцамъ и планитникамъ и шестокрылу и любяй гиомитрию и прочая таковая“ [2]). Этимъ же объясняются, вѣроятно, и тѣ филипики, которыя мы встрѣчаемъ у Максима Грека противъ латинскихъ книгъ и произведеній астрологическаго содержанія. Новое направленіе вносило въ русскую жизнь новые взгляды, новые идеалы. Н. С. Тихонравовъ сдѣлалъ очень любопытное наблюденіе надъ тѣмъ, какъ отразилось это направленіе на русской литературѣ [3]). „Древнѣйшіе памятники цикла хожденій по аду и раю, принятые древней Русью изъ Византіи,—говоритъ онъ,—открываютъ доступъ въ рай только святымъ и суровымъ аскетамъ, умертвившимъ въ себѣ воздержаніемъ и молитвою всѣ вожделѣнія плоти. Земнаго рая достигаютъ—Зосима, не вкушавшій сорокъ сутокъ ни пищи, ни питія, Агапій, благочестивые отшельники, въ родѣ Макарія Римскаго, и т. д... Московскія сказанія XV в. отличаются другимъ характеромъ. „Повѣсть о бражникѣ“ уже проводитъ

---

[1]) Н. С. Тихонравовъ. Рецензія на „Исторію Литературы“ Галахова, стр. 39. Подробный обзоръ литературы „Жидовствующихъ“ сдѣлалъ проф. В. Н. Перетцъ въ его книгѣ: „Новые труды о жидовствующихъ и ихъ литературѣ“. Кіевъ. 1908 г.

[2]) Ibid., стр. 105.

[3]) „Просвѣтитель“, стр. 9, 12 и др.

мысль, что жизнь не должна быть бичеваніемъ плоти, что матерія имѣетъ свои неотъемлемыя права. Въ новозавѣтныхъ святыхъ, апостолахъ, евангелистахъ бражникъ открываетъ человѣческія увлеченія, не помѣшавшія имъ достигнуть рая. Евангелисту, который замыкаетъ веселому гулякѣ врата рая, этотъ міролюбецъ говоритъ: „Выдери изъ евангелія тотъ листъ, гдѣ гопорится—любите другъ друга". Это какъ нельзя лучше воказываетъ, что въ древней Руси XV в. аскетизмъ значительно ослабѣлъ, личность мало-по-малу освобождалась отъ тѣснившаго ее до сихъ поръ византійскаго догматизма. Если эту перемѣну во взглядахъ современнаго общества сопоставитъ съ занятіями разнаго рода „волшебными книгами", и жалобами на „свинское житіе" и „бражничество" нашихъ „еретиковъ", то мы будемъ имѣть нѣкоторое основаніе видѣть въ немъ, правда, далекій, но все-таки отголосокъ того движенія, которое составило эпоху для всей Европы— именно гуманизма и возрожденія. Тамъ вѣдь тоже „бражничество" было однимъ изъ характерныхъ признаковъ. Прочтите Боккачіо, записки Бенвенуто Челлини, да и кого хотите изъ гуманистовъ. Это былъ одинъ изъ видовъ протеста противъ средневѣковой мертвечины. А напримѣръ, развѣ не характеренъ тотъ фактъ, что одинъ изъ пропагандистовъ новаго ученія носилъ прозваніе „Скорявей"? Проф. В. Н. Перетцъ высказываетъ весьма остроумную догадку, что это прозвище въ корнѣ своемъ имѣетъ латинское слово „Scarabeus". Въ то время была гуманистическая мода, по которой ученые любили измѣнять свои фамильныя прозвища на соотвѣтственныя ла-

тинскія. Подобно Фишеру-Пискатору и нашъ „Скорявей—Scarabeus“ могъ быть просто „Жукомъ“, „Жуковичемъ“ или вообще чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ.

Деталь, роднящая нашихъ „жидовствующихъ“ съ европейскими гуманистами.

4.

Что касается до путей, какими идеи такого рода могли проникнуть къ намъ, то на нихъ прямо указываютъ наши источники. Это были Литва и Польша.

Въ послѣдней, какъ извѣстно, около этого времени наравнѣ съ науками гуманистическими усердно занимались астрономіей, астрологіей, магіей и медициной [1]).

Если до сихъ поръ хорошее образованіе получало здѣсь только духовенство да дѣти богатыхъ магнатовъ, то съ половины XV вѣка оно становится достояніемъ даже дѣтей простыхъ шляхтичей. Введеніе книгопечатанія (тоже въ половинѣ XV в.) дало новый толчокъ развитію образованности и литературы въ Польшѣ. Здѣсь въ это время были изданы сочиненія такихъ гуманистовъ, какъ Филельфо, Лаврентія Валлы, Эразма Роттердамскаго. Развитію гуманистическихъ занятій и интересовъ много способствовали также заѣзжавшіе сюда гуманисты-иностранцы. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ XV в., напримѣръ, пріѣзжалъ въ Польшу итальянскій гуманистъ Каллимахъ, находившійся въ связяхъ съ Марсиліо Фичино, Пико

[1]) Szujski. Odrodzenie i reformacya w Polsce, стр. 20.

Мирандола и Лаврентіемъ Великолѣпнымъ. Благодаря вліянію своему на короля и своему вѣсу при дворѣ, онъ добился того, что университетъ долженъ былъ открыть двери передъ стучавшимся въ него гуманизмомъ [1]). Польская шляхта, замѣтно тяготѣвшая къ Европѣ, получала воспитаніе въ германскихъ и итальянскихъ университетахъ и выбирала по преимуществу тѣ изъ нихъ, которые были *очагами* гуманистическаго движенія [2]). Всѣмъ этимъ легко объясняется развившееся въ Польшѣ съ половины XV в. нѣкоторое религіозное свободомысліе, то неуважительное отношеніе къ церкви и ея служителямъ, на которое жаловался уже Длугошъ. Все это въ значительной степени можетъ намъ разъяснить то непонятное на первый взглядъ оживленіе умственной жизни, которое наблюдается въ концѣ XV в. въ Новгородѣ и которое ставится нашими источниками въ непосредственную связь съ пріѣздомъ кн. Михаила Олельковича, явившагося въ сопровожденіи литовскихъ купцовъ.

Несомнѣнно, что жидовствующіе не только учились „волшебскимъ книгамъ“ и что научныя занятія не объясняютъ всего въ этомъ движеніи: въ „ереси“ была, повидимому, и сторона религіозная, которой, однако, нельзя считать прямымъ продолженіемъ стригольничества. Мнѣ кажется, что ее также необходимо поставить въ связь съ распространявшимися

---

[1]) Н. Карѣевъ. Реформація въ Польшѣ.—„Вѣстникъ Европы“ 1885 г., авг., стр. 546.

[2]) Любовичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ, стр. 43.

въ Литвѣ и Польшѣ гусситскими и таборитскими идеями.

Между Польшей и Чехіей издавна установились довольно близкія отношенія, благодаря отчасти племенному родству, отчасти сходству между языками этихъ двухъ народовъ. Еще въ XIV в. королева Ядвига основала при Пражскомъ университетѣ коллегію для литовцевъ [1]) и дала такимъ образомъ возможность своимъ подданнымъ получать высшее образованіе въ Чехіи. Поляки принимали живое участіе въ гусситскихъ войнахъ, отказались отъ участія въ крестовомъ походѣ, объявленномъ папою, противъ еретиковъ, вели оживленные дипломатическіе переговоры [2]). Съ 1471 г. по 1526 г. въ Чехіи царствовали Ягеллоны. Если даже предположить, что многіе придерживались гусситства не по убѣжденію, а лишь изъ-за политическихъ разсчетовъ, какъ это думаетъ проф. Любовичъ [3]), то все-таки нельзя отрицать вліянія этого ученія на религіозныя воззрѣнія современнаго польскаго общества. Насколько чисто дипломатическія отношенія могли быть проводниками идей, распространенныхъ въ Чехіи, доказываетъ лучше всего примѣръ дипломата-авантюриста Сестренца, который, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дипломатическихъ сношеній съ чехами, сдѣлался фанатикомъ гусситомъ горячимъ сторонникомъ крайняго направленія въ этомъ ученіи, проводникомъ таборит-

---

[1]) Jaroszewicz. Obraz Litwy, t. II, p. 41.

[2]) А. Барбашевъ. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія. Спб. 1891. Стр. 125 и сл.

[3]) Исторія реформаціи въ Польшѣ, стр. 44.

скихъ тенденцій. Съ особенной силой сказались послѣднія, когда началась реакція противъ гусситства [1]). Суровый велюнскій эдиктъ, приравнивавшій гусситскую „ересь“ къ государственной измѣнѣ, запрещенія ѣздить въ Чехію, читать чешскія книжки, притѣсненія гусситскихъ священниковъ, — все это ясно показываетъ, что идеи, занесенныя изъ Чехіи, находили себѣ благопріятную почву въ современной Польшѣ, что съ ними нужно было бороться [2]).

Вполнѣ естественно предположить, что распространенныя въ Польшѣ идеи могли быть занесены и въ Новгородъ, могли найти себѣ здѣсь сочувственное отношеніе. Такая гипотеза представляется тѣмъ болѣе вѣроятной, что ученіе русскихъ жидовствующихъ имѣетъ большое сходство съ ученіемъ таборитовъ [3]) и въ значительной степени уясняется послѣднимъ. По словамъ современнаго хрониста (Лаврентія изъ Бржозова), „въ это время недремлющій діаволъ, рѣшившій, чтобы каждому дано было своеволіе проповѣдывать все, что каждому будетъ угодно, породилъ вреднѣйшую ересь, утверждающую, что, подъ видомъ хлѣба и вина, освященныхъ по христіанскому обряду,

---

[1]) Prochaska. „Szkice historyczne z XV wieku“. Kraków. 1884. стр. 228.

[2]) Prochaska, l. c., стр. 48.—„Przewodnik nauckowy i literacki“, 1883 г. стр. 353. Denis, E. „Huss et la guerre des hussites“. 1878 г., стр. 400.

[3]) Обстоятельное и полное изложеніе этого ученія сдѣлано С. А. Венгеровымъ въ его статьѣ: „Таборитъ и ихъ общественно-политическіе идеалы“, „Вѣстникъ Европы“, 1882 г., августъ и сентябрь. См. также „Русская Мысль“, 1882 г., № 1.

раздается не дѣйствительное тѣло и кровь Христовы, а только освященный хлѣбъ и освященное вино, которые должны съѣдаться и выпиваться вѣрующими въ воспоминаніе о страданіяхъ Христа". Вслѣдствіе этого табориты „не хотѣли совершать колѣнопреклоненія предъ святыми дарами... гдѣ могли, выбрасывали дары изъ сосудовъ". Во главѣ своего исповѣданія табориты поставили пунктъ, заявляющій, что „только тому въ сочиненіяхъ и словахъ докторовъ нужно вѣрить, что прямо и ясно выражено въ библіи..." Отсюда изученіе священнаго писанія, тѣ занятія, которыя заставили заподозрить жидовствующихъ, что „поучаются дѣй на православныхъ..." [1]). На монастыри табориты смотрѣли какъ на „разбойничьи вертепы, основанные въ противность закону Христову", доказывали, что „не нужно молиться за упокой души усопшихъ или совершать другіе набожные поступки", заключавшіеся въ приношеніяхъ, подаркахъ, однимъ словомъ, не признавали того же „задушья", противъ котораго возставали жидовствующіе. Такъ же, какъ наши еретики, табориты не признавали мощей, доказывали, что молиться святымъ и призывать ихъ на помощь—идолопоклонство, что не слѣдуетъ молиться даже Богородицѣ и апостоламъ. Табориты не почитали иконъ и поступали съ ними такъ же, какъ и наши жидовствующіе. „Не только табориты, но вмѣстѣ съ ними и многіе пражане,—разсказываетъ хронистъ,—гдѣ только находили иконы, разрѣзывали ихъ на куски и сжигали, или же

---

[1]) „Пам. Кан. Пр." I. стр. 782.

вырѣзывали у нихъ глаза и носы и оставляли ихъ въ такомъ чудовищномъ видѣ на позоръ и поношеніе". Табориты отвергали разнаго рода церковныя украшенія, священные сосуды. Еще ближе къ русскимъ еретикамъ подходитъ секта, выдѣлившаяся изъ таборитовъ такъ называемыхъ „пикардовъ", т.-е. бегардовъ. Бегарды отвергали божественность Іисуса Христа, христіанъ называли язычниками за поклоненіе мощамъ, крестамъ и иконамъ, и, собственно говоря, мало отличались отъ таборитовъ. Въ обыденной жизни старались приблизиться къ библейской простотѣ. Въ зеленый четвергъ, напримѣръ, они съѣдали ягненка, разрѣзаннаго на 13 частей. Несъѣденное сжигали, мыли другъ другу ноги, благословляли прѣсный хлѣбъ, совершали разнаго рода библейскіе обряды. Сектанты эти, угрожаемые „умѣренными" пражанами, скоро удалились изъ Чехіи и, такимъ образомъ, распространили свое ученіе въ болѣе широкомъ районѣ. Достаточно сравнить пункты ученія чешскихъ „еретиковъ" съ изложеннымъ выше ученіемъ русскихъ жидовствующихъ для того, чтобы сходство между тѣмъ и другимъ, доходящее до полной тожественности, сразу же бросилось въ глаза. Комѣ того, предположеніе, что русскіе вольнодумцы находятся въ связи съ чешскими таборитами и пикардами, объясняетъ также и то, почему они получили названіе „жидовствующихъ". Причиной его могла быть та ветхозавѣтная обрядность, та еврейская внѣшность, которой придерживались и тѣ и другіе. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы настаивать на отожествленіи русскихъ еретиковъ съ

таборитами. Обличительныя сочиненія, направленныя противъ жидовствующихъ, на основаніи которыхъ мы только и можемъ судить о религіозной сторонѣ движенія, получившаго названіе ереси, даютъ о ней слишкомъ неопредѣленное понятіе. Почти несомнѣннымъ кажется намъ только то, что занятіе науками, *изученіе классической литературы* было базисомъ этого движенія, что наши жидовствующіе, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, были отпрысками западно-европейскаго гуманизма. Укрѣпляетъ насъ въ такомъ предположеніи тотъ фактъ, что къ „ереси" примкнули наиболѣе образованные русскіе люди, не только свѣтскіе, но и духовные, не исключая митрополита Зосимы [1]. Кружокъ „еретиковъ", состоявшій изъ протопоповъ и дьяковъ, встрѣтившій себѣ полное сочувствіе у Іоанна III, особенно усилился съ тѣхъ поръ, какъ, по словамъ арх. Геннадія, дьякъ Курицынъ изъ Венгріи, „изъ *угорскіе* земли пріѣхалъ, а вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ изъ угорской земли угрянинъ Мартынко" [2]. Такое заявленіе Геннадія возбуждаетъ вполнѣ естественный вопросъ, почему Курицынъ, по возвращеніи, примкнулъ къ „еретикамъ", началъ имъ покровительствовать? Мнѣ кажется, что это объясняется его трехлѣтнимъ пребываніемъ въ Венгріи, съ которой около этого времени у Москвы завязались оживленныя сношенія, благодаря общему врагу—польскому королю Казиміру, возбуждавшему новгородцевъ противъ Москвы. Въ Венгріи такъ же, какъ въ другихъ мѣстахъ, замѣчались „порывы къ

[1]) „Современныя Извѣстія", 1884, № 266.

[2]) „Пам. Кан. Пр.", I, 772, 782.

умственному развитію“ и были распространены гусситскія идеи, а знакомство съ классической литературой порождало броженіе идей [1]). Гуманистическое движеніе находило себѣ въ этой странѣ полное сочувствіе и поддержку со стороны короля Матвѣя Корвина, съ которымъ велъ переговоры русскій дьякъ и у котораго онъ просилъ прислать въ Москву военныхъ, горныхъ инженеровъ и литейныхъ дѣлъ мастеровъ [2]). Курицынъ не могъ не поддаться вліянію этого блестящаго государя, мецената-гуманиста, окруженнаго цѣлымъ рядомъ итальянскихъ художниковъ, ученыхъ, поэтовъ. Въ богатой библіотекѣ короля, состоявшей изъ 50.000 томовъ, вызывавшей единодушные восторги и удивленіе всѣхъ ученыхъ, быть можетъ, впервые началъ Ѳедоръ Курицынъ „учиться волшебскимъ книгамъ“, пріобрѣлъ любовь къ тѣмъ ученымъ занятіямъ, которыя, возвратившись домой, поддерживалъ въ ученомъ гуманистическомъ кружкѣ „еретиковъ“-соотечественниковъ.

---

[1]) Поповъ. „Мадьярскій историкъ Владиславъ Салай“, стр. 116.— Sayous. „Histoire générale des Hongrois“, t. II, p. 7.—Denis l. c., d. 400.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1895 г., № 1, стр. 10, 12.

Изъ древнерусской полемики съ богоискателями.

Въ ряду полемистовъ, боровшихся съ „еретиками“, какъ въ тѣ времена именовали богоискателей, очень интересенъ мало извѣстный инокъ Зиновій Отенскій.

Онъ интересенъ, какъ типичный полемистъ, типичный не только для того времени, но даже для позднѣйшаго.

Этотъ полемистъ, какъ и большинство позднѣйшихъ миссіонеровъ, хотя и писалъ „Истины показаніе“, но сражался вовсе не за истину, не старался даже уяснить себѣ „истину“ своихъ противниковъ, а попросту валилъ на нихъ все, что зналъ наиболѣе „еретическаго“. Расчленить его компиляціи, разложить его микстуру на составныя части не такъ просто.

Это работа кропотливая, „скучная“, но все-же поучительная.

Скудость данныхъ для біографіи и характеристики Зиновія Отенскаго была, очевидно, причиной того обстоятельства, что до самаго послѣдняго времени о

немъ говорили только вскользь, что главный его трудъ— „Истины показаніе“, имѣющій несомнѣнно большое историческое и историко-литературное значеніе, до сихъ поръ не вызвалъ не только спеціальнаго изслѣдованія, но даже отдѣльной статьи.

Ученикъ Максима Грека, сосланный, вѣроятно, за сочувствіе своему учителю въ глухой, бѣдный Отенскій монастырь, Зиновій въ самомъ концѣ своей жизни написалъ богословскій трактатъ „о новомъ ученіи“, въ которомъ обличалъ еретика Косого, по пунктамъ излагая его ученіе. До сихъ поръ трудомъ Зиновія пользовались, какъ единственнымъ и почти несомнѣннымъ историческимъ источникомъ для характеристики ереси Косого, излагали ученіе этого еретика прямо по Зиновію. Такимъ же точно образомъ поступилъ, къ сожалѣнію, и авторъ спеціальнаго изслѣдованія объ этомъ полемистѣ, Ѳ. Калугинъ. По примѣру своихъ предшественниковъ, только гораздо обстоятельнѣе и точнѣе, г. Калугинъ весьма довѣрчиво излагаетъ ученіе Косого исключительно по двумъ трудамъ Зиновія— „Истины показаніе“ и „Многословное посланіе“. Никакихъ слѣдовъ критической повѣрки этихъ данныхъ мы у него не находимъ. Между тѣмъ, сомнѣнія въ томъ, насколько вѣрно Зиновій излагалъ ученіе Косого, напрашиваются сами собой. Самъ г. Калугинъ отмѣчаетъ тотъ странный фактъ, что ни Косой, ни собесѣдники Зиновія не выражали сомнѣній въ бытіи Божіемъ, и что доказательства, съ которыхъ началъ Зиновій свои богословскія разсужденія, являются „какъ бы напрасными и излишними“ (стр. 132). Затѣмъ ученіе Косого

о крестѣ почти дословно повторяетъ ученіе богомиловъ:

Богомилы.	Зиновій.
„...Аще кто убіетъ царева сына древомъ, можетъ ли то древо любо быти царю, такоже и крестъ Богу...“ [1])	„...Аще бы кто царева сына убилъ крестомъ древомъ, можетъ ли то древо любо быти цесару? Такоже крестъ Богу“ [2]).

Очевидно, Косой здѣсь не при чемъ! Просто Зиновій приписалъ ему то, что говорили богомилы.

Помимо такого точнаго, буквальнаго сходства, на зависимость Зиновія отъ этихъ памятниковъ указываетъ еще то обстоятельство, что Косой, въ первое время, едва ли могъ такимъ образомъ формулировать свое отрицаніе креста. Крестъ отвергали жидовствующіе, нѣкоторую связь съ коими имѣлъ, по мнѣнію г. Калугина, и Косой, но мотивы отрицательнаго отношенія къ кресту были совершенно не тѣ. По словамъ Іосифа Волоцкаго, „злобѣсный волкъ“ Зосима св. крестъ и иконы называлъ *болванами* [3]), еретики не хотѣли поклоняться кресту, „глаголюще, яко не подобаетъ *рукотворенію* поклонятися“ [4]). Въ одномъ сборникѣ XVI вѣка еще болѣе ясно выражено такое отношеніе еретиковъ къ

---

[1]) Голубинскій, Е. „Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской“. М. 1871 г., стр. 159. Ср. также у Козьмы Пресвитера, „Православный Собесѣдникъ“ 1864 г., ч. I, стр. 494: 1.. „аще бо кто сына палицею убіетъ на смерть, еда убо можетъ человѣкъ палицу ону любити, ею-же убіенъ сынъ его“...

[2]) „Истины показаніе“, стр. 509.

[3]) „Просвѣтитель“, стр. 12.

[4]) Ibid., стр. 133.

кресту: „Въпроси Паискъ жидовинъ, почто завѣщавшу не поклонятися древу или каменію, вы сія чтуще и поклоняетеся, творяще отъ нихъ *кресты и иконы*“ [1]). Косой, если повѣрить Зиновію, былъ бы совершенно одинокимъ въ своемъ ученіи, совершенно независимымъ отъ окружавшихъ его толковъ. Гораздо проще, поэтому, признать, что „еретичество въ первой стадіи его развитія было домашнимъ, національнымъ, самобытнымъ явленіемъ“, взросшимъ на родной почвѣ и воспитавшимся соками отечественной обстановки, среды условій, и что Зиновій въ данномъ случаѣ неточно передалъ ученіе Косого о крестѣ, заимствовалъ мотивировку отрицанія у богомиловъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что, какъ видно изъ словъ клирошанъ, приведенныхъ Зиновіемъ въ другомъ мѣстѣ, Косой училъ „кресты и иконы именовати идолы“ [2]). Такимъ же точно богомильскимъ характеромъ отличается въ передачѣ Зиновія ученіе Косого объ иконахъ, „яко отъ сопротивнаго дѣйства ложная чудеса бываютъ на прельщеніе“ [3]). Совершенно несогласны съ происхожденіемъ ереси Косого приписанные ему взгляды на нищенство и благотворительность. Въ разсказѣ Зиновія, Косой и здѣсь является богомиломъ: нищихъ называетъ псами, которымъ ничего не слѣдуетъ подавать [4]). Это уже совершенно не вяжется съ гуманными идеями заволж-

---

[1]) Ркп. С.-Пб. Дух. Ак., № 1098, л. 125 об.

[2]) „Истины показаніе“, стр. 41.

[3]) Ibid., стр. 476.

[4]) „Многосл. посланіе“, стр. 144. „Правосл. Соб.“, 1864 г., ч. I, стр. 443.

скихъ старцевъ, идеи которыхъ вполнѣ усвоилъ себѣ Косой. Какъ извѣстно, наиболѣе смѣлый представитель этого направленія, Вассіанъ Патрикѣевъ, постоянно защищалъ интересы низшихъ классовъ, доказывалъ, что лучше раздавать богатство нищимъ и убогимъ, нежели украшать церкви. „Церковное украшеніе,—говорилъ онъ, — пропадаетъ отъ огня и расхищается ворами, *а что дается нищимъ, и діаволъ не можетъ украсть*“ [1]). Несомнѣнно, Косой, какъ ученикъ заволжцевъ, долженъ былъ придерживаться такихъ же убѣжденій.

Затѣмъ самъ г. Калугинъ обратилъ вниманіе на то, что многія мѣста изъ распространенныхъ въ то время посланій троицкаго игумена Артемія, въ свое время тоже обвинявшагося въ еретичествѣ, „*буквально* повторяются Ѳеодосіемъ“ (стр. 66). Дѣйствительно, примѣры, указанные въ книгѣ г. Калугина, число которыхъ можно было бы увеличить [2]), вполнѣ подтверждаютъ справедливость такого замѣчанія. Г. Калугинъ видитъ въ этой близости ученія Косого и посланій Артемія слѣды вліянія послѣдняго на своего ученика, и этими примѣрами доказываетъ, какъ отразилось ученіе Артемія на взглядахъ Косого. Но г. Калугинъ забываетъ при этомъ, что Зиновій ведетъ бесѣду не съ самимъ Косымъ, который могъ бы еще твердо, „буквально“ усвоить себѣ слова своего учителя, а съ

---

[1]) В. Жмакинъ. „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія“. М. 1881, стр. 90.

[2]) „Истины показаніе“, стр. 790 и 876; Р. И. Б., т. IV, стр. 1388.

людьми, только наслышавшимися о новомъ ученіи, узнавшими о немъ *незадомо* до прихода къ Зиновію. Очевидно, что клирошане не могли сообщить Зиновію ученія Косого съ такой точностью. Вѣроятнѣе предположить, что у Зиновія въ то время, когда онъ писалъ свое обличеніе, были передъ глазами посланія старца Артемія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что не только ученіе Косого въ передачѣ Зиновія носитъ на себѣ слѣды вліяній Артемія, но даже возраженія Зиновія имѣютъ много общаго съ возраженіями Артемія. Такъ, напримѣръ, законность употребленія и почитанія христіанами иконъ у того и другого доказывается почти одинаково [1]). Нужно только замѣтить при этомъ, что Артемій писалъ противъ кальвинистовъ, а Зиновій противъ Косого. Все это даетъ полное основаніе предполагать, что Зиновій Отенскій, такъ же какъ и другіе полемисты, нисколько не стѣснялся въ обличеніи Косого, и приписывалъ ему ученія, какія самъ зналъ, взятыя изъ разныхъ источниковъ. Поэтому нисколько неудивительно, что, когда въ XVII вѣкѣ понадобились у насъ полемическія сочиненія, противъ распространявшейся Люторской ереси, сочиненіе Зиновія было перепечатано съ замѣной имени Косого именами Лютера и Кальвина, а клирошанъ— учениками послѣднихъ [2]).

Если признать такой характеръ за полемическими сочиненіями Зиновія Отенскаго, то нельзя будетъ со-

---

[1]) Ср. „Истины пок.", стр. 398—401 и Р. И. Б. т. IV, стр.. 1270, 1282; „Ист. показ.", стр. 406—412 и Р. И. Б., т. IV, стр 1304—1308 и др.

[2]) Калугинъ, стр. 98.

гласиться и съ тѣмъ, что они представляютъ собой какъ бы стенографически записанные протоколы бесѣдъ Зиновія съ клирошанами, что, повидимому, признаетъ г. Калугинъ. Уже на диспутѣ проф. В. И. Ламанскій указалъ г. Калугину на невѣрность такого взгляда, на странность отношеній между Зиновіемъ и клирошанами, и высказалъ предположеніе, что клирошане не добровольно пришли къ Зиновію, а *посланы* были къ нему *для исправленія* и потому волей-неволей должны были его выслушивать, должны были подчиняться его распоряженіямъ. Трудно, однако, признать правильными и то и другое объясненія. Дѣло въ томъ, что къ Зиновію, какъ къ ученику Максима Грека, осужденнаго за ересь, сосланному въ Отенскую пустынь за близкія отношенія, а, можетъ быть, даже и сочувствіе еретику, не могли посылать для исправленія, тѣмъ болѣе, что Зиновій былъ простой монахъ. Онъ самъ говоритъ клирошанамъ, что онъ не имѣетъ права ихъ учить: „таковая убо не наша есть начати, но іерейская и архіерейская“ [1]). Вѣроятнѣе предположить, что клирошане, слышавшіе о его учености, связяхъ съ Максимомъ Грекомъ, разсчитывавшіе встрѣтить въ немъ умнаго, гуманнаго, образованнаго и въ то же время совершенно *безопаснаго* совѣтника, сами обратились къ нему за разрѣшеніемъ мучившихъ ихъ сомнѣній, но сразу же разочаровались, увидѣли, что передъ ними находится человѣкъ, мало чѣмъ отличающійся отъ Іосифа Волоцкаго, и ушли. Этимъ объясняется, почему почтитель-

---

[1]) „Истины показаніе“, стр. 14.

ный, почти подобострастный тонъ, съ которымъ клирошане обратились къ Зиновію, перешелъ въ концѣ концовъ въ брань [1]).

Приходъ клирошанъ далъ Зиновію мысль написать „Истины показаніе", направленное противъ новаго ученія, изложить свое сочиненіе въ формѣ бесѣдъ съ клирошанами и такимъ путемъ реабилитировать самого себя. Для оживленія и большей естественности онъ могъ вставить рѣзкія выраженія, дѣйствительно сказанныя ему клирошанами, и не стѣсняться съ своей стороны. Такимъ образомъ, *одинъ* разговоръ съ клирошанами далъ поводъ Зиновію написать десять довольно длинныхъ бесѣдъ, въ которыхъ Зиновій обнаружилъ знакомство не только съ ересью Косого, но и съ другими современными ему толками [2]), а также ученіями прежнихъ еретиковъ [3]). Здѣсь же нашли себѣ мѣсто и занимавшіе многихъ современныхъ богослововъ вопросы чисто формальнаго свойства, въ родѣ того, какъ правильнѣе пѣть: „Господи, помилуй", или же „Осподи, помилуй"; какъ нужно говорить: „поемъ Ти, благословимъ Тя" или же „поемъ Тя, благословимъ Тя" [4]); „исполнь небо и земля славы Твоея", или же „славы Его" [5]) и много др.

По мнѣнію г. Калугина, составленію книги „Истины

---

[1]) „Истины показаніе", стр. 392 и др.

[2]) Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ, что „Западъ развращенъ Мартиномъ нѣмчиномъ". Ibid., стр. 49.

[3]) Ibid., ст. 812 и мн. др.

[4]) Ibid., стр. 938.

[5]) Ibid., стр. 944, 961, 968 и др.

показаніе“ предшествовало составленіе „Многословнаго посланія“, авторомъ котораго г. Калугинъ считаетъ Зиновія Отенскаго. Въ данномъ случаѣ, онъ только повторилъ установившееся объ этомъ памятникѣ мнѣніе, высказанное проф. Николаевскимъ, Поповымъ и поддержанное м. Макаріемъ, но ничуть не устранилъ возникающихъ изъ такого вывода сомнѣній. Прежде всего, уже самъ г. Калугинъ выражаетъ совершенно справедливое изумленіе, какъ это въ короткій промежутокъ времени (не болѣе года) дряхлый старецъ, какимъ былъ въ это время Зиновій, могъ произвести огромную литературную работу, которая едва ли посильна и молодой головѣ: въ годъ онъ написалъ „Истины показаніе“ въ 1000 печатныхъ страницъ. „Многословное посланіе“ въ 305 стр., и слово о Никитѣ, занимающее 60 листовъ in folio полуустава (стр. 310). Кромѣ того, противорѣчіе въ передачѣ исторіи еретиковъ, на которое указалъ еще въ 1880 г. г. С—скій въ своей рецензіи на изданное г. Поповымъ „Многословное посланіе“, остается фактомъ, несмотря на объясненіе г. Калугина [1]). Если даже признать это объясненіе, то-есть, что „Многословное посланіе“ написано раньше „Истины показанія“, когда Зиновій еще не былъ вполнѣ знакомъ со всѣми подробностями исторіи Косого, то все-таки не будетъ устранено еще болѣе важное недоумѣніе. И то и другое сочиненіе написаны Зиновіемъ въ 1566 году, то-есть *десять лѣтъ спустя* послѣ бѣгства Косого въ Литву. Между

[1]) „Историческій Вѣстникъ“, 1880 г., № 12, стр. 860.

написаніемъ того и другого сочиненія могъ пройти самый незначительный промежутокъ времени. Клирошане, услышавшіе объ ученіи Косого *незадолго* до прихода къ Зиновію, и литовцы, обратившіеся къ нему письменно съ той же цѣлью, должны бы были сообщить одни и тѣ же свѣдѣнія о Косомъ, а между тѣмъ, въ сочиненіи „Истины показаніе“ Косой является жидовствующимъ, отвергающимъ Св. Троицу, божественность Іисуса Христа и т. д., а въ „Многословномъ посланіи“ онъ рисуется христіаниномъ-протестантомъ. Наконецъ, положительно непонятно, почему это изъ Литвы вдругъ обращаются къ забытому, ничѣмъ себя не заявившему, заброшенному въ глухую Отенскую пустынь, Зиновію за разрѣшеніемъ животрепещущихъ религіозныхъ вопросовъ, почему послѣдователи Косого ссылаются на него, какъ на своего благопріятеля, сочувствующаго ихъ идеямъ? Всѣ эти недоумѣнія разрѣшаются, если принять мнѣніе, высказанное a priori проф. И. Н. Ждановымъ на его лекціяхъ, именно—что авторомъ „Многословнаго посланія“ былъ извѣстный Артемій [1]).

Принявъ эту догадку, мы понимаемъ, почему Косой могъ указывать на Артемія, какъ на человѣка, „тая-же мудрствующаго“ [2]). Въ одномъ изъ своихъ посланій „къ брату *отступившему* и жену появшему“ (Косому?) Артемій называетъ этого брата сообщникомъ всѣхъ страданій, выражаетъ сожалѣніе, что онъ

---

[1]) „Очеркъ умственной жизни Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“ (литогр. изд.). С.-пб. 1890, стр. 122.

[2]) „Многословное посланіе“, стр. 11.

„къ неправеднымъ наукамъ приложился, ихъ-же и *мы сами*, не ощутивше сущая въ нихъ прелести антихристова духа, не дръзнухомъ хулити, но въ нѣкіихъ вещахъ не разнствовахомъ“ [1]). Понятно, что Косой, ученикъ Артемія, могъ ссылаться на своего учителя, пока не замѣтилъ происшедшей въ послѣднемъ перемѣны образа мыслей. Понятно, что литовскіе жители могли обратиться съ вопросомъ къ Артемію, жившему здѣсь же. Это же предположеніе объясняетъ намъ характеръ „Многословнаго посланія“, почему въ немъ излагаются протестантскія ученія, циркулировавшія въ то время въ Литвѣ, по поводу которыхъ Артемій написалъ цѣлый рядъ посланій къ разнымъ лицамъ. Что къ Артемію не только могли, но и дѣйствительно обращались разныя лица съ вопросами такого свойства, можно видѣть изъ его посланій, напечатанныхъ въ „Русской исторической библіотекѣ“ (т. IV). Въ тѣхъ же письмахъ можно найти намеки, что Артемій задумалъ и даже обѣщалъ написать посланіе, въ родѣ „Многословнаго“. Такъ, въ письмѣ къ кн. Чарторыжскому, онъ говоритъ: „Много имѣхъ писати, но трудно ми вскорѣ о всѣхъ речахъ писати. Надѣюжеся, Богу споспѣшествующу, *на вся хулы нынѣшнихъ ересей обще списати обличеніе*, елико они умышляютъ лживыми выклады смутити церковь Божію“ [2]). Затѣмъ, въ другомъ письмѣ, по поводу такой же просьбы, Артемій пишетъ: „Азъ несмысленный нетокмо твоему величеству, но *и прочимъ отписати нудящимъ меня*, на се отвѣщавахъ,

[1]) Р. И. Б., т. IV, стр. 1420.

[2]) Р. И. Б., т. IV, ст. 1273.

яко аще благоволитъ Богъ, хотѣлъ быхъ писати, общая ради ползы, на кождый артикулъ обличительно писаніе лжеименитаго разума ихъ, самозаконыа прелести уморастлѣнныхъ догматъ удобъ-же пріятны сластолюбивымъ. *И сице множицею вѣмъ себя обѣщавшаяся отъ* легкоумія въсхитився" [1]). Такимъ образомъ, „Многословное посланіе" могло быть именно этимъ обѣщаннымъ трудомъ. Къ сожалѣнію, всѣ дошедшія до насъ посланія Артемія не представляютъ собой ничего цѣльнаго, не позволяютъ произвести особенно широкихъ сопоставленій, необходимыхъ для положительнаго рѣшенія этого спорнаго вопроса. Во всякомъ случаѣ, кромѣ приведенныхъ нами выше соображеній, изъ которыхъ главное то, что предметомъ обличеній, какъ у Артемія, такъ и въ „Многословномъ посланіи" являются литовскіе протестанты,—можемъ еще привести нѣсколько доказательствъ въ пользу авторства Артемія. Если даже, слѣдуя г. Калугину, смотрѣть на уничижительное вступленіе, какъ на литературный этикетъ, то выраженіе „нѣсмь достоинъ нарещися и христіанинъ", какъ говоритъ авторъ о себѣ, гораздо болѣе приложимо къ осужденному за ересь, лишенному духовнаго сана Артемію, нежели Зиновію. Затѣмъ, заглавіе: „Посланіе многословное къ вопросившимъ о извѣстіи благочестія" и т. д. совершенно въ томъ же родѣ, какъ и другія заглавія посланій Артемія, какъ, напримѣръ: „посланіе старца Артемія къ люторскимъ учителямъ, ставящимъ десятословіе выше

---

1) Р. И. Б., стр. 1329.

Евангелія“ и т. д. „посланіе въ просившому слова Божія“ и др. Сличая, насколько это возможно было, посланія Артемія съ „Многословнымъ посланіемъ“, я замѣтилъ нѣкоторое сходство по вопросу объ иконахъ. Здѣсь же, между прочимъ, можно отмѣтить одинъ вопросъ, который затрогивается Артеміемъ и „Многословнымъ посланіемъ“, но котораго я не нашелъ въ сочиненіи Зиновія „Истины показаніе“. Это вопросъ о томъ, „откуду безплотныхъ ангелъ человѣческими зраки писать пріятъ есть церкви“ [1]).

„... отъ доволъ имущихъ отъ Бога и святыхъ апостолъ и пророкъ и преподобныхъ отецъ, якоже песъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господій своихъ по мѣрѣ дарованія Христова... отъ многихъ малая собравъ, предложити вещей мудрости азъ ненаученый покушусь“. (Р. И. Б., IV, ст. 1205) [2]).

„...Пріемъ аки песъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господій, боговидныхъ и духоносныхъ святыхъ мужей, апостоловъ и ихъ преемникъ и иже по ихъ учителей... отвѣщаю вамъ“... (Мн. Посл., стр., 13).

Авторъ „Многословнаго посланія“, такъ же какъ и Артемій, любитъ формы архаическаго характера, въ родѣ: „пастырскы, еретическы, мрѣзость, дрѣзающихъ, благочестіа“ и др., употребляетъ выраженія, которыхъ мы не находимъ у Зиновія, но которыя часто употребляетъ Артемій, напримѣръ: „не буди то“ [3]), „кра-

[1]) „Многосл. посл.“, стр. 74, и Р. И. Б., т. IV, стр. 1305.
[2]) Ср. также „Многосл. посл.“, стр. 15 и Р. И. Б., т. IV, 1207.
[3]) „Многосл. посл.“, стр. 12; Р. И. Б., т. IV, стр. 1206, 1435 и др.

доводити" [1]) (praedas agere), и др. Своеобразныя, часто даже непонятныя слова, которыя г. Калугинъ считаетъ достояніемъ Зиновія Отенскаго, встрѣчаются также и у Артемія. Достаточно указать на слѣдующую фразу: „...сія вся не отъ части отпущеннѣ *всему отнюдсту свесменнаго* и всего божества налагати" [2]) для того, чтобы не пользоваться этимъ свойствомъ, какъ признакомъ авторства Зиновія Отенскаго.

Вѣскимъ на первый взглядъ возраженіемъ для признанія Артемія авторомъ этого труда служитъ несогласное съ гуманными воззрѣніями Артемія, напоминающее Іосифа Волоцкаго, наставленіе, говорящее, что „отступныхъ еретиковъ яко и волковъ подобаетъ убити и яко соблазны каменіемъ въ море погружати". Но во-первыхъ, конецъ „Многословнаго посланія" можетъ быть сочтенъ за приписку другого лица, и во всякомъ случаѣ за приписку болѣе позднюю, потому что заключеніе это находится въ рукописи послѣ приписки: „Конецъ обличенію на безбожныя ложному тщеславію" [3]). Затѣмъ, не нужно забывать, что подъ конецъ жизни Артемій значительно измѣнилъ свои первоначальныя убѣжденія [4]). Въ одномъ изъ своихъ посланій онъ прямо

---

[1]) „Многосл. посл.", стр. 16; Р. И. Б., т. IV, 1325 и др.

[2]) Р. И. Б., т. IV, стр. 1314.

[3]) Въ этомъ, можетъ быть, сказалось авторство лица, написавшаго житіе Іосифа Волоцкаго, большаго почитателя послѣдняго, на котораго г. С—скій указывалъ, какъ на возможнаго автора „Многословнаго посланія". „Историческій Вѣстникъ", 1880 г., № 12, стр. 860.

[4]) Статья „Артемій, игуменъ троицкій" свящ., *С. Садковскаго*, (*Чтенія Моск. Общ. и Др. Р.*, 1891 г., кн. IV), стр. 136.

совѣтуетъ православнымъ, „да не совъдворяются съ лютераны и прочими еретики“, убѣждаетъ не „слушать препорная ихъ словеса“, „не сходити съ ними ни во ядѣніи, ни въ питіи, ни во сродствѣ, ни въ дружествѣ“, совѣтуетъ не принимать ихъ въ домъ и не здороваться [1]). Такія наставленія какъ то не вяжутся съ гуманными воззрѣніями заволжскихъ старцевъ, виднымъ представителемъ которыхъ былъ Артемій. Отъ нихъ недалеко уже было, пожалуй и до того, что высказано въ заключеніи „Многословнаго посланія“. Что же касается до сходства „Многословнаго посланія“ съ трудомъ Зиновія, то его „можно объяснить единствомъ источника“. Очень можетъ быть, что въ числѣ источниковъ Зиновія было, между прочимъ, и „Многословное посланіе“.

* * *

Насколько покажутся убѣдительными всѣ эти сопоставленія для рѣшенія вопроса, чисто литературнаго, объ авторствѣ Артемія,—не знаю. Меня лично, при выясненіи этихъ заимствованій, интересовало другое.

Мнѣ казалось чрезвычайно важнымъ вскрыть эту миссіонерскую кухню, показать, какъ составлялись разнаго рода обличенія противъ еретиковъ, какъ обличители хватались за всякій матеріалъ, гдѣ бы они его ни находили и къ кому бы онъ ни относился. Зиновій могъ списывать у Артемія и, наоборотъ, могъ обличать богомиловъ, лютеранъ и дѣлать видъ, что обличаетъ Косого... Тутъ было все дозволено.

---

[1]) Р. И. Б., т. IV ст. 1332—1333.

Въ высшей степени интересны также сдѣланныя въ пылу полемики самими обличителями признананія о томъ, что даже ихъ охватило всеобщее влеченіе къ „неправеднымъ наукамъ“.

И развѣ не интересенъ даже такой мелкій штрихъ въ письмѣ монаха XVI в., какъ слово „артикулъ“? Употребленное такъ просто, какъ нѣчто обыденное, оно сразу вскрываетъ цѣлую, большую, кроющуюся за нимъ картину тѣхъ новыхъ теченій, которыя неудержимыми потоками вливались въ русскую жизнь съ разныхъ сторонъ.

Въ ужасѣ обличители кричали, что „еретиковъ нужно жечь“, выдумывали для нихъ кары, а „неправедныя науки“ дѣлали свое дѣло.

Заволновались даже монахи. И если были раскаявшіеся, въ родѣ Зиновія и Артемія, то еще больше было отпавшихъ, въ родѣ Косого. Жизнь подлинная, та самая жизнь, которая пробралась подъ мрачные своды средневѣковыхъ итальянскихъ монастырей, заглянула и въ келейки нашихъ.

Русскіе книжники XVII вѣка.

Когда заходитъ рѣчь о вспышкахъ религіознаго свободомыслія въ древней Руси, невольно хочется представить себѣ сколько-нибудь опредѣленно и тотъ фонъ, на которомъ онѣ происходили. Если у насъ были свои гуманисты, то были и въ гораздо большемъ количествѣ viri obscuri, были рядовые, просто грамотные люди. Судить о нихъ до нѣкоторой степени можно по тѣмъ библіотекамъ, или правильнѣе хранилищамъ книгъ, которыя находились въ ихъ распоряженіи.

Въ большинствѣ случаевъ, это были библіотеки церковныя или монастырскія.

Въ порядной записи XVII в. одинъ пономарь между прочимъ далъ обязательство: „будучи у тое церкви въ пономаряхъ о церковномъ о всемъ радѣть и смотрѣть накрѣпко и книгъ беречи и *малымъ ребятамъ* въ кои дни придется по книгамъ говорить и ему Архипу надъ ними смотрѣть и *приказывать накрѣпко, чтобъ они, говоря по книгамъ, книгъ берегли*, не драли и воскомъ словъ не закапывали *и по домамъ безъ спросу и безъ вѣдома никто не бралъ*, и ему Архипу къ себѣ въ домъ

для наученія своихъ дѣтей грамотѣ церковныхъ книгъ не иматъ“ [1]).

Эта запись ясно показываетъ, что книги, находившіяся при той или другой церкви, не были мертвымъ капиталомъ, не были достояніемъ однихъ только церковно-служителей, но такъ или иначе ими пользовалось и все мѣстное населеніе. Взрослые, заявивъ кому слѣдуетъ, могли пользоваться церковной библіотекой, а „малые ребята“ приходили въ самую церковь и здѣсь подъ наблюденіемъ пономаря „говорили по книгамъ, при чемъ сплошь и рядомъ находили здѣсь также и учителей, руководившихъ ихъ занятіями“ [2]).

Такимъ образомъ церковныя библіотеки, богатство ихъ и содержаніе несомнѣнно оказывали также вліяніе на мѣстное населеніе, и было бы очень интересно собрать такого рода данныя по всѣмъ городамъ Москов-

---

[1]) А. Ю., № 287.

[2]) Школы очень часто устраивались при церквахъ, рѣже при монастыряхъ. См. статью проф. Соболевскаго; „Образованность Московской Руси XV—XVII вв.“ Отчетъ Имп. спб. универс. за 1891 г. Спб., 1892, стр. 14-я. Указаніе на такія школы мы также видимъ въ послѣсловіи писца, игумена Діонисія, который писалъ: „аще гдѣ боуду описался есмь или съ другомъ глаголя, *или дѣти оуча* или въ помышлениихъ окаяныхъ, не поропщите на мое окаяньство“... Обзоръ пергамент. рукоп. Новгор. Соф. библ. И. Купріанова. Спб. 1857, стр. 76. Также у Посеевина: „.. Nec collegia, nec academiae ullae sunt, sed scholae dumtaxat aliquae, in quibus legere et scribere docentur pueri, idque ex Euangeliis, Apostolorum Actis, Chronico, quod habent ex quibusdam, ut sancti potissimum Ioanni Chrisostomi Homeliis, vel sanctorum, [aut eorum, quos habent pro sanctis historiis ac vitis...“ Antonii Possevini, Moscovia et alia opera, a 1595, p. 3.

скаго государства. Такая работа дала бы возможность составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе о степени образованности древней Руси XVII в., позволила бы, говоря словами Н. Д. Чечулина, „опредѣлить распространенность свѣдѣній въ массѣ“ [1]). Въ настоящее время этотъ вопросъ еще далеко не выясненъ, и для рѣшенія его такъ мало положительныхъ данныхъ, что иной разъ приходится встрѣчать характеристику того времени, сдѣланную на основаніи непровѣренныхъ показаній иностранцевъ, которые далеко не несправедливы. Напримѣръ, Кобенцель разсказываетъ, что въ Москвѣ XVII в. умѣли читать и писать среднимъ числомъ одинъ изъ тысячи, Маржеретъ,—что едва третья часть населенія знаетъ „Символъ Вѣры“ и „Отче нашъ“ [2]). Что же касается до другихъ, болѣе высокихъ познаній, то иностранцы совершенно не допускаютъ возможности присутствія ихъ у русскихъ того времени. „Moschi“, которымъ нельзя ступить за предѣлы

---

[1]) „Нѣсколько данныхъ о книгахъ Моск. госуд. XVI в.“ Спб., 1889, стр. 17.

[2]) Ibid. Акад. Соболевскій пытается доказать, что въ Московск. Руси почти 50% всего населенія было грамотнымъ. Отчетъ Имп. спб. универс. за 1891 г., Спб., 1892 г. Оптимистическій выводъ акад. Соболевскаго основанъ на подсчетѣ подписей подъ разнаго рода древними актами. Подсчитавъ рукоприкладства на цѣломъ рядѣ документовъ и сравнивъ число подписавшихся съ числомъ отказавшихся отъ подписи, акад. Соболевскій счелъ возможнымъ даже дать точное цифровое процентное опредѣленіе числа грамотныхъ. Методологическая ошибка его совершенно очевидна. По увѣренію акад. Соболевскаго, бѣлые священники „были *поголовно* грамотны“ въ XVI и XVII в. Чѣмъ же тогда объяснить,

родной земли, по ихъ словамъ, не имѣютъ никакого понятія ни о другихъ народахъ и земляхъ [1]), ни о собственномъ прошломъ [2]). Всему этому, конечно, приходилось, да и теперь приходится вѣрить. Богатый матеріалъ для характеристики просвѣщенія того времени заключается, особенно для XVII в., въ писцовыхъ книгахъ, гдѣ въ числѣ прочаго церковнаго имущества описываются довольно подробно всегда и библіотеки. Но писцовыхъ книгъ, большинство которыхъ къ тому же еще не издано и находится въ рукописяхъ, такая масса, что, какъ замѣтилъ г. Шляпкинъ, собиравшій такого рода свѣдѣнія, справиться съ ними „въ настоящее время едва ли по силамъ одному человѣку“ [3]). Необходимы подготовительныя работы по этому вопросу, которыхъ у насъ почти нѣтъ. Не претендуя на полноту изслѣдованія, я проштудировалъ одну только писцовую книгу Устюга Великаго [4]). Свѣдѣнія о состояніи образованности въ Устюгѣ В. могутъ имѣть

такого рода фактъ, что выборную грамоту 1644 г. изъ производившихъ выборы 31 священниковъ и 9 діаконовъ подписали всего 17 священниковъ и 4 діакона, а другую выборную грамоту (1696 г.) изъ 6 священниковъ не подписалъ 1, а вмѣсто другого руку приложилъ почему то его сынъ Андрюшка?—Грамоты эти напечатаны въ „Вологодск. Епарх. Вѣдом.“, 1867 г., № 21, стр. 714—716.

[1]) Mayerber, „Iter in Moscoviam“, стр. 18 и 60.

[2]) „Польско-литовское посольство въ Московію, описанное Б. Таннеромъ“. Чт. въ О. И. и Др. Р., М., 1891, кн. III, стр. 103.

[3]) „Св. Димитрій Ростовскій и его время“. Спб., 1891 г., стр. 118, прим. 1.

[4]) „Устюгъ Великій. Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII вв.“ М., 1888, стр. 41.

интересъ и сами по себѣ, такъ какъ въ XVII в. это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ типичныхъ городовъ на сѣверѣ Россіи [1]).

Въ писцовой книгѣ (1676—1683 гг.) описаны церковь и только одинъ монастырь (Спасской дѣвичъ), хотя въ это время здѣсь существовали еще—Архангельскій, Ивановскій и Троице-Гледенскій [2]). Не всѣ, конечно, церкви обладали одинаковымъ количествомъ книгъ, не всѣ даже имѣли книги. Бывали случаи, что для богослуженія приносили книги изъ другихъ церквей [3]). Но для насъ важно знать не количество книгъ, находившееся въ той или другой церкви, а лишь общую сумму всѣхъ книгъ, обращавшихся въ это время въ цѣломъ городѣ. Писцовая книга даетъ намъ воз-

---

[1]) Послѣ смутн. времени Вологда, главнымъ образомъ вслѣдствіе литовск. разоренія, уступила свое мѣсто Устюгу В. Такъ, въ 1627 г. въ Вологдѣ, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ, былъ только 1 лучшій и 3 средн. посадск. ч-ка, всѣхъ дворовъ—392 съ 575 чк. и 85 дворовыхъ мѣстъ, а въ Устюгѣ В. въ то же время (1630) было 13 лучш. и 30 средн. посадск. людей, 772 жилыхъ двора, при чемъ въ 689 дв. значилось 838 чк. взрослыхъ мужчинъ. „Волог. Сборн.", 1887 г., стр. 36, 131 и 167. „Матеріалы для ист. Устюга В.", стр. 28.

[2]) Описаны въ Соти. книгѣ 1630 г.—„Матеріалы", стр. 39 сл. См. также „Вологодская Старина—Историко-археологич. сборн.", составилъ И. К. Степановскій. Вологда, 1890 г., стр. 150.

[3]) Матеріалы, стр. 8, 127 и др. Однѣ и тѣ же книги могли употребляться въ нѣсколькихъ церквахъ, такъ какъ богослуженіе совершалось не въ опредѣленные дни. Посошковъ, напримѣръ, жаловался, что „у коихъ церквей по одному попу, то и *во весь годъ обѣденъ десятка-другого не отслужитъ*"... Соч. Посошкова, М., 1842 г., стр. 27.

можность указать приблизительную [1]) сумму и составить понятіе о содержаніи книгъ.

Во всѣхъ библіотекахъ Устюга В. было книгъ 700 томовъ и 68 названій. Изъ нихъ книгъ библейскихъ съ толкованіями (табл. I) было—4 названія въ 137 томахъ, книгъ богослужебныхъ (табл. II)—22 назв. въ 421 томѣ, прочихъ кн. (табл. III)—42 назв. въ 142 томахъ. Большинство книгъ были печатныя. Изъ 700 экземпляровъ всего 100, т. е. почти 15%, были рукописи, тогда какъ въ XVI в. преобладали рукописи: на полторы тысячи приходилось всего 33 печатныхъ книги [2]). Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что больше всего переписывались разнаго рода сборники, житія и др. (60), меньше—книги богослужебныя (33) и библейскія (7). Такое явленіе можно

---

[1]) Говорю „приблизительную" потому, что въ книгѣ не описаны еще библіотеки пропущенныхъ монастырей, которыя, между тѣмъ, существовали несомнѣнно.

[2]) Н. Д. Чечулинъ („Нѣсколько данн. о книгахъ", стр. 16) склоненъ даже предполагать, что и эти 33 экземпляра были рукописные. „Не назывались ли тогда „печатными" книги, имѣвшія какую то печать—быть можетъ, какъ знакъ того, что книга была подвергнута той провѣркѣ, о которой говоритъ Стоглавъ"... но во-первыхъ, до насъ не дошло ни одной книги съ такой печатью, равно какъ не сохранилось никакихъ указаній на существованіе этой печати, а во-вторыхъ, самъ же г. Чечулинъ говоритъ, что упоминаніе о печатныхъ книгахъ находится „преимущественно" въ документахъ, относящихся къ концу XVI в., что поразительно совпадаетъ съ развитіемъ у насъ типографскаго дѣла. Наконецъ, достаточно посмотрѣть любое описаніе разнаго рода монастырскихъ библіотекъ, для того, чтобы убѣдиться, что въ XVI в. были уже у насъ печатныя книги.

объяснить отчасти тѣмъ, что перваго рода книгъ меньше печаталось, сравнительно съ богослужебными и библейскими, а отчасти также и тѣмъ, что онѣ возбуждали большій интересъ. Послѣднее доказывается еще тѣмъ, что и на печатныя книги такого же содержанія былъ въ обществѣ того времени большой спросъ, вслѣдствіе чего, напримѣръ, житіе св. Николая издавалось чуть не каждый годъ (въ 1640, 1641, 1643 гг.) [1]). Опредѣливши болѣе или менѣе точно количество книгъ, интересовавшихъ общество и такъ или иначе распространявшихся въ немъ, мы, къ сожалѣнію, не можемъ опредѣлить ихъ „качества", такъ какъ писцовыя книги не даютъ для этого почти никакихъ данныхъ. Заглавія книгъ далеко не всѣ опредѣленны, да и не всегда исчерпываютъ содержаніе. Такъ, напр., въ библіотекѣ Соловецкаго монастыря находится „Псалтырь", въ которой, между прочимъ, содержатся разнаго рода повѣствованія, большей частью апокрифическаго характера, изъ Палеи, хронографовъ, азбуковниковъ и др. [2]). Въ „Синодикѣ" XVII в., пожертвованномъ въ Имп. публич. библіотеку, можно прочесть 39 различныхъ „сочиненій", среди которыхъ находится извѣстная космографія Космы Индикоплова [3]). Поэтому, было бы довольно рискованной попыткой—дѣлать какіе-нибудь выводы относительно свѣдѣній, распространяемыхъ въ

---

[1]) Сахаровъ. „Обозрѣніе славяно-русск. библіографіи", т. I, кн. I, стр. 123, 127, 139.

[2]) „Опис. рукописей Соловецкаго м-ря", ч. I, стр. 52.

[3]) Отчетъ въ управл. Имп. публ. библ. за 1817 г., Спб., 1818, стр. 58.

обществѣ книгами. Само собой понятно, что этого нельзя сказать относительно такихъ книгъ, какъ „Жезлъ правленія“ Симеона Полоцкаго, „Скрижаль“, „Мечъ духовный“ и др. Содержаніе ихъ извѣстно вполнѣ, но, какъ видно по незначительному количеству ихъ (по 1 экземпляру), особенной распространенностью среди общества онѣ не пользовались и потому не могли оказывать большого вліянія на расширеніе его умственнаго кругозора. Мало также были распространены книги ветхаго завѣта, что наблюдается и въ XVI в. [1]).

* * *

Гдѣ же печатались эти книги? Какъ видно изъ описи, здѣсь были изданія трехъ типографій, а именно: „печать слободская“, „печать литовская“ и, наконецъ, „печать московская“. Гдѣ находилась типографія „слободская“—вопросъ спорный. Одни говорятъ, что—въ Александровской слободѣ [2]), другіе же—что въ Московской слободѣ на Воздвиженкѣ (между Арбатомъ и Никитской [3]). Болѣе справедливымъ, кажется, слѣдуетъ признать первое мнѣніе, и вотъ почему. Поссевинъ вполнѣ опредѣленно говоритъ, что типографія помѣщается „in oppido, quod Sloboda Alexan resca

---

[1]) Н. Д. Чечулинъ. „Нѣсколько данныхъ о книгахъ“, стр. 12. С. М. Середонинъ, «Сочиненіе Джильса Флетчера—„Of the russe common wealth“, какъ историческій источникъ». Спб., 1891 г., стр. 180.

[2]) Соловьевъ, т. II, 2-е изд., стр. 229.

[3]) „Учен. Зап. моск. унив.“ 1835 г. ч. IX, стр. 170 и 172.

dicitur" и что эта слобода „nonaginta Italicis milliaribus, quae ipsi verstas nominant, Moscoua distat" [1]). Противъ этого возражаютъ [2]), что Поссевинъ могъ смѣшать двѣ слободы, и что отъ него могли скрывать мѣсто, гдѣ дѣйствительно находилась типографія, хотя совершенно непонятно, для чего это могло понадобиться. То, что Поссевинъ не смѣшалъ двухъ различныхъ мѣстъ и что онъ имѣлъ точное представленіе объ Александровской слободѣ, потверждается прежде всего совершенно вѣрнымъ опредѣленіемъ разстоянія отъ Москвы—„nonaginta Itali is milliaribus". Дѣйствительно, какъ видно изъ „Поверстной и Указной книги Ямского приказа", слобода находилась отъ Москвы въ 90 верстахъ [3]). То же подтверждается и слѣдующимъ соображеніемъ. Тотъ же Поссевинъ говоритъ, что Грозный убилъ своего сына, цесаревича Ивана, въ Александровской слободѣ [4]), по Морозовскому же лѣтописцу, какъ и раньше, выходитъ, что это случилось въ Московской слободѣ, на Воздвиженкѣ [5]). Карамзинъ, однако, разбиравшій эти два противорѣчивыя извѣстія, призналъ справедливымъ первое, такъ какъ оно подтверждается офиціальными документами (ссылка на „Дѣла Польск.", № 13, л. 524) [6]). Та-

---

[1]) Antonii Passevinii, „Moscovia et alia opera", a. 1595, p. 4.

[2]) „Уч. Зап. моск. унив." 1835 г., ч. IX, стр. 172.

[3]) А. С. Лаппо-Данилевскій. „Поверстн. и Указн. кн. Ямского приказа", Спб. 1890 г., стр. 9.

[4]) A. Possevinii, „Moscovia", p. 17.

[5]) Карамзинъ, т. IX, примѣч. 612.

[6]) Ibid.

кимъ образомъ, значитъ, относительно извѣстій объ Александровской слободѣ нужно отдать предпочтеніе Поссевину и признать, что типографія находилась дѣйствительно тамъ, а не на Воздвиженкѣ.

Присутствіе въ церковныхъ библіотекахъ книгъ „литовской печати" уже свидѣтельствуетъ о вольнодумствѣ.

Книгами „литовской печати", или просто литовскими, назывались въ древней Руси книги, печатавшіяся въ Кіевѣ, Вильнѣ, и вообще книги, привозившіяся въ Москву изъ-за юго-западнаго рубежа. Въ Москвѣ относились къ нимъ очень недовѣрчиво. Правительство издавало указы, чтобы „никто никакихъ книгъ литовскія печати и письменныхъ литовскихъ книгъ не покупали, а кто нынѣ такія книги литовскія печати Кириллова слогу у себя утаитъ или кто впредь учнетъ литовскія книги какія-нибудь покупати, а сыщется то послѣ мимо ихъ, и тѣмъ людямъ быти отъ насъ въ великомъ градскомъ наказаніи, а отца нашего В. Гос. святѣйшаго патріарха Филарета Никитича и вся Руси быти въ великомъ духовномъ наказаніи и проклятіи" [1]). Ближайшей причиной такого гоненія на литовскія книги было, кажется, то обстоятельство, что, какъ „государю вѣдомо учинилось, за рубежомъ Черниговскій архимандритъ Кириллъ присталъ къ Латинской вѣрѣ и впалъ въ многія латинскія ереси", вслѣдствіе чего царь и патріархъ Филаретъ Никитичъ „велѣли сыскати и досмотрѣти литовскія печати въ

[1]) С. Г. Г. и Д., т. III, № 77.

книгахъ учительныхъ евангеліяхъ Кириллова слогу Транквилліона Ставровецкаго и въ тѣхъ учительныхъ евангеліяхъ... сыскались многія ереси и супротивства древнимъ учительнымъ евангеліемъ, и для тое ереси указали... на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ литовскія печати учительныя евангелія архимандрита Кирилла и иныя книги его слогу собрати и на пожарѣхъ сжечь, чтобы та ересь и смута въ мірѣ не была" [1]). Исполненіе этого приказа возложено было на воеводъ, которымъ предписывалось „собрать всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей къ съѣзжей избѣ", „государеву грамоту велѣти прочести имъ всѣмъ вслухъ и по торгамъ велѣти бирючу кликати по многіе дни", чтобы всѣ, у кого только были книги литовской печати, „безпенно" несли ихъ въ съѣзжую избу, и собранныя книги „велѣти на пожарѣ сжечь, чтобы та ересь и смута однолично въ мірѣ не была". Тѣ же воеводы должны были смотрѣть, чтобы „въ литовскихъ городахъ никакихъ книгъ литовскія печати, также и письменныхъ книгъ торговые и иные никакіе люди не покупали и въ... иные государевы городы не провозили" [2]). Воеводы старались, конечно, исполнять эти указы, и бывали случаи, что дѣйствительно задерживали запрещенныя литовскія книги [3]). Несмотря, однако, на все это ма-

---

[1]) „Акты Московск. Гос.", т. I, Спб., 1890 г., № 201, стр. 224 и гл.

[2]) Ibid.

[3]) Такъ, напримѣръ, у путивльскаго торговаго человѣка, Ивашки Кобылякова, „досматривали" и отняли книжку: „и та книжка молитовникъ, литовская, кіевская печать Богоявленскаго монастыря

лорусскія книги проникали въ Московское государство и даже въ такія отдаленныя окраины его, какъ Устюгъ Великій, гдѣ иногда въ церкви можно было встрѣтить напрестольное евангеліе литовской печати [1]). Вообще нужно замѣтить, что этими книгами пользовались очень часто, не считая даже нужнымъ скрывать это. Такъ, напримѣръ, иноки Соловецкаго монастыря не побоялись въ челобитной, поданной Алексѣю Михайловичу, ссылаться на литовскія книги [2]). Въ библіотекѣ патріарха Филарета, открывшаго гоненіе на нихъ, значатся по описи 1633 г. три евангелія печати литовской, при чемъ одно евангеліе напрестольное и книга Василія Кесарійскаго были „*куплены* на панскомъ дворѣ“ [3]). Патріархъ Іоакимъ, включившій толковое евангеліе Кирилла Транквилліона въ число книгъ, обвиненныхъ въ латинскихъ заблужденіяхъ [4]), самъ читалъ это евангеліе въ церкви въ недѣлю православія 1675 г. [5]). Очевидно, слова указа оставались мертвой буквой. Если въ распространенности книгъ „литовской печати“ видѣть бо́льшую или меньшую степень южно-русскаго вліянія, то нужно замѣтить, что въ Устюгѣ оно было незначительно. Нѣкоторый намекъ на него можно, пожалуй, видѣть въ благословенной

изъ братства ис...тана на русской языкъ“... „Акты Моск. Гос.“, т. I, № 279, стр. 311.

[1]) „Устюгъ В. Матеріалы“, стр. 7.

[2]) „Матеріалы для исторіи раскола“, т. III, стр. 166.

[3]) И. А. Шляпкинъ. „Св. Димитрій Ростовскій“, стр. 120.

[4]) Ibid., стр. 117.

[5]) Ibid., стр. 124.

грамотѣ митрополита Ростовскаго Варлаама на построеніе церкви въ с. Погорѣловѣ, Устюжскаго уѣзда, гдѣ онъ говоритъ: „а престолы бы ты въ церквяхъ велѣлъ учредить посреди алтарей, а къ стѣнѣ престолъ отнюдь не придѣлывать и подъ церковнымъ помостомъ иныхъ предѣловъ отнюдь не придѣлывать“ [1]). Неизвѣстно, однако, были ли эти слова вызваны какими-нибудь фактами изъ жизни Устюжской епархіи, указавшими митрополиту на вліяніе здѣсь католицизма, или же общей боязнью „латинской ереси“, проникавшей въ Москву вмѣстѣ съ польскимъ вліяніемъ. Послѣднее вѣрнѣе, такъ какъ для перваго предположенія нѣтъ никакихъ данныхъ.

Книги „печать московская“, къ которымъ нужно отнести если не всѣ, то большинство книгъ безъ обозначенія мѣста печати, издавались, конечно, въ Москвѣ.

Писцовая книга дѣлитъ ихъ на книги *старой печати и новой* и этимъ даетъ нѣкоторую возможность набюдать очень любопытный фактъ, именно—отношеніе Устюжскаго духовенства къ дѣлу исправленія богослужебныхъ книгъ. Какъ извѣстно, Никоновская реформа пользовалась далеко не всеобщимъ сочувствіемъ. Замѣнялись старыя книги новоисправленными съ большими затрудненіями, выражавшимися самымъ различнымъ образомъ. Въ Ниловой пустыни, напримѣръ, привезшимъ новыя книги пришлось вступить въ драку съ иноками, которые положительно отказались принять привезенныя книги, побили въ алтарѣ священника,

---

[1]) Р. И. Б., т. XII, столб. 273.

согласившагося отправлять службу по новымъ книгамъ „и дотолѣ между собою біяхуся, яко и помосту церковному обагритися“ [1]). Соловецкіе монахи подали Алексѣю Михайловичу коллективное заявленіе, что если „будутъ священницы учнутъ служить по новымъ служебникамъ и мы отъ нихъ и причащаться не хотимъ“ [2])... Протеста, выраженнаго такъ прямо и рѣзко, въ Устюгѣ В. не было. Устюжское духовенство протестовало, но протестовало тихо, пассивно. Новыя книги, присылавшіяся изъ Москвы, оно принимало, но служить продолжало по старымъ, для чего при церквахъ вмѣстѣ съ новыми книгами сохранялись и старыя. Въ Рождественской церкви, напримѣръ, былъ „одинъ часословъ новоисправной, другой старой печати“ [3]), въ церкви Іоанна Златоустаго были „два служебника: новой да старой печати“ [4]), въ церкви же св. Иліи былъ лишь одинъ *требникъ старой* печати [5]). Для иллюстраціи этихъ коротенькихъ записей писцовой книги приведу одинъ случай, обнаружившій такой пассивный протестъ и вызвавшій въ 1687 году цѣлое дѣло „о розысканіи печатнаго требника съ подчищенными мѣстами въ молитвахъ, читаемыхъ при крещеніи младенцевъ“.

Дѣло это начато было по приказанію архіепископа

---

[1]) Макарій—„Исторія русск. раскола“. Спб., 1855 г., стр. 174.
[2]) „Матеріалы для исторіи раскола“, т. III, 6.
[3]) „Устюгъ В. Матеріалы“, стр. 54.
[4]) Ibid., стр. 59.
[5]) Ibid., стр. 85.

Великоустюжскаго Александра [1]), которому донесли, что въ одной изъ церквей былъ требникъ съ подчищенными мѣстами въ нѣкоторыхъ молитвахъ. Слѣдствіе обнаружило, что это былъ требникъ „московскій новоисправной печати", и что „въ крещеніи младенческомъ въ трехъ строкахъ были скребеные мѣста, а въ то мѣсто поставлены противъ того на полѣ *были рѣчи стараго требника*" [2]). Кто исправлялъ по-старому новый требникъ—такъ и не дознались. Пономарь Захаръ Ерофіевъ сынъ Харловыхъ, служившій при этой церкви „двадцать осмь лѣтъ", на допросѣ заявилъ, что онъ не знаетъ, кто сдѣлалъ поправку, и что „въ тѣ лѣта у той церкви жили разные священники", которые „по тому требнику служили до того попа Михайла" [3]). Послѣдній, какъ видно изъ показанія дьячка Сеньки, „имѣлъ свои книги новоисправной московской печати" [4]) и, нашедши требникъ съ исправленными по старому мѣстами, „объявилъ дьячку Стефану да пономарю Захару". Въ теченіе 28 лѣтъ, значитъ, въ Устюжской епархіи были люди, упорно желавшіе пользоваться старымъ требникомъ.

* * *

Какъ же составлялись церковныя библіотеки? Судя по писцовой книгѣ, Устюжскія библіотеки обра-

---

[1]) Р. И. Б., т. XII, столб. 839.
[2]) Ibid., столб. 848. и
[3]) Ibid., столб. 850.
[4]) Ibid., столб. 851.

зовались: однѣ—изъ книгъ „казенныхъ", которыя присылались изъ Москвы церквамъ, пользовавшимся „государевымъ жалованьемъ" [1]), другія, наравнѣ съ церковью и разной церковной утварью,—были „строеніемъ мірскимъ", т. е. куплены были на средства прихожанъ [2]), и, наконецъ, третьи—устраивались частными лицами, въ родѣ гостей Аѳ. Гусельникова, Ревякиныхъ и др., снабжавшихъ книгами построенныя ими церкви [3]). Прихожане иногда пополняли библіотеки пожертвованіями, состоящими изъ книгъ [4]), иногда же просто жертвовали деньги на покупку книгъ, предоставляя выборъ самой библіотекѣ. Такъ, въ приходной книгѣ Успенскаго собора (за 1644—1663 гг.) значатся, между прочимъ, слѣдующія пожертвованія: „Спасской попъ Петръ принесъ *на Прологи* на цѣлый годъ въ казну 8 р. денегъ. Богданъ пономарь *на книгу* принесъ полтора рубля денегъ. Устюжскій воевода Михаилъ Ондреевъ сынъ Желиборской принесъ къ пречистой Богородицѣ *на книги* 12 р. денегъ. Товарищъ его Михайловъ подъячей Иванъ Ураковъ принесъ *на книги же* 6 р. денегъ" [5]). Библіотеки, впрочемъ, не только покупали книги. Въ церковныхъ приходо-расходныхъ книгахъ нерѣдко можно встрѣтить и записи о продажѣ, которыя любопытны въ томъ отношеніи, что даютъ нѣкоторое понятіе о цѣнности самыхъ книгъ. Относительно того, кто поку-

---

[1]) „Устюгъ. В. Матеріалы", стр. 59.
[2]) Ibid., стр. 42, 43 и др.
[3]) Ibid., стр. 50, 71.
[4]) Ibid., стр. 62: „Уставъ старой—прикладъ Жилиныхъ".
[5]) Р. И. Б., т. XII, столб. 234.

палъ книги, данныхъ почти нѣтъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ замѣчено, что книга была продана „на Щекино“ (должно быть въ церковь) [1]), въ другомъ—„Мезенцу“ [2]). Несомнѣнно, однако, что книги часто покупались какъ духовными, такъ и свѣтскими лицами исключительно для себя. Это доказывается надписями на книгахъ. Такъ, напримѣръ, на одномъ экземплярѣ „Пятикнижія“ читаемъ: „...Михаила, а попъ продалъ сію книгу Ивану Казанцу, а подписалъ язъ Михайла своею рукою... Иванъ Казанецъ продалъ сію книгу Богдану (58 л. об.). Дьякъ пѣвчей Богданецъ продалъ и руку приложилъ (228 л. об.) [3]) или „Сія книга, глаголемая предисловіе сына Давидова [4])—Ивана Степанова сына Рогуева“ [5]). „Се язъ Григорей Ивановъ сынъ иконікъ продалъ сію книгу Богдану Трофимову сыну Попову“ [6]). „Псалтирь Михаила Прокопьева сына“... Черезъ нѣсколько листовъ: „книга, глаголемая... сына... а та псалтырь батюшка моего Перфилья Пахомова куплена ѣденъ (sic) *безъ выкупа*, а той псалтыри цена двадцать алтынъ зъ гривной; а деньги плачены вси сполна“ [7]). Изъ этихъ надписей видно, что въ обществѣ обращались книги, не

---

[1]) Ibid., столб. 236.

[2]) Ibid., столб. 20.

[3]) „Описан. рукоп. Солов. монастыря, находящ. въ библ. Каз. дух. Акад.“, ч. I, Каз. 1881 г., стр. 2.

[4]) Притчи Соломоновы, Екклесіастъ и книга премудрости сына Сирахова.

[5]) „Опис. рукоп. Солов. монастыря“, ч. I, стр. 5.

[6]) Ibid.

[7]) Ibid., стр. 36.

только находившіяся въ церковныхъ библіотекахъ, но и свои собственныя. Уже одно то обстоятельство, что книги *покупались*, указываетъ на значительно развитую потребность читать, на стремленіе путемъ книгъ, путемъ ученья расширить свои познанія. Несомнѣнно, что такого рода стремленія въ XVII в. были уже довольно сильны [1]). Книга, почему либо интересная, дававшая отвѣты на „недоумѣнные" вопросы читателей, не только читалась, но и переписывалась. Ее старались достать. Архіепископъ Великоустюжскій Александръ, напримѣръ, узнавши, что одна изъ такихъ книгъ, именно космографія Козьмы Индикоплова есть въ библіотекѣ Соль-Вычегодскаго Введенскаго монастыря, просилъ прислать ее къ себѣ, „на Устюгъ для списанія" [2]). Точныя цѣны книгъ въ церковныхъ приходо-расходныхъ книгахъ обозначены лишь въ четырехъ случаяхъ: Тріодь постная стоила 2 руб. [3]), Библія—4 руб. [4]), Прологъ „первые печати, съ сентября по мартъ, съ стихами"—4 руб. 50 коп. [5]), Минея за августъ—17 алт. 2 денги [6]). Какъ видно изъ этихъ четырехъ примѣровъ, книги

---

[1]) Въ 1661 г., напримѣръ, Андрей Незговорскій „ис Сибири, ис Тобольска въ Кіевъ пришелъ *собою книжнаго ради ученія*", откуда просилъ разрѣшенія для переѣзда въ Москву. „Чт. М. О. И. и Др. Р.", 1891 г., кн. 1, (смѣсь), стр. 7. Такого рода поѣздки въ Кіевъ доучиваться—не единичный фактъ. См. Соловьевъ, изд. 1860 г., т. X, стр. 168.

[2]) Р. И. Б., т. XII, столб. 1003.

[3]) Ibid., т. XII. столб. 20.

[4]) Ibid., столб. 26.

[5]) Ibid., столб. 234.

[6]) Ibid., столб. 236.

цѣнились дорого, и это давало возможность обладателямъ пользоваться ими, какъ всякими другими цѣнными вещами. Подъ залогъ книгъ выдавались, между прочимъ, и ссуды. Такъ, напримѣръ, Аѳонька Ивановъ Плотниковъ заложилъ свои книги—„Псалтырь слѣдованіемъ да Маргарить Кирилъ Іерусалимскій“ протодьякону и ключарю Успенскаго собора, конечно, за сумму, меньшую стоимости книгъ. Поэтому, не имѣя возможности выкупить, онъ просилъ позволенія взять свои книги „показать для продажи; а буде продамъ тѣ книги, и мнѣ принести деньги за тѣ книги; а буде не продамъ, и тѣ книги къ нимъ протодьякону да ключарю назадъ лицомъ отдать. Въ томъ и память далъ“. Указаніе на то, что такая цѣнность книгъ признавалась всѣми классами общества, можно видѣть также изъ словъ одного сатирическаго произведенія XVII в.—„Кабацкій праздникъ“: „...Что ти принесемъ, веселая корчмо!?.—поется въ канонѣ.—Каждый человѣкъ различные дары тебѣ приноситъ, со усердіемъ сердца своего. Попы и дьяконы—скуфьи и шапки, однорядки *и служебники*; чернецы—монатьи, рясы, клобуки и свитки и вси вещи келейныя, дьячки—*книги*, и переводы, и чернилы, и всякое платье и бумажники пропиваютъ“...

* * *

Такой рисуется, на основаніи случайныхъ, дошедшихъ до насъ, данныхъ, картина умственныхъ запросовъ небольшаго, но типичнаго провинціальнаго городка древней Руси. Не легко было новымъ теченіямъ

расшевелить такіе уголки, изъ которыхъ составлялась Русь, но тѣмъ не менѣе они просачивались и сюда... Просачивались сквозь суровые цензурные кордоны, сквозь толщу темной обывательской косности. Таково свойство подлинной жизни.

«Еретикъ» XVIII вѣка.

Канунъ петровскихъ реформъ, XVII вѣкъ ознаменовался яркой борьбой стараго съ новымъ, на этотъ разъ уже болѣе чѣмъ явственнымъ вторженіемъ въ русскую жизнь западно-европейскихъ идей и новшествъ.

Русскіе люди того времени замѣтно раздѣлились уже на два лагеря. Съ одной стороны стояли представители старины, хранители старинныхъ обычаевъ и вѣрованій, съ другой—люди, симпатіи которыхъ явно склонялись къ западному просвѣщенію. Правда, начало такого раздѣленія было положено еще въ XIV—XV вѣкахъ, но теперь двѣ враждебныя другъ другу партіи заняли совершенно другое положеніе. Если раньше торжествовали приверженцы старины, то теперь первенствующее мѣсто все чаще и чаще занимаютъ новаторы, западники.

Дѣло Тверитинова представляетъ особенный интересъ. Въ немъ очень ярко отразилась борьба самыхъ разнообразныхъ теченій, господствовавшихъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, и, кромѣ того, обнаружилось немало крайне интересныхъ бытовыхъ подробностей.

Дмитрій Тверитиновъ прибылъ въ Москву изъ Твери около 1692 года, вмѣстѣ со своими братьями, „въ самой мизирности“, и, поступивъ на службу къ иноземцамъ „разныхъ религій“, сталъ „искать науки у дохтуровъ и лекарей“. Одаренный отъ природы яснымъ умомъ и живою воспріимчивостью, Дмитрій Тверитиновъ не довольствовался чисто практическими свѣдѣніями о составленіи лекарствъ и цирульномъ мастерствѣ, которыми довольствовались его братья. Бесѣды съ иноземцами вызвали въ немъ цѣлый міръ новыхъ понятій, пробудили множество недоумѣнныхъ вопросовъ. Подобно иноземцамъ, Тверитиновъ, говоря словами послѣдняго рускаго патріарха, сталъ задавать себѣ и другимъ вопросы: „чего ради сіе и на что оно“?

Очень скоро онъ научился латинскому языку и принялся за чтеніе Библіи. Результатомъ такого чтенія явился цѣлый рядъ выписокъ изъ священнаго писанія, касавшихся почитанія иконъ, мощей, признанія святыхъ, почитанія чудесъ, значенія постовъ, преданій и твореній отцовъ церкви, незаконности проклятій и преслѣдованій еретиковъ и т. д. Выбравъ обо всемъ этомъ около пятисотъ текстовъ изъ Библіи, Тверитиновъ распредѣлилъ ихъ по однородности содержанія на нѣсколько группъ. Судя по группировкѣ и текстамъ, Тверитиновъ усвоилъ себѣ многое отъ лютеранъ, хотя его убѣжденія не могли быть названы вполнѣ лютеранскими и во многомъ напоминали ученіе стригольниковъ и жидовствующихъ. Перечитывая эти выписки, мы видимъ, что Тверитиновъ обсуждалъ не только вопросы религіи. Это былъ человѣкъ, глубоко возму-

щенный нравственнымъ уровнемъ современнаго ему общества, его суевѣріемъ, религіознымъ формализмомъ и невѣжествомъ, человѣкъ, который ищетъ выхода къ лучшему, требуетъ новыхъ наставниковъ. Увлеченіе Тверитинова, тѣ оригинальные крайніе выводы, до которыхъ онъ иногда доходилъ, имѣли своимъ источникомъ протестъ его противъ русской старины, особенно въ дѣлахъ вѣры и церкви. Мучимый всякаго рода вопросами, Тверитиновъ искалъ разрѣшенія ихъ не только у нѣмцевъ, но также и у православныхъ, „препиралъ философовъ и богослововъ въ словено-латинской школѣ и пріобрѣталъ ихъ въ свою прелесть“. Дѣйствительно, префектъ ея, Стефанъ Прибыловичъ, „утверждавшій“ его въ догматахъ православной церкви, кончилъ чѣмъ, что оставилъ его, „поврежденный Тверитиновымъ“. Вліяніе „еретика“ на людей простыхъ было еще болѣе неотразимымъ. Въ статьѣ Тихонравова о немъ есть нѣсколько примѣровъ того, какъ Тверитиновъ пропагандировалъ свои идеи въ массѣ. Медицинская практика, сближая его съ людьми различныхъ сословій, открывала ему возможность самой широкой пропаганды, и онъ не упускалъ случая посмѣяться надъ старыми обычаями, если видѣлъ въ нихъ слѣды суевѣрія или невѣжества. Однажды, напримѣръ, къ нему обратился комиссаръ Сергѣевъ за лекарствомъ противъ глазной боли.

— У вашей милости есть изрядное лекарство,— сказалъ ему Тверитиновъ.

— Какое?—спросилъ тотъ.

Тверитиновъ разсмѣялся и сказалъ: „Изволь ку-

пить глазокъ или оба серебряные и отнеси ихъ къ Пятницѣ Прощѣ, что на Москвѣ, на Пятницкой улицѣ, то глазки твои здоровы будутъ. А ежели у вашей милости болятъ зубки, то изволь купить зубокъ серебряный Антипію Чудотворцу“. И „разсмѣялся зѣло Тверитиновъ, даже повалился на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ“. Изъ споровъ Тверитиновъ выходилъ обыкновенно побѣдителемъ. Даже враги лекаря признавались, что онъ „имѣлъ понравіе уклонное, мягкое и весьма льстивое“, что онъ „говорилъ очень вѣжливо, утѣшно, смѣхомъ растворяя; приступаетъ и уступаетъ и всячески мастеритъ, дабы тому, что съ кѣмъ-нибудь говоритъ, пріятенъ былъ и таковымъ понравіемъ такъ одаренъ, что едва равнаго ему обрѣсти можно“...

— „То-то бы патріархъ онъ былъ“,—восклицалъ одинъ изъ почитателей Тверитинова, увлекавшійся его доводами и начитанностью.

Нисколько не удивительно поэтому, что у этого остроумнаго вольнодумца нашлось немало послѣдователей, которые, не признавая иконъ, замѣняли ихъ текстомъ первой и второй заповѣдей, открыто высказывали всякаго рода „хулы“ на православные обычаи и обрядность. Одинъ изъ такихъ послѣдователей, Михайло Косой, если ему случалось у кого-нибудь быть, украдкой переворачивалъ иконы головой внизъ. Зайдя, однажды, къ Ершову, когда тотъ разставлялъ иконы, Косой спросилъ его:

— „Для чего гвозди колотить? Поставь такъ къ стѣнѣ, чтобъ о себѣ стоялъ безъ гвоздей, а на гвоздяхъ-де и что-нибудь стоитъ“.

Другой послѣдователь ереси, Максимовъ, нерѣдко говаривалъ школьникамъ относительно святителя Николая: „авось и Николай будетъ въ пеклѣ“.

Ересь сильно волновала ревнителей православія, но въ теченіе 12-ти лѣтъ Тверитиновъ прожилъ въ Москвѣ совершенно спокойно. Преслѣдованіе его началось только въ 1711 г., по частной иниціативѣ извѣстнаго составителя ариѳметики Леонтія Магницкаго и московскаго вице-губернатора Ершова. Началось это преслѣдованіе не совсѣмъ обычнымъ порядкомъ. Желая испытать Тверитинова при свидѣтеляхъ, Магницкій пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ. За столомъ начались разговоры на темы, живо интересовавшія Тверитинова. Говорили о Евхаристіи, постахъ, иконахъ, мощахъ и т. д. Разговоры были „крѣпкіе“: спорили безъ умолку одинадцать съ половиною часовъ. Тверитиновъ „нудился отъ всей своей силы“ и до того сталъ печаленъ, что „въ лицѣ зѣло испалъ и почернѣлъ“. Ловушка, однако, не удалась. Умный и въ высшей степени тактичный лекарь спорилъ и приводилъ всякаго рода доводы не отъ себя, а отъ лица „нѣмцевъ“, и ничѣмъ не скомпрометировалъ своихъ собственныхъ убѣжденій. Мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій, ярый врагъ реформъ Петра, „съ сожалѣніемъ“, но все-таки призналъ результаты, добытые Магницкимъ, недостаточными для начала дѣла. На второмъ обѣдѣ, устроенномъ съ тою же цѣлью, Тверитиновъ держалъ себя еще болѣе осторожно. Поводъ привлечь къ отвѣтственности Тверитинова подалъ его врагамъ ученикъ Максимовъ, который

подъ пыткой оговорилъ Тверитинова и другихъ лицъ. Но и на этотъ разъ этотъ „грубѣйшій невѣжда, треклятая адская гидра“, избѣгъ рукъ Стефана Яворскаго. Вмѣстѣ съ фискаломъ Косымъ онъ отправился въ Петербургъ, не дожидаясь, пока его возьмутъ въ Преображенскій приказъ.

Въ Петербургѣ очень подозрительно смотрѣли на Стефана Яворскаго, который не разъ уже выступалъ въ роли противника царя и его реформъ. Нисколько поэтому не удивительно, что „еретики“ нашли здѣсь больше сочувствія, нежели въ Москвѣ. Ихъ приняли подъ свою защиту князь Яковъ Долгоруковъ и вліятельный тогда архимандритъ Ѳеодосій, самъ индиферентно относившійся къ религіи. Спустя самое короткое время, „еретики“ возвратились въ Москву съ Высочайшимъ повелѣніемъ, въ которомъ Петръ приказывалъ, послѣ соблюденія нѣкоторыхъ формальностей, освободить Тверитинова и всѣхъ другихъ обвиняемыхъ. Указъ этотъ былъ не по душѣ Яворскому, и онъ твердо рѣшилъ его не исполнять. Придравшись къ одному ничего не значущему выраженію указа, онъ не освободилъ обвиняемыхъ, а вмѣсто того рьяно принялся за новое слѣдствіе. Грозное „увѣщаніе“, сулившее вѣчныя муки всякому, кто не сообщитъ того, что онъ знаетъ о Тверитиновѣ, произвело свое дѣйствіе и въ распоряженіе слѣдователей былъ доставленъ обильный матеріалъ для обвинительнаго акта. Судъ архіереевъ, съ Яворскимъ во главѣ, осудилъ „еретиковъ“, провозгласилъ каждому изъ нихъ „анаѳему“, „...а всѣмъ, явно и тайно тѣмъ еретикамъ помогающимъ, трижды-

же возгласили: анаѳему!“ Этотъ соборъ лишилъ права совершать богослуженіе царскаго любимца, архимандрита Ѳеодосія. Тщетно „еретики“ отрекались отъ всякаго рода еретическихъ мыслей, напрасно свидѣтельствовали о своемъ православіи—ихъ держали въ самомъ тяжеломъ заключеніи.

Самовольный поступокъ Яворскаго, однако, не прошелъ ему даромъ. Царь потребовалъ его, вмѣстѣ съ дѣломъ Тверитинова и самими осужденными, въ Петербургъ „къ отвѣту“. Яворскій, послѣ цѣлаго ряда отговорокъ пріѣхавшій въ Петербургъ, хотѣлъ видѣться съ царемъ, но Петръ его не принялъ и повелѣлъ разсмотрѣть его дѣло „генеральному суду“. Въ Петербургѣ поднялись толки и предположенія объ исходѣ новаго слѣдствія. Дѣйствительно, судъ митрополита съ „еретиками“ былъ совершенно необычнымъ и знаменательнымъ явленіемъ.

Первый „консиліумъ“ этого суда, на которомъ присутствовало около ста персонъ, былъ еще интереснѣе.

Яворскій явился на него глубоко возмущеннымъ, но никакъ не ожидалъ услышать того, что онъ здѣсь услышалъ. Его заявленій о томъ, что дѣла церкви не подлежатъ свѣтскому суду, сенаторы не слушали и продолжали „съ великимъ и безчиннымъ крикомъ“ осыпать митрополита самыми тяжкими укоризнами. Въ залѣ поднялся невообразимый шумъ. Шесть разъ Яворскій поднимался со своего мѣста и хотѣлъ уйти. Трудно было предвидѣть возможность какого бы ни было разслѣдованія дѣла, если бы вдругъ діаконъ Паѳнутій не началъ кричать во весь голосъ: —„Господа, послушайте!

Господа, послушайте!“ Разъ двадцать прокричалъ діаконъ, прежде чѣмъ шумъ утихъ. Воспользовавшись этимъ моментомъ, онъ произнесъ длинную рѣчь, обвинивъ Тверитинова въ томъ, что онъ „церкви святыя есть врагъ и всему государству—великій злодѣй“. Рѣчь Паѳнутія, исходившая, очевидно, отъ Яворскаго, произвела, однако, на судей не то впечатлѣніе. котораго отъ нея ждали. Отъ стола за которымъ сидѣли сенаторы, послышались слова: „чернишка-плутъ! Ты за склянницу вина душу свою продалъ!“ Симпатіи генеральнаго суда, очевидно, были на сторонѣ осужденныхъ Стефаномъ Яворскимъ еретиковъ. Какъ ни старались Яворскій и его друзья измѣнить это настроеніе—они все-таки не могли привлечь судей на свою сторону. „Такого мятежа и контры,—свидѣтельствуетъ современникъ,—хотя бы и въ прежнихъ греческихъ съ еретиками соборѣхъ едва въ исторіяхъ обрѣтается“.

Такъ было во времена Петра.

Трагедія Гоголя.

1.

Мучительно искалъ своего Бога Гоголь, такой непонятный, такой загадочный...

— Я,—говорилъ Гоголь самъ о себѣ,—почитаюсь загадкой для всѣхъ; никто не разгадалъ меня совершенно...

Не разгадалъ тогда, не разгадалъ и до сихъ поръ.

Послѣдніе юбилейные поминки внесли только бо́льшую путаницу въ его толкованіе. Заранѣе можно было предсказать, кто и какъ, въ какомъ направленіи будетъ искать разгадки, какіе портреты этого непонятаго человѣка будутъ писать наши современные художники и критики. Заранѣе было извѣстно, что „Русское Знамя“ и „Россія“, выразятъ такіе восторги, пропоютъ такіе панегирики Гоголю, напишутъ такіе его портреты, отъ которыхъ навѣрно Гоголь пришелъ бы въ большій ужасъ, чѣмъ въ свое время отъ картины Страшнаго Суда.

— Довольно, довольно, я не могу больше,—закричалъ Гоголь, корчась отъ ужаса, о. Матвѣю, показавшему ему эту картину.

Листки нашихъ черносотенныхъ газетъ для Гоголя были бы такимъ же точно Страшнымъ Судомъ надъ его душой, надъ тѣмъ, что онъ считалъ въ своей жизни самымъ главнымъ, самымъ существеннымъ, самымъ важнымъ.

Гоголь для нихъ прямо кладъ.

Многіе, навѣрно, въ наши дни въ значительной степени испытали если не то негодованіе, то, во всякомъ случаѣ, ту скорбь, которую въ свое время пережилъ Бѣлинскій, обрушившійся на Гоголя своимъ, полнымъ негодованія письмомъ.

— Подлецъ или не подлецъ Гоголь?

Такой вопросъ, по словамъ Ивана Аксакова, приходилось слышать въ его время.

Въ столь острой формѣ этотъ вопросъ поставленъ не былъ теперь, но безъ киваній всякаго рода не обошлось, и конечно у Гоголя матеріалъ для нихъ былъ.

Кого не озадачитъ, напримѣръ, хотя бы такое наставленіе Гоголя помѣщику:

„...Собери прежде всего мужиковъ и объясни имъ, что такое ты и что такое они: что помѣщикъ ты надъ ними не потому, чтобы тебѣ хотѣлось повелѣвать; но потому, что ты уже есть помѣщикъ, что ты родился помѣщикомъ, что взыщетъ съ тебя Богъ, если бы ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно какъ и они также, родясь подъ властью, должны покоряться той самой власти, подъ которой родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога. И покажи имъ это тутъ же въ Евангеліи,

чтобы они всѣ это видѣли до единаго. Потомъ скажи имъ, что заставляешь ихъ трудиться и работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія (и въ доказательство тутъ же сожги передъ ними свои ассигнаціи), и сдѣлай такъ, чтобы они видѣли дѣйствительно, что деньги тебѣ нуль... И прочти имъ тутъ же это въ Св. Писаніи, чтобы они это видѣли... Покажи имъ пальцемъ и самыя буквы, которыми это написано; заставь каждаго передъ тѣмъ перекреститься, ударить поклонъ и поцѣловать самую книгу, въ которой это написано"...

Это говорилъ Гоголь, въ періодъ самой настоящей вѣры въ Бога и Св. Писаніе!..

Не буду продолжать выписку и проводить аналогичныя же цитаты изъ наставленій генералъ-губернатору, губернаторамъ, матери, сестрамъ, не буду цитировать тѣ мѣста его писемъ, гдѣ онъ говоритъ противъ школъ и т. д., и т. д.

Все это говорилъ Гоголь, не только писалъ чернымъ по бѣлому, но еще и мужественно защищалъ всю жизнь, какъ единственное истинное. Это фактъ, съ которымъ, конечно, необходимо считаться, котораго нельзя назвать ни случайностью, ни ошибкой, и который, конечно, усложняетъ въ сильной степени это уравненіе съ очень многими неизвѣстными.

2.

Я перечиталъ большую, объемистую переписку Гоголя, изданную Шенрокомъ,—не только избранныя мѣ-

ста изъ переписки съ друзьями, а всѣ письма, начиная съ самыхъ раннихъ, дѣтскихъ, и кончая тѣми, которыя онъ писалъ почти наканунѣ смерти. Тутъ столько противорѣчій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, столько штриховъ, повидимому, не имѣющихъ ничего общаго между собой, что, казалось, никакого общаго портрета изъ нихъ сдѣлать невозможно.

Но вѣдь такой портретъ былъ. Вѣдь Гоголь жилъ, это былъ настоящій живой человѣкъ, и, слѣдовательно, только вопросъ въ томъ, какъ всѣ эти шрихи скомбинировать, какъ сложить ихъ такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ получилось живое лицо.

И, мнѣ кажется, я уже вижу это живое, настоящее, полное дѣйствительно нечеловѣческихъ страданій лицо Гоголя... Начало оно у меня обрисовываться болѣе опредѣленно съ того момента, какъ я разрѣшилъ для себя одинъ, по-моему, главный вопросъ, заслонявшій отъ меня сущность этого мученическаго лика.

Я все время недоумѣвалъ:

— Какимъ образомъ Гоголь, создавшій такія не скажу каррикатуры, а такія вмѣстилища пошлости, какъ его „Мертвыя души", не тѣ, которыя покупалъ Чичиковъ, а тѣ, у которыхъ онъ покупалъ, какъ могъ онъ писать, отъ себя лично, уже то, что онъ съ такимъ жаромъ проповѣдываетъ въ „Перепискѣ съ друзьями"?

Эта переписка на меня всегда производила весьма странное впечатлѣніе. Читая ее страницу за страницей, мнѣ постоянно казалось, что Гоголь совершенно спокойно могъ всю эту „переписку" приписать кому-либо изъ своихъ героевъ, напримѣръ Манилову, Но-

здреву, Коробочкѣ, Плюшкину... Да любому. Могъ ввести ее, какъ ввелъ, напримѣръ, разсказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ. И тамъ эта переписка не произвела бы ни малѣйшаго диссонанса.

Маниловъ или Бетрищевъ, напримѣръ, смѣло могъ бы высказывать отъ своего лица все, чему училъ своихъ друзей Гоголь.

Но вѣдь ужасъ и непонятность именно въ томъ, что Гоголь говоритъ все это отъ себя, что онъ это проповѣдывалъ, какъ глубочайшія откровенія, добытыя путемъ личныхъ, безусловно тяжелыхъ, страданій.

Ужасъ въ томъ, что все это уживалось у него съ Богомъ, котораго онъ искалъ и котораго нашелъ.

Вчитывался Гоголь въ Евангеліе не съ меньшей, а пожалуй даже съ большей мукой и пытливостью, чѣмъ Толстой.

Но какая разница!

И съ какой стороны вы ни подойдете къ этому факту, вы не въ состояніи дать ему сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе. Гоголь оказывается не лучше и не хуже Манилова и Бетрищева!.. Нисколько не выше тѣхъ „мертвыхъ душъ", отъ пошлости которыхъ пришелъ въ такой ужасъ Пушкинъ и пошлость которыхъ чувствовалъ съ такой силой самъ Гоголь... Выводъ ужасный и непріемлемый уже a priori хотя бы потому, что то были „мертвыя души", а Гоголь былъ душа живая, полная жизни, вѣчно горѣвшая душа...

— У меня,—говоритъ Гоголь, — герои одинъ пошлѣе другого; по прочтеніи всей книги кажется, точно вышелъ на свѣтъ изъ какого то душнаго погреба.

Это онъ самъ говоритъ, самъ чувствуетъ! И тѣмъ не менѣе издаетъ „Переписку“...

Въ чемъ же тогда дѣло? Я долго съ особеннымъ вниманіемъ вчитывался въ тѣ строки писемъ Гоголя, гдѣ онъ вскрываетъ свою психологическую работу, давшую въ результатѣ цѣлую группу „мертвыхъ душъ“ и одну отдѣльно стоящую душу, которую Гоголь считаетъ душой живой, своей собственной душой, но которая въ дѣйствительности мертва, такъ же, какъ тѣ, и самое главное, что эта душа — вовсе не его душа.

Гоголь разсказываетъ, что онъ писалъ „Мертвыя души“ такъ:

„... Я сталъ надѣлять своихъ героевъ сверхъ ихъ собственныхъ гадостей моей собственной дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ представить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ смертельное оскорбленіе...“ „Во мнѣ самомъ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, и при томъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ...“

И это, конечно, не самоуниженіе, паче гордости, которое обыкновенно приписываютъ Гоголю.

Это самая настоящая правда. Прочтите его письма, обыкновенныя письма къ матери, сестрамъ, къ друзьямъ. Вычеркните подпись, и вы скажете, непремѣнно скажете:

— Сколько пошлости!..

Самый тонъ его писемъ, даже дѣтскихъ, это тонъ ребенка, изъ котораго, напримѣръ, могъ бы вырасти Молчалинъ или Фамусовъ. Пошлость, мелочность бьютъ въ глаза изъ каждой строки. А письмо, написанное по полученіи извѣстія о смерти отца, прямо непріятно читать. Столько въ немъ фальши и дѣланности!..

Было все это у Гоголя, было безспорно. И онъ самъ это чувствовалъ лучше, чѣмъ кто-либо другой. Все это сидѣло въ немъ до такой степени крѣпко, до такой степени заполняло его душу, что онъ, рѣшившись дать что-нибудь положительное, сказать свое собственное credo,—не могъ справиться съ этимъ огромнымъ, давившимъ его, камнемъ пошлости, и „Переписка съ друзьями“ по своему основному характеру ничѣмъ не отличалась отъ того, что онъ говорилъ до сихъ поръ въ его сочиненіяхъ, правда не отъ своего имени. Гоголь только писалъ сначала чернымъ по бѣлому, а потомъ бѣлымъ по черному, но слова были одни и тѣ же. Точно кто то внѣ его стоящій водилъ его перомъ...

А между тѣмъ, Гоголь думалъ, что результаты будутъ другіе. Онъ къ нимъ готовился и откладывалъ эту работу, какъ завершающую пирамиду.

— Пока,—говорилъ онъ,—не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды. Выдумывать кошмары — я также не выдумывалъ, кошмары эти давили мою собственную душу: что было въ душѣ, то и вышло“...

3.

Такимъ образомъ и отрицательные и положительные типы Гоголя были, по его собственному признанію, прямымъ отраженіемъ его души.

Не будь у него въ душѣ ничего другого, онъ, конечно, оставался бы благодушнѣйшимъ россіяниномъ, эксплоатировалъ бы крѣпостныхъ, толковалъ бы имъ свое евангеліе, бралъ бы взятки, и чувствовалъ бы себя столь же хорошо, какъ всѣ его герои. Пошлость, въ которой онъ самъ признается съ большой мукой, безспорно его бы засосала и не было бы Гоголя, а былъ бы еще одинъ экземпляръ Манилова или Чичикова.

Но дѣло въ томъ, что подъ этимъ толстымъ слоемъ пошлости, мѣшавшей ему осуществить тѣ грандіозные замыслы, которыми онъ былъ полонъ всегда, жило внутри какое то необычайно живучее существо, крылась настоящая живая душа.

Присутствіе этого существа постоянно чувствовалъ самъ Гоголь.

Онъ самъ говорилъ, что ему не даетъ покоя вѣчное стремленіе къ самосовершенствованію, „желаніе быть лучшимъ“...

Это было необычно безпокойное и жестокое существо. Оно совершенно не считалось съ силами своего хозяина. Это существо, этотъ геній Гоголя не считался съ тѣмъ, что его хозяинъ глубоко корнями вросъ въ другой живой организмъ большаго существа пошлости. Геній тащилъ его оттуда изо всѣхъ силъ, не обращая вниманія на то, что обрываетъ живое

тѣло, что Гоголь кричитъ, испытываетъ боль, что онъ можетъ умереть. Это было существо, не допускавшее никакихъ компромиссовъ, существо трепавшее Гоголя изъ стороны въ сторону и, въ концѣ концовъ, доведшее своего хозяина до полнаго отчаянія.

Тутъ, въ этомъ скрытомъ геніѣ, источникъ всей, поистинѣ тяжелой, драмы Гоголя.

Безспорно, что если его не могли удовлетворить „Мертвыя души", гдѣ онъ казнилъ и отрицалъ, то еще менѣе могла удовлетверить его „Переписка съ друзьями". Согласитесь, что если бы тѣ воздушные замки, которые ему рисовало его воображеніе убѣдили его самаго, къ чему же было бы ему страдать и мучиться?..

Но въ томъ то и дѣло, что это не могло дать ему удовлетворенія. Могли быть моменты, когда взявъ въ руки свою же книгу, онъ вглядывался въ нее, такъ какъ не могъ сразу опредѣлить не новый ли это томъ „Мертвыхъ душъ"?

Не въ одинъ ли изъ такихъ моментовъ онъ бросилъ въ огонь свои произведенія, хотя они и написаны были въ этотъ новый періодъ его просвѣтленія?!

Здѣсь, безспорно здѣсь, лежитъ корень драмы Гоголя. Его одолѣли мертвыя души... Души эти оказались настолько сильны, что заразили тлетворнымъ труднымъ запахомъ его душу, сдѣлали мертвой и ее... Кругомъ себя Гоголь видѣлъ тѣ всесильныя, мертвящія „навьи чары", о которыхъ такъ настойчиво говоритъ въ наше время Сологубъ. Его, какъ и Сологуба, мучила постоянно своя „недотыкомка", чортъ, тотъ діаволъ, который помогалъ и поддерживалъ жизнь скрывавшагося

въ Гоголѣ, подъ огромнымъ количествомъ мусора, генія, истинную, подлинную, живую его душу.

Изнемогая въ борьбѣ съ пошлостью, съ чортомъ, Гоголь началъ искать защиты на небѣ, у Бога. Всегда, съ дѣтства настроенный мистически, Гоголь, послѣ продолжительной жизненной борьбы, окончательно увѣровалъ, что на землѣ нѣтъ жизни, что здѣсь живутъ только мертвецы, а что настоящая жизнь за гробомъ, тамъ, около Бога.

И за нѣсколько дней до смерти онъ молилъ Бога:

— Господи! Свяжи вновь сатану таинственной силой неисповѣдимаго креста.

Отъ этого сатаны онъ долго прячется за рясу о. Матвѣя и, въ концѣ концовъ, умираетъ, съ твердостью отказываясь отъ малѣйшей помощи врачей, насильно пытавшихся спасти его жизнь и только прибавившихъ еще нѣсколько лишнихъ мученій.

Гоголь искалъ Бога по своему, искалъ своеобразно, но дѣйствительно искалъ его.

Вы чувствуете, что богоискательство не было для Гоголя тѣмъ перцемъ, которымъ сдабриваютъ прѣсную современность въ наше время. Онъ страдалъ, всю свою жизнь онъ бился головой объ стѣну, сражаясь съ навьими чарами, съ мертвыми душами—чужими и своей собственной. Онъ мучительно искалъ Бога и съ мукой вѣрилъ, что Его нашелъ. „Будьте не мертвыя, а живыя души“, говорилъ онъ всѣмъ и самоотверженно боролся съ ползшей отовсюду мертвечиной. Своей мученической смертью онъ убилъ мучившихъ его живыхъ мертвецовъ, живую страшную пошлость, и горе тѣмъ,

которые захотятъ на не сгнившей еще и до сихъ поръ, но уже расползшейся, пошлости, убитой Гоголемъ, воздвигнуть свое зданіе.

Испугъ.

Послѣднее время многихъ преслѣдуютъ кошмары испуганнаго интеллигента. Для меня лично этотъ кошмаръ нашелъ себѣ воплощеніе въ Андреѣ Бѣломъ и Александрѣ Блокѣ. Такъ и вижу Андрея Бѣлаго, на кафедрѣ, взглядывающагося въ насъ, слушателей, испуганными, полными ужаса глазами. „Гдѣ я,—говорилъ онъ,—кто вы, сидящіе противъ меня, есть ли между нами что-нибудь общее, понимаете ли вы меня, понимаю ли я васъ?..“ Ужасъ страшнаго одиночества звучалъ въ его голосѣ, струился изъ глазъ, вглядывавшихся въ аудиторію, откуда глядѣли на него такіе же недоумѣвающіе, озадаченные глаза, а кое-гдѣ даже тянулись къ нему нити испуга.

Все время въ ушахъ звучитъ у меня голосъ Александра Блока, которому казалось, что на насъ, интеллигентовъ, прямо на насъ летитъ та символическая тройка, какой Гоголю казалась Россія.

— Что,—спрашивалъ Блокъ,—если тотъ гулъ, который возрастаетъ такъ быстро, что съ каждымъ годомъ мы слышимъ его яснѣе, и яснѣе и есть „чудный звонъ“

колокольчика тройки? Что, если тройка летитъ прямо на насъ? И, бросаясь къ народу, мы бросаемся прямо подъ ноги *бѣшеной* тройки, на вѣрную гибель?..“ „...Я боюсь даже, вопросъ ли это? Не свершается ли уже гдѣ-то, пока мы говоримъ здѣсь, какое то страшное и безмолвное дѣло? Не обреченъ ли уже кто либо изъ насъ безповоротно на гибель?“

Сколько страха въ этихъ кошмарныхъ голосахъ... А рядомъ съ ними, этими испугавшимися, спокойно говорятъ о Богѣ, ищутъ Бога, озабочены миѳотворчествомъ.

Въ глубокой древности Діогенъ вооружился фонаремъ и отправился искать человѣка. Теперь явились Діогены, которые начали искать уже Бога. Человѣкъ, дескать, найденъ, найдено даже человѣчество, и вотъ, понадобился Богъ. Повсюду только и разговоровъ, что о богоборцахъ, богоискателяхъ, богостроителяхъ. „Человѣкобогъ“, „Богочеловѣкъ“, слышится со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ лагерей. Точно въ бильбокэ играютъ, да такъ увѣренно играютъ, что со стороны можетъ показаться, будто у каждаго изъ играющихъ Богъ уже не только найденъ, но прирученъ и можетъ быть показанъ въ любой моментъ, по первому требованію... Каждый разъ, когда заходитъ рѣчь о богоискателяхъ, выплываетъ призракъ Андрея Бѣлаго, его испуганное лицо, и во всемъ своемъ ужасѣ вскрывается та тина, то болото, изъ испареній котораго вышли эти страшные, эти ядовитые міазмы. Да, я прямо говорю, ядовитые міазмы, породившіе наше дряблое богоискательство. Въ самомъ дѣлѣ, къ этой игрѣ въ прятки съ Богомъ,

къ этому cache-cache нельзя относиться какъ къ простой забавѣ, какъ къ пріятному риторическому спорту. Когда люди увлекаются Лурихомъ и спорятъ о томъ, лучше ли онъ Мурзука, или Мурзукъ сильнѣе Луриха—къ ихъ спорамъ можно относиться спокойно. Пусть спорятъ, они никому не мѣшаютъ. Но когда на сцену выстраиваются, въ видѣ борцовъ, богоискатели и богостроители, все люди нужные для другихъ дѣлъ, когда они привлекаютъ къ себѣ вниманіе общества, когда на эту борьбу стекаются толпы людей, искренно ищущихъ дороги, пути и знамени, стекаются, потому что борцы то будутъ повыше Луриховъ и Пытлясинскихъ,—оставаться спокойнымъ трудно. Хочется оглянуться вокругъ себя, протереть глаза и спокойно посмотрѣть, да откуда же, однако, все это „навожденіе". Ясно, что „навіе идутъ", какое то нашествіе покойниковъ. Откуда они? Откуда эти „навьи чары"? Гдѣ мы и что съ нами?

Вопросы все мучительные, хотя никогда отвѣчать на нихъ не было легче, чѣмъ сейчасъ. Дѣло въ томъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ, даже не двадцать, а въ сущности десять, восемь лѣтъ, мы дважды сыграли такую гамму настроеній, которую другимъ приходилось разыгрывать въ теченіе столѣтій, а были моменты, которые происходятъ разъ въ тысячу лѣтъ. Передъ тѣмъ, что пережили мы, поблѣднѣли шестидесятые годы, поблѣднѣло 25-е декабря. А припомните, съ какимъ чувствомъ слушали всѣ мы разсказы объ этихъ годахъ. Большія переживанія, естественно, даютъ и большой опытъ. Если кто можетъ сказать съ полнымъ

правомъ, что мало прожито, но много пережито, такъ это наше поколѣніе, это люди восьмидесятыхъ и, особенно, девятисотыхъ годовъ.

Эти послѣдніе, въ сущности, повторили, но только болѣе ярко, болѣе сильно пережили и переживаютъ то, что пережили восьмидесятники.

Чеховъ далъ прекрасную, лучшую, хотя и очень больную, картину всего пережитаго русскимъ обществомъ въ эти достопамятные годы. Читая его страницу за страницей, вы видите передъ собой тоскливую картину не то болота, не то загнившаго пруда, сплошь задернутаго зеленой плѣсенью, по которой самодовольно прыгаютъ разъѣвшіяся жабы, глотающія мошекъ. Людей не видно. Всѣ они забились въ свои футляры: одни боятся изъ нихъ выглянуть, другіе обжились въ нихъ и чувствуютъ себя какъ нельзя лучше. Временами, когда особенно сгущается мракъ, когда надвигаются особенно тяжелыя зимнія ночи, кое-гдѣ надъ болотомъ свѣтятся болотные огоньки: это зажглись газы, прорвавшіеся сквозь болото, не удержанные болотомъ, это они горятъ; погорятъ и погаснутъ. Кое-гдѣ слышатся вопли людей, не примирившихся съ футлярами, захотѣвшихъ подышать воздухомъ, попавшихъ въ трясину, слышатся крики тонущихъ, призывные крики, во что-то вѣрующіе, крики, въ которыхъ звучитъ надежда, и крики, уже полные отчаянія, полные негодованія, наконецъ, проклятія. Вся наша литература послѣднихъ лѣтъ—какое то сплошное барахтанье въ этомъ болотѣ. Наши писатели, точно инженеры болотоосушители, старались всячески бороться

съ этой трясиной, съ болотомъ. Одни старались его засыпать свѣжей землей, засѣять травой, цвѣтами и, сдѣлавъ это, во весь голосъ кричали: „нѣтъ болота, посмотрите: кругомъ цвѣты, жизнь прекрасна". Но первый, кто этимъ крикамъ довѣрялъ, очень быстро и скоро получалъ наказаніе за свою черезмѣрную довѣрчивость, ибо, не сдѣлавъ и шага, проваливался и попадалъ въ прежнее болото. Другіе, болѣе мудрые сами по себѣ и умудренные опытомъ своихъ жизнерадостныхъ товарищей, прямо отказывались отъ всякой борьбы съ болотомъ и рѣшали, что самое лучшее — попросту идти ко дну. Бороться съ болотомъ казалось имъ совершенно безцѣльнымъ, избавленіе отъ него имъ грезилось только въ смерти, смерти неизбѣжной, все равно, а потому, какъ это ни противно человѣческой природѣ, но они и сами старались привыкнуть къ этой мысли, да и другихъ пріучить также. И не только привыкнуть, но даже полюбить смерть. Какъ хотите— это тоже выходъ. Есть продукты, которые вызываютъ у человѣка чувство отвращенія, но эти же продукты съ наслажденіемъ ѣдятъ, напримѣръ, свиньи. Стоитъ, значитъ, перевоспитать свои вкусы, и все образуется. Стоитъ полюбить смерть, полюбить трупный запахъ, и тогда человѣкъ сдѣлается прямо безсмертнымъ. Такого человѣка не испугаешь. „Ахъ, смерть,—говоритъ онъ,— да очень пріятно. Это для меня первое удовольствіе".

Чтобы не быть голословнымъ и чтобы нарисованная мною картина не казалась бы плодомъ моей фантазіи, я позволю себѣ, въ самыхъ общихъ чертахъ напомнить кое-что изъ пережитаго, какъ оно отразилось въ на-

шемъ литературномъ зеркалѣ, всегда очень чуткомъ ко всѣмъ общественнымъ переживаніемъ.

Какъ нельзя болѣе кстати къ этому времени вспомнили о Ницчше, о его сверхчеловѣкѣ, о тѣхъ индульгенціяхъ, которыя раздавалъ съ мукой въ сердцѣ этотъ подлинный искатель, заплатившій за свои исканія тяжелыми мученіями физическими и душевными. Большихъ ницчшеанцевъ, съ большими дерзаніями у насъ не оказалось, а маленькіе полѣзли отовсюду, изо всѣхъ щелей, и они же расчистили почву для настроеній самыхъ разнообразныхъ, ибо дано было разрѣшеніе „на вся". Чеховскій Семеновъ, Пищикъ, напримѣръ истолковалъ для себя Ницчше прямо въ смыслѣ разрѣшенія дѣлать фальшивыя бумажки. Считаю необходимымъ оговориться, что я даю сейчасъ не *общую* картину, не *одно общее* полотно, на которомъ хронологически точно и въ надлежащей перспективѣ покажу все пережитое нами за послѣдніе годы. Это не входитъ въ мою задачу. Я только отмѣчу отдѣльныя, наиболѣе яркія теченія, возникшія на почвѣ хотя и безплоднаго, но все же искренняго стремленія разогнать нависшіе надъ русской жизнью туманы. Во главѣ этихъ теченій стали поэты, тѣ самые поэты, которые, увидѣвъ передъ собою топкое болото, очутившись въ слякоти, заныли отъ тоски. Нытиковъ было много, ныли почти всѣ. Теперешній богоискатель, обѣщающій раскрыть новые горизонты, взявшійся насъ куда-то вести, Д. Мережковскій шелъ тогда однимъ изъ первыхъ въ рядахъ этихъ нытиковъ. Онъ прямо причислялъ себя къ разряду „Morituri".

Мы безконечно одиноки,
Боговъ покинутыхъ жрецы,

говорилъ онъ и съ отчаяніемъ молилъ:

Грядите, новые пророки,
Грядите, вѣщіе пѣвцы,
Еще невѣдомые міру.
И отдадимъ мы нашу лиру
Тебѣ, божественный поэтъ...
На гласъ твой первые отвѣтимъ,
Улыбкой первой твой разсвѣтъ,
О, солнце будущаго, встрѣтимъ
И въ блескѣ утреннемъ твоемъ,
Тебя привѣтствуя, умремъ.
«Salutant, Caesar Imperator,
Te morituri». Весь нашъ родъ,
Какъ на аренѣ гладіаторъ,
Предъ новымъ вѣкомъ смерти ждетъ.

Стихотвореніе это, написанное давно, вошло въ сборникъ, вышедшій въ 1904 г., а въ предисловіи Мережковскій счелъ нужнымъ оговориться, что въ сборникъ этотъ онъ включилъ стихотворенія, не утратившія своего значенія и въ моментъ ихъ переизданія.

Въ томъ же году вышелъ сборникъ стихотвореній Зин. Гиппіусъ.

И тутъ та же пѣсня:

Минуты унынія...
Минуты забвенія...
И мнится—въ пустынѣ я...
Сгибаю колѣни я,
Молюсь—но не молится
Душа не согрѣтая.

Стучу, не отворится,
Зову безъ отвѣта я...
Душа словно тиною
Окутана вязкою,
И страхъ, со змѣиною
Колючею ласкою,
Мнѣ въ сердце впивается,
И проклятъ отнынѣ я...
Но нѣтъ дерзновенія.
Кольцо замыканія...
О, страны забвенія,
О, страны унынія...

Та же мысль и въ предисловіи къ ея стихотвореніямъ.

— Виноваты ли мы,—спрашивала здѣсь Зин. Гиппіусъ,—что каждое „я“ теперь сдѣлалось особеннымъ, одинокимъ, оторваннымъ отъ другого „я“ и потому непонятнымъ ему и ненужнымъ... Мы стыдились своихъ молитвъ и, зная, что все равно не сойдемся въ нихъ ни съ кѣмъ, говоримъ, слагаемъ это уже вполголоса, про себя, намеками, ясными лишь для себя...

Даже сильный духомъ и талантомъ Валерій Брюсовъ и тотъ приходилъ въ отчаяніе отъ всего, что его окружало, онъ почувствовалъ taedium vitae:

Я жить усталъ среди людей и въ дняхъ
Усталъ отъ смѣны думъ, желаній, вкусовъ,
Отъ смѣны истинъ, смѣны рифмъ въ стихахъ...
Желалъ бы я не быть „Валерій Брюсовъ“...

Высшая степень жизненнаго сплина.

Затосковавшіе поэты, задыхаясь въ туманахъ, начали мечтать объ оркестрахъ на улицѣ, о пляскахъ,

о полномъ переустройствѣ театра по греческому образцу и т. д. Во главѣ ихъ шелъ Вяч. Ивановъ. Больше другихъ онъ началъ вводить въ свои стихотворенія слова и обороты временъ очаковскихъ и покоренья Крыма, съ такимъ искусствомъ, что ему, навѣрно, позавидовали бы самъ Третьяковскій или Державинъ.

Поэту, отрѣшившемуся отъ дѣйствительности совершенно, эта дѣйствительность рисовалась какимъ то зачарованнымъ царствомъ. Одѣвшій розовые очки Вяч. Ивановъ увѣрялъ, что

Звономъ Пановой свирѣли
Лѣсъ весенній оглашенъ...

Ему все время казалось, что

Очарованныя трели
Эхо мчитъ на Геликонъ.
И влюбленный пламень взора
Златокудрый сынъ Лато
Средь божественнаго хора
Устремилъ на Эрато.

Непомѣрно обрадовался въ то время этимъ классическимъ далямъ Андрей Бѣлый, тогда еще только начинавшій поэтъ. И онъ составилъ призывъ кентавру:

Былъ страшенъ и холоденъ сумракъ ночной,
Когда тебя встрѣтилъ я, братъ дорогой.
Въ отчаяньѣ грозномъ я розы срывалъ
И въ чащѣ сосновой призывно кричалъ;
О, гдѣ ты, кентавръ, мой исчезнувшій братъ—
Съ тобой, лишь съ тобою я встрѣтиться радъ...
Напрасенъ призывъ одичалой души—
Вѣдь ты не придешь изъ сосновой глуши...

Но это поэту только такъ казалось. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ произошло слѣдующее:

Со свѣточемъ кто-то на слезы бѣжалъ,
Копытами землю сырую взрывалъ.
Лукаво подмигивалъ. Взоромъ блеснулъ
И длинныя руки ко мнѣ протянулъ:
— Здорово, товарищъ... Я слышалъ твой зовъ...
Къ тебѣ я примчался изъ бездны вѣковъ...—

Побѣжали со всѣхъ концовъ кентавры... Цѣлыя стада кентавровъ. Не только на зовъ Вяч. Иванова, Андрея Бѣлаго, но и другихъ. Одинъ Кондратьевъ вызвалъ цѣлыя полчища кентавровъ, сатиессъ и сатировъ... А тамъ пошли звать другіе... На разные голоса. Звать такъ, что даже не всѣ кентавры понимали, ихъ ли это зовутъ. И наполнилась наша русская земля, наши лѣса такими обитателями, какіе показывались у насъ развѣ въ двадцатыхъ, тридцатыхъ годахъ прошлаго и даже въ концѣ XVIII вѣка, да и то на желтыхъ страницахъ бумажныхъ альманаховъ. Кому не нравились кентавры, тотъ вызывалъ рыцарей. Многіе начали говорить и писать въ стилѣ знаменитаго „Милорда Аглицкаго". Александръ Блокъ выступилъ съ рядомъ стихотвореній, посвященныхъ „Прекрасной дамѣ", Кузминъ далъ рядъ иллюстрацій, такихъ тонкихъ, что, если бы не было извѣстно, когда онѣ написаны, ихъ могли бы принять за произведенія XVIII вѣка. Далъ рядъ стилизацій Ауслендеръ. Даже Валерій Брюсовъ написалъ своего „Огненнаго ангела", большой романъ, въ самомъ строго выдержанномъ стилѣ старинныхъ романовъ. Старина эта казалась до такой

степени желанной, что слѣпая подражательность стала самоцѣлью. Этими цвѣтами, взятыми на прокатъ, цвѣтами бутафорскими расцвѣчена была наша русская дѣйствительность какъ нельзя лучше.

Въ прямой связи съ этой вспышкой ложноклассицизма всплыли такъ называемыя проблемы пола. Культъ тѣла, культъ страсти, культъ желаній. Бальмонтъ, одинъ изъ первыхъ, заявилъ, свое знаменитое

„Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ"...

Замѣчательно, что во всѣ времена культъ тѣла, такъ называемыя проблемы пола, всплывали именно въ самые мрачные тяжелые моменты общественной жизни, общественнаго безсилія. Вспомните „Пиръ во время чумы", вспомните „Декамеронъ" Боккачіо...

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю...

Какъ только очутились въ трясинѣ, такъ сразу занялись проблемами пола. Моментально перевели и зачитали до дыръ Пшибышевскаго, Кнута Гамсуна, начали создавать оригинальныя произведенія въ этомъ направленіи, произведенія, нерѣдко далеко оставлявшіе за флагомъ западные образцы. Каменскій разсказалъ о Ледѣ, написалъ своихъ „Четырехъ". Арцыбашевъ выпустилъ на сцену своего знаменитаго Санина. Сонно, лѣниво потягиваясь, Санинъ всячески—и словомъ, и дѣломъ—старался доказать, что человѣкъ долженъ жить возможно пріятнѣе и „срывать цвѣты удовольствія" отовсюду, гдѣ можно и гдѣ, по прописной

старой морали, даже и нельзя. Прежняя формула „прямого, тайнаго и равнаго“ получила новую прибавку. Начали требовать прямой, равной и тайной порнографіи... „Совлечемъ старыя одежды“ заявилъ Федоръ Сологубъ, и началась какая то какханалія, конечно, только литературная, потому что на самомъ то дѣлѣ, тотъ же Каменскій, такъ ярко проповѣдовавшій свободную любовь и все время старавшійся обнажать красивыя женскія тѣла, въ дѣйствительной своей жизни, какъ самъ счелъ нужнымъ написать, очень былъ привязанъ къ семейному очагу и за предѣлы его никогда не выходилъ. А въ литературѣ куда только не звали?!. Приглашали не стѣсняться ни возрастомъ, ни родствомъ. Бабушка, дѣдушка, отецъ, мать, братъ, сестра—все равно. Санинъ смотрѣлъ на женщинъ, какъ на кобылъ (его собственныя слова). Это было живое воплощеніе того кентавра, о которомъ такъ мечтали наши нео-классики. Это онъ въ Санинѣ показалъ свои копыта, съ той только разницей, что если отъ подлиннаго миѳическаго образа все же вѣяло мощью, рожденной подъ южнымъ солнцемъ, то въ Санинѣ и ему подобныхъ герояхъ чувствовалось только раздраженіе тлѣнной мысли, чувствовалась не сила, а безсиліе. И не даромъ, въ самомъ дѣлѣ, съ эпохой этихъ проблемъ пола и призывомъ къ безудержной любви совпало такое огромное количество объявленій объ „электровалидорахъ“ разныхъ системъ...

Въ самомъ началѣ этого новаго періода нашей литературы у насъ, надъ нашимъ болотомъ, потянулись стаи дикихъ гусей, о которыхъ такъ хорошо про-

пѣлъ Мопассанъ. У насъ ихъ выпустилъ романтикъ Максимъ Горькій. Они зашевелили нашихъ домашнихъ гусей.

Крикъ перелетныхъ птицъ до слуха ихъ донесся
И, взоръ настороживъ, наверхъ они глядятъ...
И рвутся плѣнники, и улетѣть хотятъ...

Но, увы, улетѣть нельзя. Крылья зажирѣли. И вотъ начинается трагическое топтаніе на мѣстѣ.

Всѣ эти устремленія къ красотамъ Эллады, порывы къ солнцу, культъ тѣла и страсти—все это не болѣе, какъ безпокойство плѣнниковъ, взволнованныхъ свободнымъ крикомъ свободныхъ птицъ. Порывы, приведшіе только къ тому, что плѣнники окончательно отчаялись въ своихъ силахъ.

Сологубъ едва ли не первый почувствовалъ, что лучше всего умереть, заснуть, заставить себя полюбить смерть. Въ самыхъ раннихъ его разсказахъ поются гимны смерти, а подъ конецъ прямо уже отъ покойниковъ житья нѣтъ. Сологубъ всегда

У гроба веселъ
И мраченъ на пиру.

Даже дѣти и тѣ у него мечтаютъ о смерти. Его «Навьи чары» полны загробныхъ рѣчей.

Смерть, смерть и смерть... Трупнымъ запахомъ вѣетъ отъ всѣхъ произведеній этого времени.

Вересаевъ, выступившій какъ разъ въ эти дни, наиболѣе ярко сумѣлъ понять ужасъ всего того, что переживало русское общество въ это болотное время,

когда, какъ однажды выразился Успенскій, у насъ шла не жизнь, а такъ, гнилье грибное... Какъ-никакъ, а даже дерзкій Бальмонтъ, все время твердившій «будемъ, какъ солнце», кончилъ самой покорной проповѣдью непротивленія, своей знаменитой «Сѣрой птичкой».

О, сѣрая птичка, съ глазами печальными, черными,
И съ грудкою алою, точно въ крови,
Не бейся о клѣтку, съ углами ея, съ прутьями желѣзными, узорными,
Въ клѣткѣ живи.
Ты бьешся, ты бьешся! Ужели еще ты не знаешь всемірной законности?
Кто сѣть разставляетъ, тотъ въ клѣткѣ умѣетъ держать.
О, сѣрая птичка, подчинись непреклонности,
Научись—даже въ клѣткѣ звенѣть и дышать.

Вересаевъ далъ цѣлую портретную галлерею героевъ, томящихся безъ дороги, безъ знамени, готовыхъ завидовать всякой вѣрѣ, только настоящей искренней вѣрѣ, будь то хотя бы вѣра простой богомолки, ходившей въ Іерусалимъ на поклоненіе. Съ болью въ душѣ Вересаевъ констатируетъ присутствіе чего то страшнаго, «невидимаго», что все мертвитъ, передъ которымъ обсыхаютъ крылья.

На этомъ «невидимомъ» Вересаевъ останавливается не разъ, по самымъ разнообразнымъ поводамъ, подмѣчаетъ его въ самой различной обстановкѣ, и впечатлѣніе, которое выноситъ читатель отъ этихъ фактовъ, довольно таки жуткое. Въ «Запискахъ врача» онъ приходитъ въ ужасъ передъ мыслью, до чего чело-

вѣкъ не защищенъ отъ случайностей, до какой степени ему неизвѣстны причины всего около него происходящаго. Разсказъ «Въ одномъ домѣ» рисуетъ простую, но ужасную жизненную драму. Здѣсь страдаетъ всю жизнь и затѣмъ вымираетъ безъ остатка цѣлая крестьянская семья только потому, что единственная надежда этой семьи, молодая, симпатичная и хорошая дѣвушка, «испорчена». Она сама покорно клонитъ голову передъ испортившей ее какой то злой невѣдомой силой, старики-родители считаютъ ее порченой, отъ нея отворачиваются женихи, и она умираетъ обездоленной, уступая волнующимся около нея смутнымъ, загадочнымъ силамъ, цѣпко опутавшимъ всю жизнь безпомощнаго человѣка. А за ней, уступая тому же «огромному, темному духу», такой же разбитый, сходитъ въ могилу и ея осиротѣвшій старикъ отецъ. «Конецъ Андрея Ивановича», погибшаго въ жизненной борьбѣ и особенно продолженіе этого разсказа—«На честной дорогѣ»—являются развитіемъ той же идеи. Передъ нами проходитъ цѣлая галлерея тружениковъ и труженицъ переплетнаго цеха. Всѣ они выходятъ на дорогу съ цѣлью добыть кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ, съ рѣдкой энергіей борются они за то, чтобы не сойти съ этого пути, и, тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, сначала становятся снисходительными ко всякаго рода компромиссамъ, а затѣмъ мало по малу теряютъ взятое сразу направленіе и идутъ туда, куда толкаетъ ихъ слѣпая необходимость, то же «невидимое», слагающееся изъ множества самыхъ разнообразныхъ элементовъ.

Герои повѣсти «На поворотѣ» особенно часто останавливаются на этомъ ужасномъ «невидимомъ». Энергичная и дѣятельная фельдшерица Варя, незадолго до своей трагической смерти, въ откровенной бесѣдѣ съ Токаревымъ съ ужасомъ созналась ему, что чувствуетъ приближеніе и побѣду этого «невидимаго». Чтобы не покориться ему, она нашла только одно средство — смерть, и, какъ мы знаемъ, не побоялась это средство осуществить. Токаревъ, пораженный тѣмъ же «невидимымъ», какъ бы поставилъ своею задачей предупредить подобную трагическую развязку, какъ для себя лично, такъ и для Сережи. Онъ подробно развиваетъ Сергѣю свою теорію невидимыхъ страшныхъ силъ. «Въ сущности,—говоритъ онъ,—я, конечно, не говорю серьезно о разныхъ тамъ мертвецахъ или привидѣніяхъ, не говорю и о мопассановскихъ невидимкахъ „Horla". Я только говорю о мопассановской „глубокой тайнѣ невидимаго"; вѣдь именно ее только Мопассанъ и символизируетъ въ образѣ „Horla". Согласитесь, что эта тайна, дѣйствительно, глубока и страшна. Мопассанъ говоритъ: „Все, что насъ окружаетъ, все, что мы заключаемъ, не глядя, все, что задѣваемъ, сами того не сознавая, трогаемъ, не ощупывая, — все это имѣетъ надъ нами, надъ нашими органами, а черезъ нихъ и надъ нашими мыслями, надъ самымъ нашимъ сердцемъ—быстрое, изумительное и необъяснимое дѣйствіе"... Развѣ это не страшно и развѣ это неправда,—все время спрашиватъ Токаревъ.—Человѣкъ былъ еще свободенъ, когда онъ эти силы олицетворялъ въ существахъ, стоя-

щихъ внѣ его,—съ ними, по крайней мѣрѣ, можно было бороться, противъ нихъ стояла свободная, самоопредѣляющаяся душа человѣка. А теперь всѣ эти существа переселились внутрь его, въ его мозгъ и сердце... И что теперь ждетъ человѣка. Вы помните этотъ страшный вопль Мопассана: „Царство человѣка кончилось“... Горе намъ... Горе людямъ... Пришелъ онъ... какъ его зовутъ... Мнѣ кажется, что онъ выкрикиваетъ свое имя, но я не слышу его... О, да, онъ явился... Всему конецъ... Онъ во мнѣ, онъ становится моею душою. Что дѣлать. Горе намъ...

Въ зародышахъ это въ сущности, никто иной, какъ знаменитый теперь „Нѣкто въ сѣромъ“, именуемый Онъ, Леонида Андреева.

* * *

Таковы были настроенія русскаго *интеллигентнаго* общества того времени. Казалось, что изъ болота не выбраться, что вѣкъ придется въ немъ сидѣть. Пролетарская работа, шедшая подъ поверхностью этого расцвѣченнаго интеллигенціей болота, не была видна. Прорывалась она въ видѣ огоньковъ и вспышекъ марксизма, но эти огоньки казались чѣмъ то случайнымъ, чѣмъ то теоретическимъ и книжнымъ.

Припомните какъ вдругъ выступилъ на сцену рабочій.

У А. В. Амфитеатрова, въ одномъ изъ его очерковъ, есть маленькая, но очень яркая бытовая картинка.

На одной изъ самыхъ людныхъ улицъ Ниццы, въ родѣ Promenade des Anglais, въ то время какъ тамъ

гуляла скучающая, праздная, разряженная публика, вдругъ изъ-подъ земли, поднявъ люкъ, вышелъ сильный, большой, весь въ землѣ, рабочій, который чинилъ водопроводъ. Амфитеатровъ былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ контрастомъ, но тутъ былъ только контрастъ внѣшній. Выступленіе рабочаго класса, сознательнаго рабочаго, у насъ на митингахъ было цѣлымъ открытіемъ для огромнаго большинства русскаго общества. И какъ это появленіе всѣхъ одушевило, какими надеждами окрылило! Почувствовался притокъ новыхъ силъ, почувствовалась новая, настоящая сила. У меня сохранились номера, уже пожелтѣвшіе листы начавшей выходить тогда „Новой Жизни"... Отъ этихъ листовъ уже не пахнетъ свѣжей краской, какъ въ тѣ дни, когда ее расхватывали прямо чуть ли не съ типографскаго станка, листы пожелтѣли, но вы пробѣгаете нѣсколько строкъ, и на васъ вдругъ пахнетъ свѣжестью, бодростью, силой, надеждами. Вотъ и сейчасъ передо мной гимнъ рабочему, написанный Бальмонтомъ:

Рабочій, только на тебя
Надежда всей Россіи,
Тяжелый молотъ палъ, дробя
Оплоты крѣпостные.
Тотъ молотъ—твой. Пою тебя,
Во имя всей Россіи.

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Всѣ безъ исключенія представители новыхъ настроеній — Бальмонтъ, Сологубъ, Брюсовъ, Мережковскій, Минскій, Бѣлый, Блокъ, Ивановъ—оказались пѣвцами во станѣ русской революціи. Утонченные эстеты изъ

„Міра Искусства“ создаютъ революціонно-сатирическій журналъ. Импрессіонистъ Сѣровъ, изъ окна академіи, набрасываетъ эскизъ движенія 9 января.

А. В. Амфитеатровъ группируетъ ихъ вокругъ себя въ своемъ яркомъ журналѣ „Красное Знамя“... Какъ пышно расцвѣлъ здѣсь Бальмонтъ, еще почти наканунѣ дававшій благоразумные совѣты „Птичкѣ сѣрой“!..

Я не буду останавливаться на этой яркой вывѣскѣ нашей общественной жизни. Всѣ мы еще живо помнимъ „эти дни“, не только помнимъ, но и сейчасъ переживаемъ ихъ результаты. Полной неожиданностью явились для всѣхъ, интеллигентовъ, сознательные рабочіе, новый, бодрый слой.

Но это были дни, только дни... Весна прошла такъ же быстро, какъ пришла... День оказался зимнимъ, короткимъ. Жизнь опустѣла. Ушли новыя, свѣжія силы. Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече. Опять сгустился мракъ, настала ночь, которая теперь, послѣ свѣта, кажется еще болѣе темной, чѣмъ до сихъ поръ. Настала ночь безпросвѣтная, а съ ней вернулись и прежніе страхи.

Леонидъ Андреевъ показалъ, что существуетъ „Нѣкто въ сѣромъ“, властный, жестокій. Онъ, нѣкто, который осилилъ даже такую бодрую силу, которая только что передъ этимъ такъ заразила всѣхъ яркими надеждами. Подняла наверхъ да и бросила. Не сбылись предсказанія Бальмонта, вдругъ увѣровавшаго, что побѣдитъ рабочій, и что послѣ этой побѣды „осуществятся всѣ мечты“. Пророческой оказалась зато небольшая, напечатанная въ „Новой Жизни“, сказочка

Чирикова „Объ орлѣ и курицѣ“. Сказочка незатѣйливая, примитивная, но пророческая. Ее вѣрно забыли, и я ее напомню.

Въ одной клѣткѣ сидѣли орелъ и курица. Орелъ смотрѣлъ черезъ прутья клѣтки въ ту сторону, гдѣ выглядывало голубое небо, а курица смотрѣла во дворъ, на проталины, на навозъ и лужи, смотрѣла туда, гдѣ копались въ навозѣ счастливыя кахетинки...

И обоимъ, и орлу и курицѣ, было тяжело и скучно...

— Давай, орелъ, сломаемъ клѣтку, — предложила курица.

— Давай, сломаемъ...

И они начали ломать клѣтку.

Орелъ острымъ клювомъ разгибалъ желѣзные прутья, и алая кровь сочилась у него изо рта, а курица кудахтала... Долго они такъ трудились сообща, и, наконецъ, лопнулъ одинъ изъ желѣзныхъ прутьевъ... Тогда курица выпрыгнула на дворъ и закричала о томъ, что она давно ужъ собирается снестись...

— Курица, помоги же мнѣ выбраться изъ клѣтки!

— Выходи!

— Но у меня на ногѣ еще желѣзное кольцо и цѣпь, приковывающая меня къ клѣткѣ...

— Я не могу... я слабая женщина... — сказала курица.

— Въ чемъ дѣло?—спросили ее подошедшія кахетинки, и когда узнали, то закричали:—Нельзя выпускать орла. Его клювъ обратится на насъ же.

Услыхалъ эти разговоры человѣкъ, подошелъ къ

клѣткѣ и сказалъ: „Эге... Скверное дѣло...“—И опять человѣкъ исправилъ сломанный прутъ, курицу онъ пустилъ гулять по двору, а орла, съ окровавленнымъ клювомъ, оставилъ въ клѣткѣ...

Жестокая сказочка, и даже непонятно, какъ ее могли напечатать въ то время вѣры, рядомъ съ вѣрующимъ стихотвореніемъ Бальмонта.

Но дѣло не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что она сбылась, въ полной мѣрѣ. Сказочка сбылась, и прорвавшаяся на время тина, не прогнанная, а именно прорвавшаяся, опять сомкнулась надъ головами и сомкнулась еще съ большей силой. Вернулись прежнія настроенія. Послѣднія настроенія. Съ той только разницей, что даже попытокъ ни на что бодрое не дѣлалось. Мы очутились въ мертвецкой, изъ которой потянуло трупнымъ запахомъ еще сильнѣе, чѣмъ до сихъ поръ. Всѣ бодрые элементы удалены изъ русскаго общества. Какъ-никакъ, а сейчасъ насчитываютъ до 200.000 эмигрантовъ за границей. Другіе опять попрятались въ свои футляры. Оставшіеся, даже молодежь, почувствовали себя безмѣрно одинокими. Когда до „этихъ дней“ плакались и лишали себя жизни герои Вересаева — это могло казаться явленіемъ частнымъ. Гегидзе въ своей книжкѣ съ ужасомъ говорилъ о своихъ настроеніяхъ. „Мои молодые, лучшіе годы единожды данной мнѣ въ вѣчности жизни,—жаловался онъ,—проходятъ совершенно даромъ. Мое будущее, къ которому я неуклонно иду и которымъ, я знаю, буду жить непремѣнно, давно уже осуждено моимъ сознаніемъ, и таково, что, думая о немъ, я прихожу въ ужасъ. Я трупъ и медленно раз-

лагаюсь. Но мнѣ больно это живое разложеніе. Я не хочу его. Я страстно желалъ бы прожить жизнь хорошо, ярко и свѣтло. Но какъ это сдѣлать?“

Гегидзе казался чѣмъ-то исключительнымъ... А теперь?.. Эти ужасныя цифры самоубійствъ. Такіе яркіе показатели отчаянія, какъ попытки организаціи кружковъ одинокихъ. Вѣдь только отчаяніе могло привести къ тѣмъ предложеніямъ, съ которыми весною 1908 года выступила теперь уже совершенно забытая „Фея Николаевна“, предлагавшая учредить клубъ одинокихъ и открывшая двери своей собственной квартиры передъ каждымъ, кто бы ни пожелалъ въ нее войти. Это были тѣ соломинки, которыя плавали по поверхности рѣки, и то, что за нихъ хватались, свидѣтельствуетъ о томъ, что были утопающіе.

„Пусть,—говорили они,—не вызоветъ насмѣшливой улыбки то, что мы, въ сущности, такая небольшая горсточка людей, взялись за огромную борьбу съ холодомъ жизни, въ которомъ замерзаетъ и гибнетъ такъ много хрупкаго, нѣжнаго и красиваго.

„Рѣшились мы на эту борьбу потому, что чувствуемъ въ себѣ много молодости и цѣлый непочатый родникъ огня, энергіи и вѣры.

„Насъ ужасаетъ кошмаръ современности съ постоянными трагедіями самоубійства, отчаянія и разврата и намъ кажется, что пока, только уничтожая страшный призракъ одиночества и сближая людей, можно повысить температуру жизни и усилить желаніе жить.

„Безмолвно томясь и страдая, бродятъ по свѣту

человѣческія души... Они не видятъ и не замѣчаютъ другъ друга: такъ раздѣляетъ ихъ пустая пелена тумана условностей и предразсудковъ. И кажутся другъ другу люди недостижимыми, далекими и чужими... Но вѣдь это обманъ. Страшный обманъ тумана, заволакивающаго жизнь. Стоитъ ему исчезнуть, какъ вслѣдъ за этимъ исчезнетъ это нелѣпое чудовищное разстояніе между людьми, и иные окажутся совсѣмъ близкими другъ къ другу... Люди прежде всего должны увидѣть и услышать другихъ; тогда многіе найдутъ, быть можетъ, то, безъ чего имъ такъ страшно жить"...

Страшно жить... Какая ужъ тутъ насмѣшка. Надъ умирающимъ не смѣются, а тутъ опять показалась смерть, страшная смерть.

Одинъ изъ героевъ Сергѣева-Ценскаго обмолвился предсказаніемъ, которое невольно вспоминается сейчасъ.

— Современемъ,—говоритъ онъ,—у людей разовьется чуткость къ смерти... Ее будутъ различать въ двадцати шагахъ... Безошибочно... Разовьется такое новое чувство... Надавятъ на него и увидятъ...

Предсказаніе это сбылось. Чуткость эта уже достигла своего апогея. Смерть стоитъ теперь въ глазахъ у всѣхъ... На каждомъ шагу... И въ жизни, и въ литературѣ.

Сергѣевъ-Ценскій пишетъ пьесу „Смерть". У Коммисаржевской идетъ пьеса „Г-жа Смерть". Андреевъ даетъ картину смерти „Семи повѣшенныхъ". Арцыбашевъ съ ужасомъ разсказываетъ страшную, мучительную, кошмарную сказку одного изъ прокуроровъ, которому пришлось присутствовать при смертной казни.

Цѣлый рядъ картинокъ, болѣе или менѣе яркихъ, но проникнутыхъ однимъ чувствомъ—чувствомъ смерти, находимъ у другихъ писателей. Даже у такихъ, у какихъ этого никакъ нельзя было бы ожидать.

Даже у Андрея Бѣлаго.

Его послѣдній сборникъ стихотвореній „Пепелъ" явленіе въ этомъ отношеніи высоко знаменательное и характерное.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на одной изъ художественныхъ выставокъ, помню, всѣхъ поразилъ какой-то художникъ, написавшій отвратительный, разлагающійся трупъ въ мертвецкой.

Это было не только противно и гадко, но совершенно непонятно.

— Что за странная фантазія?..—недоумѣвали кругомъ.—Неужели во всей прекрасной жизни, въ красивой природѣ не нашлось ничего, что вдохновило бы этого художника?

И удивлявшіеся, конечно, были правы. Это, безспорно, было уродство, извращенность художественнаго вкуса. Некрофильство какое-то. Такимъ же могли казаться и казались ранніе гимны смерти Федора Сологуба.

Но развѣ такое впечатлѣніе выносите вы изъ чтенія, напримѣръ, разсказовъ Гаршина?

Развѣ цѣлыя поля, усѣянныя трупами въ картинахъ Верещагина вызывали хоть у кого-нибудь подобные вопросы? Ни Гаршинъ, ни Верещагинъ, ни одной минуты никому не казались людьми извращенными, ненормальными некрофилами.

А почему?

Потому что,—да это само собой ясно и понятно,—потому что они давали картину дѣйствительнаго, пережитаго всѣми ужаса смерти, той смерти, которую не нужно было выискивать, а которая сама насъ искала, сама косила кругомъ.

Правда, то, что они описывали, была война, а теперь у насъ миръ въ ядовитой „тишинѣ", отъ которой идутъ испаренія не менѣе смертоносныя. Наша страна точно очутилась въ отравленномъ гротѣ, гдѣ смерть стала обычнымъ явленіемъ, гдѣ не только перестали бояться смерти, но протягиваютъ къ ней руки, какъ къ избавительницѣ. Вотъ почему художники, въ зеркалѣ которыхъ отразилась смерть, не производятъ теперь ни на кого впечатлѣнія неестественныхъ некрофиловъ.

Лѣтъ пять тому назадъ всѣ накинулись бы на нихъ съ негодованіемъ и потребовали бы ихъ удаленія изъ общаго вагона жизни.

Но теперь не то. Трупный запахъ, которымъ пахнетъ изъ-подъ могильнаго памятника, украшающаго обложку стихотвореній Андрея Бѣлаго, представляется всѣмъ чѣмъ-то совершенно естественнымъ.

Тѣ же росы, откосы, туманы,
Надъ бурьянами рдяный восходъ,
Холодѣющій шелестъ поляны,
Голодающій бѣдный народъ.
И въ раздольѣ, на волѣ—неволя;
И суровый свинцовый нашъ край
Намъ бросаетъ съ холоднаго поля—
Посылаетъ намъ крикъ: „Умирай,

Какъ и всѣ умираютъ"... Не дышишь,
Смертоносныхъ не слышишь угрозъ:
Безысходные возгласы слышишь
И рыданій, и жалобъ, и слезъ.
Тѣ же возгласы вѣтеръ доноситъ;
Тѣ же стаи несытыхъ смертей
Надъ откосами косами косятъ,
Надъ откосами косятъ людей.

* * *

И вотъ опять на сцену выступаетъ невѣдомая, темная, непреоборимая сила. И Леонидъ Андреевъ, и Вересаевъ начинаютъ говорить, что у каждаго человѣка есть какой-то особый, командующій ими хозяинъ, а эти всѣ хозяева, въ свою очередь, находятся въ полномъ подчиненіи у общаго невѣдомаго никому Властителя. Новый романъ Вересаева „Къ жизни" полонъ тяжелой борьбы съ этимъ Властителемъ.

„Властитель, державный и суровый царь силъ,—говоритъ герой романа Вересаева.—Сколько этихъ силъ — не перечесть, и не учесть. Я могу возмущаться, противиться, проклинать—все равно: мои мысли, мои исканія были бы совсѣмъ другія, если бы только мнѣ было сейчасъ не двадцать четыре года, а пятьдесятъ. Все было бы другимъ, если бы я былъ рабочимъ, если бы я былъ китайцемъ, если бы родители мои были родителями Иринарха. Даже если бы солнце у насъ свѣтило ярче и дольше, я бы, можетъ быть, искалъ и нашелъ другое... Покорно плетусь я, куда ведетъ меня

мой темный Хозяинъ-рабъ, и высшее, до чего можетъ подняться мой умъ,—это сознавать зависимость себя, свободнаго и безсильнаго".

Вся жизнь, дѣйствительность, представляется герою Вересаева огромнымъ кинематографомъ. Люди—маріонетки, рабы Невѣдомаго, тѣни прошлаго...

„Вотъ гдѣ—голо вскрытая сущность жизни,—говоритъ онъ, побывавъ въ кинематографѣ.—Люди смотрятъ и безпечно смѣются, а сзади мѣрно потрескиваетъ механизмъ. Придешь на завтра. Опять совсѣмъ такъ же, не мѣняя ни жеста, бросается въ окно господинъ передъ призракомъ убитой женщины, патеръ жадными глазами заглядываетъ въ вырѣзъ на груди испанки. И такъ же, совсѣмъ такъ же мчится ошалѣвшій автомобиль, опрокидывая бебе въ колясочкѣ, столы съ посудою и лотокъ съ гипсовыми фигурами.

„Потомъ выходишь на улицу. Бѣгутъ извозчичьи лошади. Гимназистъ съ криво сидящимъ ранцемъ покупаетъ у грека халву, похожую на замазку. Идетъ господинъ, блестя новымъ цилиндромъ. И кажется, всѣ они тоже чуть-чуть дергаются; всѣ чужды душѣ, мертвы и плоски. И невыразимо смѣшна ихъ серьезная самоувѣренность, ихъ невѣдѣніе о безвольномъ „своемъ участіи въ міровомъ синематографѣ"...

И становится страшно жить. Обидно чувствовать себя вѣчно игрушкой въ рукахъ какого-то сильнаго, скрытаго внѣ механизма, обидно вертѣться, не понимая смысла жизни, зачѣмъ жить, кому нужно это маріонеточное существованіе.

И вотъ опять мечта о смерти, смерти-избавительницѣ. У однихъ мечта, у другихъ мысль, у третьихъ страхъ. Кругомъ разливается какая-то жуть. Такъ страшно бываетъ заглянуть въ пустую комнату.

У Чехова есть прекрасный разсказъ изъ жизни животныхъ „Каштанка".

У клоуна, дрессировщика животныхъ, живутъ собака, кошка и гусь. Живутъ вмѣстѣ въ одной комнатѣ, другъ друга не понимаютъ. Гусь, наиболѣе словоохотливый, каждое утро что-то разсказываетъ на своемъ странномъ языкѣ, но остальные члены этой семьи глубоко къ нему равнодушны. Они его не понимаютъ. Вдругъ, въ одну изъ ночей, гусь умираетъ. Въ комнату вошла смерть. Всѣмъ остальнымъ стало жутко. Въ страхѣ они начали метаться изъ угла въ уголъ, выть, тщетно стараясь защититься отъ того невѣдомаго, страшнаго, что сейчасъ вдругъ ворвалось въ ихъ жизнь. Вошла смерть... Совершенно то же переживаетъ сейчасъ и всѣ послѣдніе годы культурное общество. Повѣяло дыханіемъ смерти. Встали старые кошмары. Подъ впечатлѣніемъ этого кошмара вновь вспыхнуло наше богоискательство. Если до сихъ поръ голоса богоискателей заглушались ржаніемъ кентавровъ, то теперь слышны только они.

Наши богоискатели почувствовали переломъ въ общественномъ настроеніи, почувствовали усталость еще недавно столь бодраго общества, и вотъ передъ нами пророки, которые зовутъ къ себѣ, какъ анабаптисты въ оперѣ Мейербера:

— Ad nos, ad nos, ad nos...

И обѣщаютъ, и сулятъ, и спорятъ, и дерутся на глазахъ тѣхъ, которые устремились къ нимъ за духовной поддержкой, за указаніями пути къ истинному Богу.

Вблизи святыхъ руинъ недавняго былого,
Спѣша устроили мы суетный базаръ,
Гдѣ смолкъ предсмертный стонъ, тамъ жизнь взыграла снова,
Гдѣ умиралъ герой, тамъ тѣшится фигляръ,
Гдѣ вопіялъ призывъ пророческаго слова,
Продажний клеветникъ свой расточаетъ жаръ.
Пѣвцы поютъ цвѣты, а ложные пророки
Насъ погружаютъ въ сонъ—увы—безъ нихъ глубокій...

Генералъ-провокаторъ.
(Съ фотогр.).

У геніевъ.

1.

То, что я сейчасъ разскажу, очень многимъ, навѣрно, покажется сказкой, выдумкой, а можетъ быть даже и больнымъ бредомъ.

На самомъ дѣлѣ, все это я видѣлъ своими собственными глазами, слышалъ своими ушами, и потому удостовѣряю, какъ нѣчто совершенно реальное.

Это было въ апрѣлѣ 1909 года.

Я давно уже слышалъ о томъ, что въ Петербургѣ кружокъ молодыхъ художниковъ объединился въ очень оригинальную и своеобразную секту, которой присвоилъ названіе „Ордена всемірнаго геніальнаго ребячества".

Я зналъ, что орденъ этотъ довольно часто собирается, что собранія эти называются „слетами геніевъ", даже зналъ ихъ profession de foi, знакомъ былъ съ отдѣльными членами, но видѣть ихъ вмѣстѣ, присутствовать на ихъ мессахъ мнѣ какъ-то не приходилось.

Удалось это сдѣлать только впослѣдствіи. Поздно вечеромъ отправился я на одну изъ далекихъ, пустынныхъ улицъ города, и не безъ труда нашелъ скром-

„Песъ-охранитель“ „свѣтлаго неба“. Въ углу фигурка „туземца“, глядящаго на „свѣтлое небо“ въ бинокль.

(Скульпт. Инн. Жукова).

ную „келію одного изъ геніевъ“, въ которой должно было совершиться „катакомбное служеніе“.

Катакомбы оказались, впрочемъ, въ четвертомъ

этажѣ, а не подъ землею, а келія выглядѣла самой обыкновенной, болѣе чѣмъ скромно обставленной комнатой.

Посерединѣ стоялъ столъ, на столѣ самоваръ, булки, колбаса, конфеты, словомъ—чисто студенческая сервировка скромнаго ужина.

Нѣсколько человѣкъ сразу приковывали вниманіе своими фантастически-монашескими костюмами. Это были черныя хламиды, въ родѣ подрясниковъ, съ той только разницей, что на груди, какъ у китайцевъ, были помѣщены рисунки. Вглядѣвшись въ одинъ изъ рисунковъ, я разсмотрѣлъ красиво, стильно сдѣланный корабль, плывущій по волнамъ бушующаго моря. Другой рисунокъ былъ менѣе опредѣлененъ. У одного изъ участниковъ на шеѣ была цѣпь съ замкомъ, у другого висѣли символическіе золотые щипцы.

Собралось народу немного. Повидимому кое-кто изъ „геніевъ" уѣхалъ изъ Петербурга. Насколько можно было догадаться, въ самомъ орденѣ произошли какія-то перемѣны, такъ какъ говорилось о разрушеніи постоянной скиніи геніевъ, а въ одномъ изъ полученныхъ мною листковъ, отлитографированныхъ розовыми чернилами, я прочелъ скорбное и не лишенное поэзіи красивое слово одному изъ отпавшихъ членовъ ордена.

Это была страничка изъ исторіи „Золотого корабля".

— Въ прошлую ночь (4 апрѣля),—говоритъ капитанъ „Золотого корабля",—мы перенесли жестокую бурю. Едва уцѣлѣлъ нашъ дорогой корабль... До самой зари бушевала буря, и вѣтеръ яростно рвалъ паруса.

Гнулись и трещали мачты, и бѣлыя птицы тревожно махали крыльями и носились и кружились во мракѣ ночи. Едва уцѣлѣлъ нашъ дорогой корабль, едва уцѣлѣлъ. Но насъ стало меньше на немъ!.. Бѣлокураго друга лишились мы, бѣлокураго друга похитило море. Такой кроткій и молчаливый онъ былъ у насъ, но въ эту ночь мы до зари слышали его тревожный голосъ... А потомъ не стало его... Онъ не могъ или не хотѣлъ держаться за снасти нашего корабля, и море унесло его въ свою бездну...

Такъ образно красиво описываетъ капитанъ „Золотого корабля“ пережитую орденомъ катастрофу, очевидно весьма тяжелую.

Но „корабль“ все же остался цѣлъ, и вотъ передо мной были его матросы: капитанъ „Золотого корабля“, „его небесная свѣтлость генералъ-провокаторъ“ съ клещами (таковъ его полный титулъ!) и другіе геніи.

Готовились къ „мессѣ“. Принесли столъ, который покрыли голубымъ атласомъ. Надъ столомъ водрузили большую символическую картину, изображавшую свѣтлое небо и пса, который охранялъ туда входъ. Затѣмъ на стѣнѣ повѣсили черный щитъ съ эмблемами ордена. На столѣ поставили символическую картинку, въ центрѣ которой помѣщалась лягушка.

— Что это обозначаетъ?—спросилъ я одного изъ геніевъ.

— А это,—пояснилъ онъ,—символъ борьбы съ наслѣдственностью. Видите, какъ лапы у лягушки переходятъ въ раковину, изъ которой она не можетъ выйти. Это должно напоминать геніямъ о необхо-

димости постоянной упорной борьбы съ наслѣдственностью.

Образъ сильный! Здѣсь же я получилъ и краткое изложеніе ихъ символа вѣры, изложеніе, сдѣланное для „туземцевъ“, каковыми они именуютъ всѣхъ непримкнувшихъ къ ордену. Вотъ ихъ исповѣданіе вѣры:

Богъ есть Духъ.

Одежда его—Красота.

Молитва—творчество.

Храмъ—искусство.

Искусство искусствъ—обрядъ.

Молитва молитвъ—служеніе.

Наша родина—Свѣтлое Небо.

Лучезарная жизнь въ Красотѣ.

„...Богъ,—поясняютъ они,—это то, что живетъ въ насъ, это мы сами, это то, что творитъ черезъ насъ въ стихійномъ порывѣ, въ геніальномъ творчествѣ и то, что сотворитъ когда-нибудь изъ насъ—сверхживотное, сверхчеловѣка и богочеловѣка.

„Это божественное свойство души нашей мы называемъ геніальностью. Она присуща всѣмъ людямъ и въ геніальности люди—равны.

„Но спитъ она въ груди большинства людей, не знаютъ они о ней, лишь немногіе только догадываются и широко раскрываютъ глаза, когда вдругъ увидятъ, какъ паралитики начинаютъ ходить, косноязычные произносить пламенныя рѣчи точно въ христіанской легендѣ, когда на апостоловъ сошелъ Духъ Св., и они заговорили на всѣхъ языкахъ.

„Духъ Св. это вѣра въ свою геніальность, въ свое

мессіанство, и когда этой вѣрой наполнится даже самый ничтожный изъ ничтожныхъ людей—онъ будетъ творить чудеса, а его творчество будетъ устремленіемъ къ Свѣтлому Небу, а Свѣтлое Небо это лучезарная жизнь въ красотѣ.

„Поклоняйтесь Богу въ Духѣ и Истинѣ, учатъ христіанскіе раціоналисты, мы же говоримъ: поклоняйтесь Богу въ Духѣ и Красотѣ, ибо въ красотѣ лишь полнота истины, въ красотѣ не только внутренней, но и внѣшней, объективной, обрядовой въ искусствѣ, въ творчествѣ.

„Пусть ваше молитвенное обращеніе къ Богу проявляется въ творчествѣ, личномъ индивидуальномъ и въ коллективномъ творчествѣ служенія Свѣтлому Небу въ формѣ обряда.

„Обрядъ есть синтезъ искусствъ. Обрядъ — это умершая уже Готика съ ея величественными соборами, устремленными вверхъ, наполненными величавыми звуками органа, картинами великихъ мастеровъ и статуями“.

Обряду геніи придаютъ главное значеніе. По ихъ мнѣнію, внѣ обряда нѣтъ жизни и не должно быть. Безсознательно „туземцы“ тоже облекли свою жизнь въ обрядъ, но только обрядъ некрасивый. Геніи должны творить красоту.

2.

Я присутствовалъ при ихъ обрядовомъ служеніи. Не могу сказать, чтобы въ этомъ обрядѣ былъ замѣтенъ большой полетъ фантазіи или геніальнаго творчества.

Сама по себѣ месса и облаченія удивительно напоминали православный и католическій культъ. Даже въ деталяхъ. Ихъ верховный жрецъ, именуемый генералъ-провокаторомъ, даже лицомъ напоминаетъ собой католическаго патера, въ чемъ легко убѣдиться по прилагаемому портрету. Мотивы пѣснопѣній, сопровождаемыхъ аккомпанементомъ віолончели, красиваго стариннаго образца, какія знавалъ еще Ботичелли, тоже церковные.

Месса состоитъ въ чтеніи, пѣніи и игрѣ на инструментахъ. Ритуалъ строго опредѣленъ и, повидимому, исключаетъ возможность экстатическихъ импровизацій. У генералъ-провокатора есть 13 молитвъ, которыя онъ и произноситъ, самъ наигрывая однообразную журчащую мелодію на скрипкѣ.

— Свѣтлое Небо, пославшее меня,—читаетъ генералъ-провокаторъ,—быть апостоломъ твоимъ и провокаторомъ ростковъ твоихъ.

При мнѣ происходилъ обрядъ посвященія новаго генія, который приведу цѣликомъ, такъ какъ въ немъ вполнѣ опредѣленно сконцентрировано, какъ въ катехизисѣ, все ученіе ордена.

1. Генералъ-провокаторъ говоритъ имъ формулы ордена: Богъ нашъ—Геній въ Свѣтломъ Небѣ; сіяніе ризы Его—Красота; молитва—творчество; храмъ—искусство; искусство искусствъ—обрядъ, сама истинная жизнь; молитва молитвъ—Соборное Служеніе; наша родина — Свѣтлое Небо; лучезарная жизнь въ Красотѣ.—Жизнь есть Золотой Корабль. Это вѣчный путь къ Свѣтлому Небу. Это Соборное творчество обряда, публичное покаяніе, въ которомъ отпадаетъ наслѣдственность и на вершинахъ котораго рождается неувядающій цвѣтокъ души для Свѣтлаго

Неба. Въ этомъ Третій Завѣтъ вашъ во мнѣ и весь законъ и пророки".

2. Надѣвая духовный санъ, отрекаетесь ли отъ всего туземнаго: а) отъ всеядности интеллигентской; б) отъ галантерейности; в) отъ хвостоверченія и верхоглядства; г) отъ честолюбія; д) отъ сребролюбія; е) отъ кокетства; ж) отъ пристрастнаго отношенія къ женскому полу; з) отъ авторитетовъ свѣтскихъ и вождей свѣтскихъ-туземныхъ, ради меня и себя; и) отъ критики на Золотомъ Кораблѣ; к) и отъ всея суеты туземной культуры, медицинской, полицейской, адвокатской, присяжной-повѣренной, юрисконсультской, салонной, выставочной и концертной, а въ особенности, принимая обрядъ Ордена нашего, отрекаетесь ли отъ суетныхъ обрядовъ свѣтскихъ?"

На всѣ эти вопросы геніи отвѣчаютъ: „Отрекаемся навсегда".

3. Генералъ-провокаторъ говоритъ: „Въ подтвержденіе сего принесите въ сокровищницу ордена нашего свой даръ". Геніи сбрасываютъ съ себя обрядовые накрахмаленные знаки туземцевъ съ шей и рукъ и отдаютъ ихъ генер.-провокатору для сожженія.

4. „Будете ли уважать особенно передъ всѣми другими людьми своихъ братьевъ на Золотомъ Кораблѣ, молиться вмѣстѣ съ ними, не спорить и помогать имъ всѣмъ, чѣмъ можете только, въ случаѣ ихъ желанія?"

Геніи отвѣчаютъ: „Аминь".

5. „Считаете ли ихъ братьями своими по духу и плоти неразрывно? Поклянитесь въ томъ".

Геніи отвѣчаютъ: „Клянемся предками".

6. „Поклянитесь, что никогда не устыдитесь именовать себя во всеуслышаніе геніями въ борьбѣ съ наслѣдственностью".

Геніи отвѣчаютъ: „Клянемся, что такъ".

7. „Обѣщаете ли не оставлять души туземцевъ въ покоѣ и всегда будоражить ихъ?"

Геніи отвѣчаютъ: „Клянемся".

8. „Признаете ли власть мою какъ вождя, первосвященника и торжествующаго генія?"

Геніи отвѣчаютъ: „Клянемся, ибо принимаемъ Золотой Корабль".

9. „Обѣщаете ли никогда ничего не таить отъ меня и о колебаніяхъ вашихъ тотчасъ же говорить мнѣ?“

Геніи отвѣчаютъ: „Клянемся Свѣтлымъ Небомъ“.

10. Послѣ этого генералъ-пров. читаетъ формулу отреченія:

„Отрекаюсь всѣмъ сердцемъ, чтобы отречься и всѣмъ существомъ своимъ отъ наслѣдственности своей и мнимой воли своей, для свободы вѣчной, для непогрѣшимости неувядающаго цвѣтка“.

Геніи отвѣчаютъ:

„Аминь. Душа моя безжизненная отходитъ и геній мой обнажается. Се стою предъ Тобою, Свѣтлое Небо, аки агнецъ непорочный, чтобы исполнить волю Твою“.

11. Послѣ отреченія генер.-пров. надѣваетъ на геніевъ ключъ—символъ обладанія правдой—и черную капитель—символъ всемогущества геніальнаго. Потомъ говоритъ, обращаясь къ каждому генію въ отдѣльности, зажигая надъ нимъ вѣнецъ геніальности и одѣвая его ему на голову:

„Сажаемъ вѣнокъ сей на почву геніальную, пусть не заглохнетъ онъ, а расцвѣтетъ въ сіяніи торжествующей неувядающей геніальности. Ты—геній! Аминь!“

12. Подойдя къ престолу, трижды, при троекратномъ звонкѣ, возноситъ „живую воду“, причащается ею и причащаетъ вновь посвященныхъ.

13. Послѣ чего благословляетъ и лобзаетъ ихъ.

Все это было выполнено съ полнымъ мистическимъ благоговѣніемъ участниковъ, и новый геній вошелъ полноправнымъ членомъ на Золотой Корабль.

Много во всемъ этомъ обрядѣ дѣтскаго. Но, повидимому, дѣтство и составляетъ одну изъ главныхъ основъ этого оригинальнаго ордена аргонавтовъ.

„... Мы,—говорятъ они,—въ морѣ, цѣлый океанъ между нами и землей. Океанъ внизу и вверху, а впереди безграничная даль...

— Куда вы плывете?—кричатъ намъ радостными голосами бѣлыя чайки.

— Куда вы плывете? скажите... — вторятъ имъ волны, разбиваясь о носъ корабля. — Въ страну безпечальныхъ дѣтей,—кричимъ мы въ отвѣтъ...— Въ страну безпечальныхъ дѣтей... Мы сами хотимъ быть дѣтьми. На землѣ мы слишкомъ рано состарились. Взрослыми, тяжелыми и серьезными стали"...

3.

Не буду входить въ детали ордена, ставящаго своей задачей претвореніе всего въ красоту, вѣчное безконечное творчество.

Я не знаю, сколько орденъ насчитываетъ въ своей средѣ членовъ, сколько въ немъ геніевъ, но какъ бы онъ малъ ни былъ, я считаю его фактомъ симптоматическимъ и весьма характернымъ для нашего времени.

Развѣ вы не чувствуете, въ какомъ родствѣ они находятся съ мечтами Вячеслава Иванова о фимелахъ?

Развѣ это не „литургія красотѣ"? Развѣ это не то же самое стремленіе къ миѳотворчеству, къ которому звалъ до самаго послѣдняго времени Вячеславъ Ивановъ и другіе?

Наконецъ, развѣ вы не чувствуете прямого родства нашихъ художниковъ съ Метерлинкомъ?

Всю жизнь они хотятъ превратить въ живую красоту, въ творимую легенду. Наши геніи, какъ Тильтиль и Митиль, вѣрятъ, что у каждаго изъ нихъ,

да не только у нихъ, а у каждаго, есть такой алмазъ, который стоитъ только повернуть, и все станетъ прекраснымъ, все оживетъ.

— Дадимъ просторъ Богу нашему, Духу въ душахъ нашихъ,—вѣрятъ геніи,—и онѣ расширятся, какъ расширились души камней и стали землями, какъ расширились души земель и стали травами, какъ расширились души травъ и стали кравами (?), какъ расширились души кравъ и стали гориллами, какъ расширились души гориллъ и стали бушменами, какъ расширились души бушменовъ и стали человѣками! Раздастся душа наша, разрушитъ тѣло и создастъ новое!

Развѣ это не Тильтиль и Митиль говорятъ?

Я вовсе не хочу этимъ сказать, что орденъ геніальнаго ребячества есть нѣчто подражательное, нѣчто заимствованное. Правда, подобнаго рода культовъ и „petites religions“ въ Парижѣ сколько угодно. Жюль Буа посвятилъ имъ особую книжку „Les petites religions de Paris“, но это, конечно, ничего не доказываетъ. Этотъ орденъ одно изъ прямыхъ порожденій нашего безвременья.

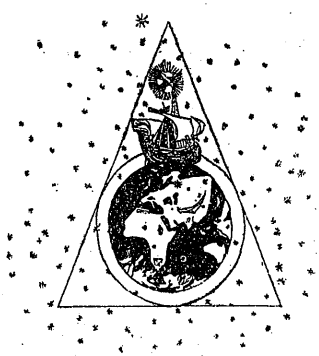
Гр. Петровъ, въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, рисуетъ сценку, которую онъ видѣлъ чуть ли не въ Петербургѣ, проходя по набережной одного изъ нашихъ окраинныхъ каналовъ.

Стоялъ туманъ. Моросило. Бурлаки, хлюпая по землѣ зябнущими ногами, тянули бечеву и пѣли:

Ты взойди, взойди
Солнце красное
И пригрѣй ты насъ
Людей бѣдныхъ.

Вотъ эту же пѣсню, эту мечту о солнцѣ уловилъ я въ устремленіяхъ нашихъ геніевъ Золотого Корабля.

У бурлаковъ—барка, у геніевъ—Золотой Корабль. И тѣмъ, и другимъ одинаково хочется солнца.



Символическое изображеніе Золотого Корабля.

Вольный синодъ.

1.

Смирнова передаетъ въ своемъ дневникѣ сценку.

Ал. Тургеневъ, только что вернувшійся изъ Парижа, въ ея салонѣ заявилъ:

— Я искалъ Бога вездѣ..! Искалъ его въ пустыняхъ, въ горахъ, на краю пропастей...

Пушкинъ отъ души расхохотался и сказалъ:

— Не вѣрьте ему; ничего онъ не искалъ и ничего не нашелъ. Онъ прочелъ сегодня страницу Шатобріана и позавтракалъ съ Бонштетеномъ, который живетъ въ Швейцаріи.

Буквально то же самое сказалъ бы Пушкинъ и нашему богоискателю Мережковскому, и почти то же сказалъ ему уже Плехановъ.

Плехановъ, долго прислушивавшійся къ бурнымъ богоискательскимъ рѣчамъ Мережковскаго, Минскаго и другихъ, выступилъ, наконецъ, съ рядомъ статей въ „Современномъ Мірѣ", въ которыхъ ставитъ своей задачей разоблаченіе истиннаго значенія не только проповѣди этихъ новыхъ пророковъ, но и самихъ пророковъ.

И вотъ его выводъ:

— Люди, принадлежащіе къ этой средѣ, ищутъ пути на небо по той простой причинѣ, что они сбились съ дороги на землѣ.

Выводъ совершенно правильный. Въ сущности, къ самому богоискательству можно было бы относиться глубоко равнодушно, если бы эти караси-идеалисты, караси-искатели истины не заняли, въ наше безвременье, центральнаго мѣста въ нашей общественной литературѣ.

„Миѳотворчество“ считается у насъ литературой, а богоискательство, въ противоположность ему,—дѣломъ, при томъ очень важнымъ.

Между тѣмъ, разница между ними не такъ ужъ велика, если вообще существуетъ.

Наши декаденты-„миѳотворцы“, съ Вяч. Ивановымъ во главѣ, провозгласили нѣчто въ родѣ знаменитаго вольтеровскаго—„если Бога нѣтъ—его надо выдумать“.

— Вы,—зазывалъ одинъ изъ пропагандистовъ этого теченія (проф. Аничковъ),—знаете, напримѣръ, извѣстный миѳъ о золотомъ вѣкѣ. Вы знаете, какъ онъ переходилъ отъ одного поколѣнія къ другому, знаете, какъ его осуществили наши сектанты, рѣшившіе искать праведной земли и отправившіеся на ея поиски. Миѳъ—это нѣчто такое, что насъ толкаетъ, это сюжетъ, который переходитъ въ дѣйство и даже въ дѣйствіе. Задача новыхъ поэтовъ—въ творчествѣ подобныхъ миѳовъ, дѣйствительныхъ миѳовъ, ведущихъ за собой.

Вяч. Ивановъ въ сущности говорилъ то же самое

и очень просилъ всѣхъ понять возможно глубже то, что онъ говоритъ.

— Ошибутся очень тѣ,—говорилъ онъ, — которые поймутъ меня въ томъ смыслѣ, что мы зовемъ къ археологіи, что мы хотимъ возсоздать старые миѳы... Совершеннно не то. Нуженъ миѳъ—живой миѳъ—правда жизни, миѳъ, который бы насъ захватывалъ.

Какъ просто, не правда ли?! Потребовался миѳъ, потребовался Богъ, и этимъ предлагалось заняться.

Но, конечно, Вяч. Ивановъ искалъ рукавицы, которыя у него были за поясомъ. Зачѣмъ было искать, высказывать, когда у насъ были, есть и будутъ богоискатели въ лицѣ Мережковскаго, Философова и Гиппіусъ, въ лицѣ цѣлаго религіозно-философскаго общества съ готовымъ уже, давно найденнымъ, Богомъ.

И какъ только понадобился Богъ, такъ эти богоискатели не заставили себя долго ждать и явились его показывать, объяснять, прививать. Я съ большимъ уваженіемъ отношусь къ литературной дѣятельности этихъ нашихъ богоискателей. Мережковскій далъ рядъ замѣчательныхъ историческихъ хроникъ-романовъ, у него большая начитанность, и то, что онъ сдѣлалъ для русской литературы, даетъ ему право на почетное мѣсто среди нашихъ писателей. Д. Философовъ—образованный, вдумчивый критикъ. Зин. Гиппіусъ—тонкій, правдивый поэтъ, не лишенный подчасъ геніальныхъ прозрѣній... Но зачѣмъ они начали искать Бога?

Знаете, кого напоминаютъ мнѣ они, когда вступаютъ въ эту область? Святѣйшій правительствующій синодъ... Да. Такъ и кажется, что у насъ суще-

ствуетъ не только вольный университетъ, но еще и вольный синодъ съ оберъ-прокуроромъ Мережковскимъ во главѣ.

Роднитъ оба синода та же схоластичность, та же книжность, та же далекость отъ духовныхъ порывовъ. И когда я вижу Мережковскаго, идущаго впереди богоискателей, я всегда невольно вспоминаю его первыя стихотворенія, въ которыхъ онъ прямо говорилъ о своемъ полномъ безсиліи, звалъ новыхъ настоящихъ пророковъ и обѣщалъ упасть этимъ пророкамъ въ ноги.

„Ave Caesar, — говорилъ тогда Мережковскій,— morituri te salutant“...

Развѣ Магометъ когда-нибудь испытывалъ подобныя настроенія? Развѣ Жанна д'Аркъ могла бы вести за собой массы, если бы знамя робко, неувѣренно дрожало въ ея рукѣ? Развѣ наши сектантскіе пророки могли бы зажигать людей, если бы они не горѣли сами? Если бы у нихъ были сомнѣнія, если бы они выступали впередъ только потому, что въ данный моментъ не нашлось другихъ, настоящихъ, одушевленныхъ вѣрой?!.. Конечно, нѣтъ.

На это могутъ возразить мнѣ, что стихотворенія, о которыхъ я говорю, относятся къ ранней порѣ дѣятельности Мережковскаго.

Это его первые шаги, это его исканіе. А съ тѣхъ поръ онъ ушелъ впередъ, окрѣпъ. Такія превращенія, конечно, возможны. Но, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ ихъ не произошло.

Характернымъ показателемъ въ этомъ отношеніи является драма „Маковъ цвѣтъ“, настроенія которой удо-

стовѣрили, какъ подлинныя, Мережковскій, Гиппіусъ и Философовъ. Усталостью, неувѣренностью вѣетъ отъ всѣхъ героевъ этой драмы нашихъ богоискателей.

— Щепкой себя выброшенной чувствуешь,—говоритъ одинъ изъ ихъ героевъ, эмигрантъ, редакторъ Когенъ,—выбросили и забыли...

Такіе далекіе, враждебные, у себя на родинѣ, тутъ, отцы и дѣти, въ Парижѣ, сходятся, находятъ общія точки и симпатіи.

— У каждаго народа своя плоть,—говоритъ старикъ-профессоръ.—Не могу себѣ представить античной Греціи безъ синяго моря, безъ желтыхъ горъ, безъ Елевзинскихъ мистерій, безъ маслинъ сѣрыхъ, да мрамора.

И его дочь это не только понимаетъ, но горячо апплодируетъ отцу.

— Вѣрно,—говоритъ она,—вѣрно, папочка. У каждаго народа и душа своя, и плоть своя. Нельзя ихъ убивать. Я не знаю, что съ Россіей будетъ, а только одно мнѣ ясно: кто не любитъ русскій перелѣсокъ, да василекъ и макъ во ржи, да поселокъ съ колеями, да зеленую церковную луковку, тотъ не знаетъ и не любитъ Россію. Если василька синяго не надо, да маковыхъ огоньковъ, если все равно, что они, что апельсинное дерево,—тогда и ничего не надо. Тогда ужъ лучше сразу отдать все, все. Не нужна мнѣ Россія безъ василька...

Васильки, васильки... Сколько ихъ въ Нарымскомъ краѣ?!.. Ихъ нѣтъ въ Парижѣ, ибо тамъ они красные, но въ Нарымскомъ краѣ безъ конца. И луковокъ цер-

ковныхъ тоже. Въ любой тюрьмѣ есть такія луковки...

Если вначалѣ вы видите еще передъ собой людей, страдающихъ тоской по родинѣ, людей, отъ которыхъ вѣетъ романтической усталостью, то подъ конецъ, на вашихъ же глазахъ, эти люди, на почвѣ оторванности отъ родины, доходятъ до полнаго отчаянія, выбиваются изъ колеи до такой степени, что становятся уже не похожими на людей.

Одна изъ наиболѣе живыхъ героинь драмы, Соня, молодая дѣвушка, раньше звавшая всѣхъ къ энергичной работѣ, теперь зоветъ къ смерти, къ уничтоженію себя.

— Передъ виноватыми, Боря,—говоритъ она,—черная стѣна встаетъ и закрываетъ будущее, все: и дѣло, и бездѣлье—всю жизнь. Такъ что двинуться впередъ уже некуда. Некуда,—а надо. Надо,—а некуда.

— Соня, ты бредишь, — пробуетъ возражать ей Борисъ.

— Нѣтъ, другъ мой. Я слишкомъ спокойна. Ты думаешь, я хочу умирать? Не хочу. Да какъ же быть то, милый, если некуда. Я и не хочу, а умирается. А ты развѣ хочешь? А вотъ и тебѣ умирается. Намъ нужно или убивать, или быть убитыми, или... Чѣмъ же намъ жить? Другіе придутъ, они будутъ жить. Боря, ну, развѣ ты не видишь, ну, развѣ ты не видишь?.. Вѣдь все равно, вѣдь не сегодня—такъ завтра, вѣдь не вмѣстѣ—такъ порознь... Боря?..

И оба—молодые, энергичные, хорошіе—кончаютъ счеты съ жизнью, кончаютъ радостно.

Вотъ съ какимъ настроеніемъ вышелъ Мережковскій изъ „этихъ дней“, и сталъ звать насъ къ Богу... Сталъ звать не потому, что увидѣлъ, ощутилъ, живо почувствовалъ Бога, а потому, что такъ было надо.

— Жить вы не можете,—какъ бы говорилъ онъ,— умирать не хотите. Значитъ, вамъ нужно повѣрить въ Бога. Другого выхода нѣтъ,—совершенно откровенно и спокойно предложилъ мистикъ.

Какъ видно, перемѣнъ въ немъ никакихъ не произошло, да и не могло произойти. Ибо, если нѣтъ у человѣка глубокой вѣры и темперамента, то откуда же ихъ взять. Пророки не дѣлаются, а родятся, и это еще болѣе справедливо, нежели чѣмъ по отношенію къ поэтамъ... Всякій пророкъ, у котораго нѣтъ для этого данныхъ, не только безполезенъ, но даже вреденъ. И середина—вреднѣе всего. Пророкъ, явно бездарный, не опасенъ совершенно. Его очень быстро раскусятъ и перестанутъ слушать. Такихъ забракованныхъ множество. Но человѣкъ талантливый, умный втягиваетъ и подчасъ способенъ даже сбить съ прямого пути, который уставленъ вполнѣ ясными и правильными вѣхами. И когда-нибудь Мережковскій, самъ, оглянувшись на пройденный имъ путь, почувствуетъ, что онъ со своими богоискательскими устремленіями не разъ тормозилъ настоящее, живое дѣло, вставилъ не одну палку въ колесницу русской жизни.

Для этого ему достаточно будетъ когда-нибудь перечитать хотя бы протоколы религіозно-философскаго общества, въ которомъ онъ занималъ видное мѣсто

вначалѣ, а теперь по возобновленіи собраній прямо занялъ мѣсто первое.

2.

Д. Мережковскій, вернувшійся изъ за границы, выступилъ съ очереднымъ пророчествомъ, весьма оптимистичнымъ.

Поводомъ служилъ „Конь Блѣдный“ Ропшина, о которомъ у Мережковскаго свое „особое“ мнѣніе.

И здѣсь, въ этомъ произведеніи, порожденномъ усталостью, Мережковскій сумѣлъ найти бодрыя ноты или вѣрнѣе—ноту.

Его обрадовали святыя слова, съ которыми умираетъ одинъ изъ героевъ романа, Ваня:

— „Я вѣрю,—говоритъ Ваня:—вотъ идетъ дѣло крестьянское, христіанское, Христово. Во имя Бога, во имя любви... Маловѣры мы и слабы, какъ дѣти, и поэтому подымаемъ мечъ. Не отъ силы своей, а отъ страха и слабости. Подожди, завтра придутъ другіе, чистые. Мечъ не для нихъ, ибо будутъ сильны. Но раньше, чѣмъ придутъ,—мы погибнемъ. А внуки дѣтей будутъ Бога любить, въ Богѣ жить, Христу радоваться. Міръ имъ откроется вновь, и узрятъ въ немъ то, чего мы не видимъ“.

Мережковскій подхватываетъ это пророчество и развиваетъ его дальше.

— Пусть,—говоритъ онъ,—наши кости сгніютъ прежде, чѣмъ исполнится это пророчество. Уже и теперь могутъ указать на него въ отвѣтъ на обычную провокацію: „гдѣ ваши дѣла?“ — люди, вѣрящіе въ

религіозную правду освобожденія: это сказано—сдѣлано, ибо, кто сказалъ, тотъ и сдѣлалъ.

Повторимъ же вмѣстѣ съ Ваней: „Будетъ удача! Услышитъ Господь моленія наши". Не знаемъ, когда, гдѣ и какъ, но знаемъ: будетъ...

Терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе, проповѣдуетъ Мережковскій. А тамъ, наступитъ моментъ, когда придетъ новое, свѣтлое, грядущее царство, и наступитъ всеобщее благополучіе.

По Мережковскому, достичь такого царства вовсе не такъ ужъ трудно. Нужно только повѣрить, принять его, Мережковскаго, вѣру, и все образуется.

— Повѣрьте,—говоритъ Мережковскій такимъ же тономъ, какъ Кузьма Прутковъ говорилъ свое: „если хочешь быть счастливымъ—будь имъ".

Когда я слушаю проповѣди Мережковскаго, мнѣ все представляется старикъ Карамазовъ, разсказывающій о томъ, какъ обращенъ былъ въ вѣру знаменитый Дидеротъ. Явился онъ, этотъ вольнодумецъ, къ митрополиту Платону. Входитъ и прямо сразу: „Нѣтъ Бога". На что великій святитель поднимаетъ палецъ и отвѣчаетъ: „Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога". Тотъ какъ былъ, такъ и въ ноги: „Вѣрую,—кричитъ,—и крещеніе принимаю". Такъ его и окрестили тутъ же. Княгиня Дашкова была воспреемницей, а Потемкинъ крестнымъ отцомъ".

Просто и хорошо. И Мережковскій, въ сущности, хотя и безсознательно, но, повидимому, допускаетъ полную возможность подобнаго рода чудесныхъ превращеній.

„Миръ церкви съ интеллигенціей,—заявилъ онъ въ одномъ изъ первыхъ собраній религіозно-философскаго общества, невозможенъ до тѣхъ поръ, пока интеллигенція не признаетъ богочеловѣчества Христа... Аще кто не признаетъ Христа, пришедшаго во плоти, есть антихристъ“...

Падайте на колѣни, принимайте и вѣруйте!

— Я утверждаю,—говорилъ онъ въ другой разъ,—что достигать Бога черезъ нравственный процессъ—значитъ въ корнѣ отрицать христіанство. Наоборотъ, нравственное можно достигать только черезъ Бога... Надо начинать религію съ Бога, а не съ добра.

Мережковскій мечтаетъ о новой истинной церкви, не временной, помѣстной, а вѣчной, вселенской церкви грядущаго Господа, церкви св. Софіи, премудрости Божіей, церкви Троицы нераздѣльной и несліянной—царства не только Отца и Сына, а Отца, Сына и Духа Свята.

И до какой степени безпомощно аргументируетъ Мережковскій всѣ предлагаемыя имъ возможности, прямо удивительно.

— „Я всегда съ вами“,—приводитъ Мережковскій слова Христа.—Если Христосъ всегда съ нами, то можемъ ли мы предрѣшить, что Онъ не скажетъ намъ какой-то тайны объ Отцѣ?

Не говорю уже о томъ, что Христосъ самъ сказалъ, и тому же Мережковскому небезызвѣстно, что Христосъ всегда тамъ только, гдѣ двое или трое собрались во имя Его. А гдѣ этого нѣтъ? А если собрались люди, отвергающіе Христа? Наконецъ, нельзя предрѣшать,

что Христосъ не скажетъ намъ тайны, но отсюда еще слишкомъ далеко до увѣренности въ томъ, что Онъ намъ ее скажетъ.

Впрочемъ, у Мережковскаго припасено на этотъ предметъ и болѣе дѣйствительное средство. Не полагаясь на то, что тайна будетъ раскрыта такъ сказать добровольно, Мережковскій предлагаетъ ее вынудить... молитвой, соборной молитвой. „Пока,—заявилъ онъ,—мы будемъ говорить объ отвлеченностяхъ, будемъ стоять внѣ практическихъ темъ,—ни до чего не договоримся. Необходимъ церковный соборъ, т. е. взаимодѣйствіе духовенства, мірянъ, народа, чтобы обратиться дѣйствительно съ молитвой, т. е. непосредственно къ Богу и испрашивать у него силы. Пока мы будемъ только религіозно-философскимъ собраніемъ и будемъ преимущественно отдаваться однимъ разсужденіямъ о вѣрѣ, мы ни до чего не додумаемся. Когда начнется церковное великое дѣйствіе—соборъ,—все мгновенно выяснится, ибо явится благодать“...

О, Дидеротъ!.. О, Карамазовъ!.. У насъ, въ нашей офиціальной церкви, существуютъ общественныя молебствія о ниспосланіи дождя, о погодѣ... Даже молитвы особыя установлены. Но чтобы можно было молиться о ниспосланіи вѣры въ Бога, одна молитва къ которому уже предполагаетъ наличность вѣры въ него, до этого, кажется, еще не додумывались даже религіозные схоласты.

Съ большой рѣзкостью отмѣтилъ неустойчивость во взглядахъ Мережковскаго В. В. Розановъ, заявившій о своемъ выходѣ изъ религіозно-философскаго общества.

„Мережковскій,—категорически заявилъ Розановъ,—самъ себѣ измѣнилъ, самъ себя предалъ, самъ отъ себя отказался: въ какомъ то новомъ обольщеніи онъ рѣшилъ привлечь къ себѣ и Христу марксистовъ, эсдековъ и проч., и проч., и слить политику и Евангеліе, и притомъ просто то Евангеліе отъ Матѳея, Марка и Луки, какое читаетъ церковь, съ ученіемъ Карла Маркса изъ Берлина, безъ всякой новой мечты объ Апокалипсисѣ, о грядущемъ Христѣ и третьемъ Завѣтѣ. Здѣсь я долженъ опредѣленно назвать тотъ важнѣйшій мотивъ, который побуждаетъ меня сказать, что Мережковскій отрекся отъ себя: именно онъ мнѣ сказалъ, что находится теперь совсѣмъ въ другихъ мысляхъ, нежели прежде, что я должно быть не читалъ его послѣднихъ книгъ, а если бы читалъ, то зналъ бы, что ни о какомъ грядущемъ Мессіи теперь онъ не думаетъ, ни о какомъ третьемъ Завѣтѣ. Когда же я изумился и спросилъ: какъ же онъ раньше объ этомъ говорилъ, то онъ отвѣтилъ: „это было такъ, слова“.

Слова... И кто же поручится, что не слова все то, что проповѣдуетъ Мережковскій теперь? Все то, что проповѣдуетъ Мережковскій, производитъ впечатлѣніе словъ, и потому именно все это такъ слабо, такъ никого не трогаетъ.

3.

А въ религіозно-философскомъ обществѣ роль Мережковскаго, по-моему, была даже просто разлагающей. Посмотрите, съ какими мыслями собрались сюда въ

самомъ началѣ представители нашей офиціальной церкви, наши великіе и малые инквизиторы. Они пришли въ покаянныхъ власяницахъ, пришли учиться, каяться, исправляться. Еп. Сергій, открывая собраніе, говорилъ: „Мы собрались сюда не для того, чтобы провести нѣсколько часовъ въ пріятной бесѣдѣ. Бесѣда наша серьезная и строго дѣловая. Намъ тяжело наше разъединеніе и взаимное непониманіе... Намъ нуженъ путь къ единству, чтобы этимъ единствомъ намъ потомъ вмѣстѣ жить и вмѣстѣ работать на общественную пользу“...

Чиновникъ св. синода Тернавцевъ говорилъ въ чрезвычайно мрачномъ тонѣ. Внутреннее положеніе Россіи, по его словамъ, представлялось не только „сложнымъ“, но, повидимому, даже безысходнымъ. „Россія,—говорилъ онъ въ 1901 г.,—остается теперь сама собой лицомъ къ лицу съ фактомъ духовнаго упадка и экономическаго раззоренія своего народа. Пугающая нагота этого факта, общая безпомощность и недоумѣніе передъ нимъ увеличиваются тѣмъ, что ждать новаго воодушевленія гражданскаго творчества повидимому неоткуда“. Онъ видѣлъ, что возрожденіе Россіи можетъ совершиться на религіозной почвѣ, и поэтому готовъ былъ на всевозможныя исправленія порядковъ офиціальной церкви. Онъ понималъ, что интеллигенцію „проповѣдью одного лишь загробнаго идеала не возьмешь“, что церкви нужно подумать не только о небѣ, но и о землѣ. „Отсутствіе у церкви религіозно-соціальнаго идеала,—говорилъ Тернавцевъ,—есть главная причина безвыходности ея собственнаго

положенія... Всѣ старанія возродить жизнь прихода разбиваются о безземность ея основного учительскаго направленія. Въ положеніи, унаслѣдованномъ русскою церковью отъ прошлаго, невозможны никакія улучшенія безъ вѣры въ Богозавѣтную положительную цѣну общественнаго дѣла". Такое покаянное отношеніе великаго инквизитора (говорю—въ собирательномъ смыслѣ) давало возможность не только коснуться, но и перерѣшить множество больныхъ вопросовъ, требующихъ самаго безотлагательнаго пересмотра. Достаточно назвать полные искренней, мучительной, подлинной муки доклады Розанова о бракѣ. И что же? Стоило только Розанову заявить, что онъ протестуетъ противъ святости церковнаго брака, какъ Мережковскій первый сейчасъ же, вольно или невольно, сгладилъ впечатлѣніе его рѣчей и потребовалъ категорическаго отвѣта, за кого стоитъ Розановъ — за Христа или противъ Христа. Затѣмъ перешелъ на Апокалипсисъ, заговорилъ о концѣ міра, и очень быстро больной вопросъ былъ обточенъ такъ, что уже никого не кололъ, а собраніе перешло къ обсужденію разнаго рода догматовъ. И такъ почти все время...

Начнутъ говорить о бракѣ, о свободѣ совѣсти (по поводу столь нашумѣвшей когда то рѣчи Стаховича на миссіонерскомъ съѣздѣ), о сектантахъ, а Мережковскій сейчасъ выступитъ съ литературнымъ докладомъ о Толстомъ, о Достоевскомъ, о Гоголѣ. И начнутся споры уже о томъ, вѣрно или невѣрно понимаетъ Мережковскій отношенія Гоголя къ чорту, Достоевскаго къ Толстому, и т. д., и т. д. Вообще Мережковскій, какъ это

ему замѣтилъ даже предсѣдатель собраній еп. Сергій, все сводилъ къ личнымъ спорамъ.

— Мы,—разъ остановилъ его еп. Сергій,—говоримъ не про Розанова, а про бракъ...

— Нѣтъ,—настаивалъ на своемъ Мережковскій,—нужно говорить о Розановѣ.

И затѣмъ пошелъ сравнивать Розанова съ арх. Михаиломъ.

Это примѣръ не единственный.

Что же получилось въ концѣ-концовъ.

Договорились до того, что на одномъ изъ послѣднихъ собраній Минскій прямо поставилъ вопросъ: быть ли собранію религіозно-философскимъ или только религіознымъ. И дѣйствительно, начавъ съ указанія на необходимость сближенія неба съ землею, уже въ концѣ перваго года еп. Сергій горячо возражалъ противъ того, чтобы церковь поставила своей новой задачей „раскрытіе правды на землѣ". И даже мотивировалъ это свое новое мнѣніе тѣмъ, что эта цѣль будетъ достигнута сама собой.

„...Церковь,—говорилъ онъ,—не возставала противъ рабства, но проповѣдывала истину небеснаго идеала и высшаго достоинства человѣка. Этимъ, а не чѣмъ либо инымъ она постепенно достигла отмѣны рабства". Конечно, именно тѣмъ, что митр. Филаретъ доказывалъ отъ Священнаго Писанія богоустановленность крѣпостного права! Теперь припомните, что говорилъ Мережковскій относительно конечнаго пункта отправленія отъ религіи—и ясною станетъ связь между мнѣніемъ представителя вольнаго синода и синода казеннаго.

Въ 1907 году, открывая религіозно-философское собраніе, А. В. Карташовъ, его предсѣдатель, уже приравнялъ это общество къ кружку студентовъ, занимающихся государственнымъ правомъ. „Тутъ,—пояснилъ онъ,—и бѣлоподкладочники, и синія рубахи, и черносотенники, и анархисты. Всѣ они занимаются государственнымъ правомъ, и вдругъ пришла бы мысль, что это политическое общество, отъ котораго одни ждали бы разрѣшенія мукъ нашей общественной жизни, а другіе смотрѣли бы на него, какъ на очагъ оппозиціи, между тѣмъ какъ кружокъ этотъ занимается только теоретическими вопросами". Карташовъ совершенно спокойно, какъ будто бы шла рѣчь о какомъ нибудь обществѣ улучшенія породъ густопсовыхъ собакъ, говоритъ, что „изъ такого ядра, какимъ является религіозно-философское общество, никакихъ практическихъ результатовъ въ смыслѣ дѣйствій общественныхъ получиться не можетъ. Это просто общество людей, серьезно, хотя и совершенно по разному, относящихся къ религіозному вопросу и желающихъ между собою объ этомъ поговорить—между собою, подчеркиваю, а не обязательно передъ лицомъ широкой публики или русскаго общества"... И не думайте, что, говоря это, г. Карташовъ не зналъ, какъ начало и къ чему стремилось на первыхъ порахъ религіозно-философское общество. Наоборотъ. Не только зналъ, но даже счелъ нужнымъ это подчеркнуть. „Времена мѣняются,—заявилъ онъ,—и не возвращаются. То было время весны, общаго подъема какихъ то (?) общихъ желаній, когда всѣ оппозиціонныя настроенія рождались въ интелли-

генціи, которая еще не дифференціировалась, когда эта самая оппозиція по отношенію къ офиціальной церкви была довольно наивной и думала, что вотъ-вотъ произойдетъ что-то реальное, можно будетъ съ церковью столковаться, нѣчто въ ней измѣнить. Теперь эти весеннія надежды миновали"...

Говоря короче—пожалуйте назадъ, въ болото... Мы тамъ побесѣдуемъ о томъ, о другомъ, о жизни, о Богѣ, а тутъ какъ-нибудь все измѣнится само собой. И пошли, и заспорили на темы, ничѣмъ не отличавшіяся отъ старыхъ споровъ о томъ, сколько ангеловъ умѣстится на остріѣ булавки...

Конечно, было бы слишкомъ все это ставить на счетъ одному Мережковскому. Но что большая доля участія въ такомъ возвращеніи въ спокойные футляры принадлежитъ ему—никакого сомнѣнія быть не можетъ. И вотъ когда наступитъ счастливое тысячелѣтіе, когда начнется новая жизнь, обѣщанная Мережковскимъ, еще не извѣстно, а сейчасъ о покаянномъ тонѣ великаго инквизитора, раздавшемся въ нелегкія времена нашей жизни, нѣтъ и помину. Командуютъ еп. Гермогены, Илліодоры и имъ подобные.

— Ничего,—говоритъ Мережковскій,—будетъ, все будетъ... Погодите...

Разыгралась маленькая драма, которую такъ великолѣпно разсказалъ въ одной изъ своихъ сказочекъ Щедринъ.

Невольно вспоминается извѣстная щедринская сказка о щукѣ и карасѣ-идеалистѣ, любителѣ истины.

Сладкая тихая проповѣдь высокихъ истинъ, по ны-

нѣшнимъ временамъ, ровно ни къ чему привести не можетъ.

Выше, въ одномъ изъ предшествующихъ очерковъ, у меня фигурируютъ искатели, горячо спорившіе о томъ, какъ правильнѣе, „сугубить или трегубить аллилуйю“, креститься двумя или тремя перстами. Развѣ вопросы нашихъ современныхъ искателей не приняли характера чего-нибудь подобнаго? Опять выплыли на сцену мистическіе трактаты, мистическіе вопросы, въ лучшемъ случаѣ старыя-престарыя проблемы идеализма, Кантъ и весь идеалистическій арсеналъ.

— Что есть истина?—слышатся голоса карасей-идеалистовъ, очень смирныхъ карасиковъ, которымъ возбуждающая и зовущая сила истины вовсе и не по темпераменту. Но они уже „умѣютъ“ спросить, и спрашиваютъ.

И спросивъ, смиренно замолкаютъ, не получивъ отвѣта, ибо сами вопрошающіе видятъ передъ собой пасть щуки, вопросы эти давно уже разрѣшившей для себя и для другихъ.

Есть такія маленькія комнатныя ракеты. Ихъ зажигаютъ, и онѣ сыплютъ милліонами яркихъ, блестящихъ, красивыхъ звѣздочекъ.

Вы боитесь, что онѣ обожгутъ, что можетъ быть пожаръ.

Не бойтесь... Тутъ нѣтъ огня. Ракеты только блестятъ, но не горятъ. Отъ этого свѣта, отъ этого огня даже не тепло. Даже не свѣтло...

Богостроители.

1.

Богоискатели такъ настойчиво кричали о необходимости, безотлагательной необходимости для каждаго увѣровать въ ихъ Бога, такъ настойчиво доказывали, что они нашли Бога и что безъ нихъ все пойдетъ прахомъ,—что расшевелили людей, искавшихъ иныхъ дорогъ, и вспыхнулъ мистицизмъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ его можно было предполагать менѣе всего.

Мистицизмъ—это чувство, глубоко присущее всякому. Припомните чудную, бретонскую легенду, разсказанную Ренаномъ о городѣ д' Исъ, затонувшемъ въ морѣ. Рыбаки говорятъ, что во время бури еще можно видѣть въ глубинѣ верхушку церкви, а въ тихіе дни слышатся далекіе звуки колокола. „Мнѣ кажется иногда, —говоритъ Ренанъ,—что въ глубинѣ моего сердца похороненъ соборъ д' Исъ, гдѣ еще звонятъ колокола, упорно зовущіе на молитву вѣрующихъ, которые не слышатъ болѣе"...

Такія легенды о затонувшихъ храмахъ—у каждаго народа. Такіе соборы—въ душѣ каждаго. У насъ та-

кихъ затонувшихъ церквей—больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, у насъ звуки далекихъ колоколовъ слышатся чаще, чѣмъ у другихъ, и волнуютъ больше. Наши богоискатели затронули эти колокола. Послышался звонъ...

Раньше всѣхъ откликнулись на этотъ звонъ такъ называемые мистико-анархисты съ Чулковымъ, Городецкимъ и Вяч. Ивановымъ во главѣ. Я не знаю, сколько ихъ—трое или шесть человѣкъ. Можетъ быть, десять. Едва ли болѣе, да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, имъ быть больше, когда на самый важный вопросъ, предъявленный имъ, вопросъ о томъ, во имя чего или кого установится та соборность, которая по ихъ вѣрѣ должна была соединить людей воедино,—они отвѣчали: „А мы вамъ не отвѣтимъ, не скажемъ ни да, ни нѣтъ, потому что, дескать, мысль изреченная есть ложь". И когда Городецкій въ восторгѣ восклицаетъ: „О, жизнь преображенная", когда онъ жмуритъ глаза „отъ нестерпимаго свѣта", и поясняетъ: „такъ сверкаетъ то, что впереди",—къ этимъ крикамъ относятся всѣ довольно равнодушно.

Какой ужъ свѣтъ!

Городецкій радуется, а рядомъ встаютъ испуганные глаза Андрея Бѣлаго, и опять я гораздо болѣе понимаю этотъ испугъ, нежели лучезарность мистическихъ анархистовъ...

Андрей Бѣлый—это для меня символъ живыхъ, настоящихъ чуткихъ людей, такихъ людей, которые привыкли работать на-міру, идя рука объ руку съ другими, болѣе ихъ сильными. Сейчасъ они оглянулись вокругъ себя и увидѣли пустыню...

— Ad nos, ad nos,—послышались имъ голоса богоискателей.

— Какъ?—подумали Андрей Бѣлый и остатки интеллигенціи.—Къ вамъ? Да вѣдь вы о насъ и думать перестали.—У васъ, на вашихъ собраніяхъ, теперь ужъ не думаютъ объ интеллигенціи, не думаютъ о народѣ, а только забавляются схоластическими диспутами!..

Такимъ же безпомощнымъ, испуганнымъ символомъ показался мнѣ Александръ Блокъ, который пришелъ въ религіозно-философское собраніе съ спеціальной цѣлью сказать этимъ изготовителямъ новыхъ золотыхъ футляриковъ, что пора подумать о народѣ, что между интеллигенціей и народомъ образовался страшный провалъ, что въ видѣ „невѣдомаго" надвигается грозная лавина брошеннаго, покинутаго народа, что каждую минуту нужно ждать катастрофы, которая смететъ, раздавитъ интеллигентовъ.

А. Блокъ какъ бы испугался, что народъ идетъ сейчасъ мстить интеллигенціи.

— Мы,—говорилъ онъ,—сдѣлали для народа все, что могли. Волю, умъ, сердце положили на изученіе народа. А народъ? Онъ смотритъ на насъ, молчитъ, да усмѣхается... Все та же легкая усмѣшка, то же молчаніе „себѣ на умѣ", да благодарность „за ученіе" и извиненіе за свою темноту, въ которыхъ чувствуется—„до поры до времени"...

„Передъ этой усмѣшкой,—говоритъ Блокъ,—умретъ мгновенно всякій нашъ смѣхъ и станетъ намъ страшно и не по себѣ"...

И Бѣлаго, и Блока испугало одиночество. Отъ на-

рода они всегда были далеки, близко стоявшая около нихъ интеллигенція сильно разжижена, а новой интеллигенціи, выходящей изъ того, что принято называть „народомъ“, и давно уже перекинувшей мостикъ черезъ тотъ провалъ, передъ которымъ у нихъ кружится голова, они еще не видѣли.

Пора ужъ бросить это дѣленіе людей на народъ и интеллигенцію.

Окончившій университетъ титулярный совѣтникъ Ивановъ мнитъ себя интеллигентомъ, и до сихъ поръ не можетъ протереть глазъ, удивляясь тѣмъ представителямъ народа, которые выступили теперь, въ Думѣ, на разнаго рода съѣздахъ, собраніяхъ и т. д. Кто изъ нихъ интеллигентъ, кто нѣтъ? Къ кому мы ближе? Вяч. Ивановъ—едва ли не единственный въ группахъ мистиковъ-анархистовъ, который правильно обосновалъ свой взглядъ на народъ, признавъ, что въ общемъ былая разница между интеллигенціей и народомъ стерлась и болѣе не существуетъ. У Фета есть прекрасное стихотвореніе „Alter ego“. Оно написано по личному поводу, говоритъ о личныхъ переживаніяхъ поэта, но, по-моему, оно какъ нельзя лучше символизируетъ и отношенія народа съ интеллигенціей.

Какъ лилея глядится въ нагорный ручей,
Ты стояла надъ первою пѣсней моей
И—была ли при этомъ побѣда? И чья:
У ручья ль отъ цвѣтка? У цвѣтка ль отъ ручья?
Ты душою младенческой все поняла,
Что мнѣ высказать тайная сила дала...
И хоть жизнь безъ тебя суждено мнѣ влачить
Но мы вмѣстѣ съ тобой—насъ нельзя разлучить.

Когда то Грибоѣдовъ говорилъ, что Россія производитъ на него впечатлѣніе завоеваннаго недавно края. Народъ—побѣжденные. Командующіе классы—побѣдители. Столь велика между ними была пропасть. Теперь не то. Теперь и народъ и интеллигенція, послѣ продолжительной совмѣстной борьбы, дѣйствительно сплелись въ нѣчто цѣльное, недѣлимое. „Насъ нельзя разлучить"... Мы не враги другъ другу, совершенно напрасно наши „богоискатели" стараются заклиниться въ эту здоровую массу, самодовлѣющую и самоцѣнную.

Мы давно уже не испытываемъ вражды другъ къ другу, давно уже перестали говорить „мы" и „вы", оставивъ только одно слово „мы". Недавно еще Горькій со злобой говорилъ противъ интеллигенціи, которая чуетъ надвигающуюся грозу. „Предчувствуя близость сдачи позиціи народу,—говорилъ Горькій,—будущіе побѣжденные усиленно стараются испачкать все, что можно", стремятся „отравить побѣдителя", привививъ ему всѣ болѣзни своей души и тѣла".

Правда, изъ многихъ щелей слышатся крики:

— Идутъ варвары... Культурѣ грозитъ гибель... Надвигается орда готтентовъ...

Эти испуганные голоса васъ пугаютъ изъ лагеря декадентовъ, изъ лагеря интеллигентскаго, услышите ихъ вы и отъ истинно-русскихъ, мнящихъ себя истиннымъ народомъ.

Но какъ послѣдніе—не народъ, такъ первые—не интеллигенты. И тѣ и другіе стоятъ внѣ общаго интеллигентно-народнаго коллектива, внѣ истиннаго народа.

Горькій, одинъ изъ наиболѣе ярыхъ враговъ интеллигенціи внѣшней, теперь открыто протянулъ руку интеллигенціи подлинной. Теперь онъ понялъ, что интеллигенты не враги народа. Что среди нихъ, на ряду съ „циниками“ и „варварами“, есть истинные друзья народа.

„Познакомился я тамъ,—говоритъ герой его „Исповѣди“,—съ великолѣпными людьми; одинъ изъ нихъ, Яша Владыкинъ, студентъ изъ духовнаго званія, и теперь мой крѣпкій другъ, и на всю жизнь такимъ будетъ! Въ Бога не вѣруя, церковную музыку любитъ онъ до слезъ: играетъ на фисгармоніи псалмы и плачетъ, милѣйшій чудакъ.

Я его спрашиваю, смѣясь:

— Отчего же ты ревешь, еретикъ, атеистъ?

Кричитъ мнѣ, потрясая руками:

— Отъ радости, отъ предчувствія великихъ красотъ, кои будутъ сотворены! Ибо—если даже въ такой суетной и грязной жизни, ничтожными силами единицъ, уже создана столь велія красота,—что же будетъ содѣяно на землѣ, когда весь духовно-освобожденный міръ начнетъ выражать горѣніе своей великой души въ псалмахъ и въ музыкѣ?

Начнетъ онъ говорить о будущемъ, ослѣпительно ясномъ для него, и самъ удивляется видѣніямъ своимъ! „Многимъ я,—признается герой повѣсти,—обязанъ этому другу своему, равно какъ и Михайлѣ“.

Это признаніе уже большой шагъ впередъ. Студентъ этотъ уже изъ рядовъ интеллигентовъ - „циниковъ“!..

2.

Гдѣ же та пропасть, о которой съ такимъ страхомъ говорилъ Блокъ?

Горькій ее засыпалъ и воздвигъ надъ нею храмъ новому Богу. Богу—коллективу, тому самому коллективу, который обоготворили, обставивъ всѣмъ аттрибутами стараго культа нѣкоторые изъ марксистовъ, пожалованные за это титуломъ богостроителей.

Я говорю объ „Исповѣди“ Горькаго.

На первый взглядъ это произведеніе представляется нѣсколько схематичнымъ. Мнѣ самому казалось натянутымъ это исканіе истинной вѣры героемъ разсказа. Точно Владиміръ Святой посылаетъ своихъ пословъ посмотрѣть, гдѣ вѣра лучше. Понадобилась вѣра, и вотъ посылаютъ за ней, какъ въ магазинъ за ситцемъ. Но, въ дѣйствительности, вся повѣсть—глубоко-жизненное явленіе.

Въ протоколахъ религіозно-философскаго общества напечатано возраженіе неизвѣстно какъ сюда попавшаго крестьянина Михайлова. Вотъ что онъ говорилъ:

— Я,—говорилъ Михайловъ,—родомъ крестьянинъ и теперь нахожусь въ третьемъ періодѣ своей жизни. Въ деревнѣ я прожилъ до 22 лѣтъ и тамъ всей душой отдавался крестьянскому хозяйству. Затѣмъ меня теченіемъ жизни занесло въ странствованіе и потомъ въ монастыри и, наконецъ, я теперь остановился на городской жизни.

— Крестьянское хозяйство я настолько хорошо позналъ, что сосѣди говорили: „нѣтъ лучше хозяина, чѣмъ сынъ Степаниды“. Монастырскій періодъ своей

жизни я тоже хорошо провелъ. Въ Валаамскій монастырь приходили ко мнѣ монахи спрашивать, какъ службу править. Оставивъ монастырь, я перешелъ на городскую почву. И вотъ здѣсь я познакомился съ однимъ дѣломъ и полюбилъ его, — дѣло устройства на христіанскихъ началахъ общинъ, или, какъ говорятъ, артелей. Во второй періодъ моей жизни я познакомился со священными книгами и пришелъ къ убѣжденію, что сущность Ветхаго Завѣта можетъ быть выражена тѣми словами псалтири, въ которыхъ замѣчается болѣе чѣмъ благосклонное отношеніе къ матеріальной сторонѣ нашей жизни и къ общественности. Въ 132-мъ псалмѣ говорится: „какъ хорошо и какъ пріятно, когда братья живутъ вмѣстѣ", а въ 143-мъ: „да будутъ сыновья наши, какъ разросшіяся растенія въ ихъ молодости, дочери наши—какъ искусно изваянные столбы въ чертогахъ, да будутъ житницы наши полны, обильны всякимъ хлѣбомъ, да плодятся овцы наши тысячами и тьмами на пажитяхъ нашихъ; да будутъ волы наши тучны, да не будетъ ни расхищенія, ни пропажи, ни воплей на улицахъ нашихъ. Блаженъ народъ, у котораго это есть, блаженъ народъ, у котораго Господь есть Богъ".

Чрезвычайно характерно замѣчаніе предсѣдателя, нашедшаго, что разсказъ Михайлова не относится къ дѣлу. Еще бы! Живое слово въ религіозномъ обществѣ! Вы обратили вниманіе на огромное сходство этого Михайлова съ героемъ Горькаго, Матвѣемъ? Онъ весь здѣсь цѣликомъ. Здѣсь весь его путь исканій и найденная вѣра въ коллективъ, народобожіе. Страшно

трудно отдѣлаться отъ старыхъ терминовъ. Въ сущности, у Горькаго и другихъ богостроителей вовсе не вѣра, какъ я только что выразился, а увѣренность, знаніе...

— Ты,—говоритъ одинъ изъ героевъ Горькаго, усвоившій себѣ это знаніе,—всѣмъ составомъ гляди! Сердцемъ, духомъ! Развѣ я тебѣ говорю: „вѣрь"? Я говорю: „учись, узнавай"...

И Матвѣй ходитъ, узнаетъ. Съ большимъ трудомъ, но въ концѣ-концовъ онъ сбрасываетъ съ себя скептическое отношеніе и къ интеллигенту, и къ корявому мужичку, убѣждается, что подъ этой корой кроется подлинный богостроитель, что въ своей массѣ этотъ богостроитель—богъ, и, какъ таковой, творитъ чудеса.

— Ты еси мой Богъ,—восклицаетъ онъ въ восторгѣ,—и Творецъ всѣхъ боговъ, соткавшій ихъ изъ красотъ духа своего въ трудѣ и мятежѣ исканій Твоихъ... Да не будутъ міру иніи Бози, развѣ Тебе, ибо Ты еси единъ Богъ, творяй чудеса!...

И, познавъ это, Матвѣй возвращается туда, гдѣ люди освобождаютъ души ближнихъ своихъ изъ плѣна тьмы и суевѣрій, собираютъ народъ воедино, освѣщаютъ предъ нимъ тайное лицо его, помогаютъ ему сознать силу воли своей, указываютъ людямъ единый и вѣрный путь къ всеобщему сліянію ради великаго дѣла—всемірнаго богостроительства ради!..

Красивые, ясные, врѣзывающіеся въ мозгъ образы,—удивительная картина! И вполнѣ естественно, что она сразу же вызвала столько разговоровъ. Она впервые воплотила совершенно конкретными штрихами тѣ отвле-

ченныя мечты о силѣ коллектива, которыя въ сухой схемѣ были выработаны марксистами. Горькій, со свойственнымъ ему романтическимъ темпераментомъ, облекъ эти мечты въ плоть и кровь. Правда, онъ воспользовался для этого старыми, привычными красками старой религіи со всѣми ея аксессуарами, вплоть до чудотворнаго образа и крестнаго хода, но это нисколько не портитъ нарисованнаго имъ образа новаго Бога. Наоборотъ, дѣлаетъ только его болѣе отчетливымъ и уясняетъ тѣ акаѳисты, которые начали слагать новому Богу его поклонники. Еще недавно мы слышали одинъ изъ такихъ блестящихъ акаѳистовъ, пропѣтый ему въ литературномъ обществѣ Базаровымъ!

Да, новый Богъ, коллективное человѣчество—звучитъ гордо. Однако, не могу скрыть, что для меня лично эта проповѣдь прозвучала менѣе гордо, чѣмъ давнишній гимнъ Горькаго человѣку... Въ этомъ открытіи Бога-коллектива, какъ я уже замѣтилъ, есть значительная доля мистицизма, отъ котораго до сихъ поръ такъ яро и совершенно правильно открещивались трезвые марксисты.

Почему понадобилось теперь, вдругъ, это мистическое обожествленіе, созданіе какого то кумира, по образу и подобію кумировъ другихъ?

Не потому ли, что мистики наши, и особенно яро заграничные, вслѣдъ за Бергсономъ, потребовали во что бы то ни стало, чтобы во главѣ угла стоялъ обязательно „Нѣкто въ сѣромъ“, именуемый Онъ, по терминологіи Вересаева Властитель, въ котораго мож-

но было бы вѣрить, *ибо реальнаго значенія за нимъ еще признать не могутъ и сами увѣровавшіе.* Въ сущности, чѣмъ отличается эта религія отъ хиліастическихъ упованій Мережковскаго? Провозгласить Бога, увѣровать въ его живую сущность, это значитъ увѣровать въ то, что вотъ сейчасъ, съ той самой минуты, какъ я въ него повѣрилъ, онъ начнетъ творить чудеса. „*Ибо Ты еси одинъ, творяй чудеса*". Увѣровавъ всей душой, и мало того, даже не увѣровавъ, а всѣмъ своимъ составомъ *познавъ* такого Бога, войдя въ него какъ часть, я сейчасъ же потребую, чтобы гора шла ко мнѣ, потребую, чтобы болящая, страждущая сейчасъ же взяла одръ свой и пошла. Если въ древней религіи это творилось чудомъ, которое Богъ воленъ былъ сотворить и воленъ былъ въ немъ отказать, то здѣсь я, какъ часть божественнаго коллектива, требую, хочу, чтобы больная встала, ибо и она, эта больная, часть того же коллектива, часть того же божества. Она должна встать и встать *сейчасъ же*, какъ только я увѣровалъ въ новаго Бога.

И вдругъ на это мнѣ отвѣчаютъ жрецы новаго Бога:

— Обожди... Пока еще Богъ не дѣйствуетъ. Сейчасъ еще нельзя выйти на путь непосредственно коллективнаго творчества, ибо нужно сначала преодолѣть индивидуализмъ, уничтожить не на словахъ только, а на дѣлѣ.

А пока нельзя. „Человѣкъ съ сильно развитымъ чувствомъ объективной цѣнности творчества,—поясняетъ Базаровъ,—и слѣдовательно съ пониженнымъ чувствомъ

„я“ представляетъ самую жалкую, комическую, ни къ чему не приспособленную фигуру въ рамкахъ буржуазнаго общества. Онъ вынужденъ переломить себя, раздуть свое „я“ до того доминирующаго въ психикѣ положенія, которое необходимо, чтобы хоть сколько-нибудь сносно участвовать въ разныхъ видахъ конкуренціи; въ противномъ случаѣ ему остается только умереть. Общественный подборъ строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы коллективная психика не могла пустить сколько-нибудь замѣтныхъ корней въ современномъ человѣчествѣ“.

Все это совершенно вѣрно, за исключеніемъ того, что когда-нибудь, хоть черезъ десятки тысячъ лѣтъ, наступитъ время, когда индивидуализмъ будетъ подавленъ и человѣческая личность до такой степени сольется съ коллективомъ, что даже почувствуетъ себя безсмертной, ибо осязательно ощутитъ свою жизнь въ вѣчной жизни коллектива.

Но, даже если, допустимъ, индивидуализмъ будетъ убитъ, то вѣдь сами проповѣдники новаго Бога сознаются, что случится это очень не скоро. А безъ этого новый Богъ—не болѣе не менѣе какъ машина, которой не даютъ притока электрической энергіи. Значитъ, что же о ней сейчасъ и говорить? Зачѣмъ, облекая въ мистическую форму своего новаго Бога, давать лишнее торжество мистикамъ? А они, глядя на этого Бога, конечно могутъ торжествовать. Имѣютъ на это полное право. Въ самомъ дѣлѣ, какая разница между ихъ Богомъ и Богомъ коллектива? Въ сущности—никакой, а въ частности та, что ихъ Богъ, по ихъ

вѣрѣ, можетъ творить чудеса уже сейчасъ, каждую минуту, а новый—пока еще не „собранъ“, пока безсиленъ и творить ничего не можетъ. Бросятъ они его въ рѣку, какъ Перуна, и начнутъ кричать:

— Выдыбай, Боже!

А новый Богъ выйти изъ воды окажется безсильнымъ, ибо еще не убитъ индивидуализмъ, а только это убійство породитъ энергію, могущую привести его въ дѣйствіе! Мистическая подкладка, аксессуары стараго культа только смущаютъ.

Развѣ не странно слышать въ устахъ Луначарскаго такой удивительный акаѳистъ божественному человѣчеству:

„Да пріидетъ царствіе Божіе, да будетъ воля Его, да святится Имя Его“...

„...Святъ, святъ“,—воскликнетъ благоустроенный міръ устами живыхъ и мертвыхъ стихій, голосомъ красоты своей, когда на тронѣ міровъ возсядетъ Нѣкто, ликомъ подобный человѣку“.

И вѣдь это говоритъ не Мережковскій, не Бердяевъ, а русскій большевистскій эмпиріо-критическій марксистъ лѣваго крыла!

Ему понадобилось обожествить „потенціи человѣчества, наши потенціи, и представить ихъ въ вѣнцѣ славы „для того, чтобы крѣпче любить ихъ“...

Зачѣмъ? Только потому, что это дѣлаютъ мистики? Только потому, что надвигается темнота, что кругомъ запахло мертвечиной?

Кто силенъ, въ комъ лежитъ дѣйствительная настоящая сила, тотъ не долженъ бояться темноты, не

долженъ даже внѣшнимъ образомъ походить на тѣхъ кто этой тьмы боится. И особенно сейчасъ, въ данную минуту, когда даже пророку, взявшемуся насъ вывести на путь истинный, все тому же Мережковскому, почудились опять прежніе страхи.

„Соотечественники, страшно!—говоритъ Мережковскій, какъ умирающій Гоголь.—Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ. Хочется закричать, но голоса нѣтъ.

— Я долженъ признаться,—говоритъ онъ,—что сейчасъ, когда я пишу, у меня самого „головка такъ и виснетъ, такъ и виснетъ". Ужъ не покориться ли? Не завалиться ли, какъ божья коровка, вверхъ ножками, притворясь мертвымъ,—благо звѣрь мертвечины не ѣстъ, любитъ живенькихъ? Ослабѣть и лечь „подъ сводомъ шалаша на лыки", подобно рабу, принесшему ядъ Анчара?

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

Или бѣжать?"

Зачирикала птичка сѣрая. Но если не страшно ея было въ первый разъ, пять лѣтъ тому назадъ, то еще менѣе нужно ее бояться теперь. У насъ есть уже опытъ, и есть поэтому и другіе голоса, голоса бодрые. Ихъ подслушалъ чуткій къ общественнымъ переживаніямъ Вересаевъ и, если раньше, въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, онъ былъ очень остороженъ относительно хорошихъ предсказаній, то теперь, въ своемъ послѣднемъ романѣ, онъ дѣлаетъ это рѣшительно и увѣренно.

Вересаевъ какъ бы видитъ, что эта усталость, эта общественная апатія—только внѣшняя кора. Что подъ нею притихли живые ключи, тѣ ключи, которые еще недавно такъ бурлили на глазахъ у всѣхъ.

Чуя эти ключи, онъ внимательно вглядывается въ этого такъ пугающаго всѣхъ Хозяина, въ этого Властителя и радостно видитъ, что въ сущности не онъ, человѣкъ,—рабъ Хозяина, а Хозяинъ—рабъ человѣка.

— Рабъ слѣпой и темный,—кричитъ герой Вересаева.—Я въ твоихъ лапахъ, но у меня есть глаза, глаза! Поверхъ тупой головы твоей я смотрю въ жизнь, чую ее всѣмъ существомъ мысли. И чую великую силу человѣка надъ рабомъ. Чую, есть пути къ покоренію тебя. О, трудные пути, смертно-трудные! Но по всѣмъ путямъ этимъ идетъ великій бой. И не бывало, чтобы не пробился къ свободѣ тотъ, кто всею волею своею возжелалъ свободы!..

Вересаевъ чувствуетъ, провидитъ жизнь, настоящую жизнь, достойную извѣчной цѣли своей—осознанности. Онъ уже видитъ не цѣль одну,—конечную цѣль, звѣздою сіяющую въ темнотѣ, а жизнь, одну непрерывно-развертывающуюся цѣль, убѣгающую въ солнечно-ясную даль.

Вересаевъ, повторяю, чуткій писатель, и эти бодрые тона, которые слышатся изъ каждой строки его послѣдняго романа,—фактъ отрадный, бодрящій.

Кругомъ живые мертвецы зовутъ въ могилу, ползутъ въ болото сами и другихъ за собой тянутъ туда же.

Но еще умирать раненько. Радостнымъ, громкимъ эхомъ прокатится голосъ Вересаева, зовущій

къ жизни, къ воскресенію. И скоро, очень скоро, воскреснутъ многіе, которые сейчасъ кажутся мертвыми.

Блокъ тревожно спрашиваетъ:

— Есть ли непереходимая „недоступная черта“ между интеллигенціей и народомъ, интеллигенціей и Россіей?

На этотъ вопросъ смѣло и категорически можемъ отвѣтить: нѣтъ. Такой непереходимой черты нѣтъ.

Есть только два электричества, электричество—плюсъ и электричество—минусъ. И то и другое накапливается, вырабатывается совмѣстной работой народа и интеллигенціи. Придетъ моментъ, выступитъ на сцену человѣкъ, геній, возрождающійся подобно фениксу, повернетъ выключатель, соединитъ эти разнородныя силы, и вспыхнетъ свѣтъ. Яркій, ослѣпительный свѣтъ. Только такой свѣтъ разгонитъ окутавшую насъ ночь.

Еще о народѣ.

1.

Богоискатели породили богостроителей. А богостроители обожествили народъ.

И вотъ передъ нами опять споры о народѣ, о его сущности, о его силѣ, о его настоящемъ, о его будущемъ.

Не буду касаться того, какъ эти вопросы трактовались въ публицистической и философской литературѣ.

Это гораздо ярче сказывается въ литературѣ художественной.

И на первомъ мѣстѣ я поставлю романъ А. Бѣлаго „Серебряный Голубь", печатавшійся сначала въ „Вѣсахъ", а затѣмъ вышедшій отдѣльной книжкой.

Когда я думаю объ Андреѣ Бѣломъ, я всегда представляю его себѣ въ образѣ, — воспользуюсь его собственнымъ выраженіемъ,—въ образѣ „клубка метелей".

Онъ именно „клубокъ метелей", самъ клубокъ, полный порывовъ, часто неясныхъ, туманныхъ, порывовъ, въ которыхъ онъ, быть можетъ, и самъ не даетъ себѣ отчета—иной разъ куда-куда не завьетъ метель,—но,

въ то же время, порывовъ сильныхъ, бурныхъ, стремительныхъ и всегда искреннихъ...

Съ большимъ интересомъ, поэтому, я слѣдилъ за его „Серебрянымъ Голубемъ“.

Прекрасная повѣсть. На автора накинулись, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не безъ основаній, за его вычуры, за нѣкоторыя странности стиля.

— Разверните,—скажутъ намъ,—любую страницу и любуйтесь... Ну хотя бы вотъ 130-ую: „...казалось, рой бѣсенятъ въ оскорбленной этой сидѣвшихъ, какъ въ Пандориномъ ящикѣ, оболочкѣ, вылетѣлъ наружу...“ Или вотъ еще: „Красная Петра рубаха...“ Вѣдь это языкъ сломаешь, прежде чѣмъ выговоришь такую фразу.

Указываютъ и на нѣкоторую грубость письма.

— Что это такое? Послушайте: „...и пока она говорила о томъ, что все разсудитъ по-Божьему, бѣлая вошь поползла по щекѣ старика...“

Повторяю, что такихъ примѣровъ и цитатъ изъ повѣсти Андрея Бѣлаго можно надергать сколько угодно и получить внѣшнее право на то, чтобы и самому пройти мимо книги и другимъ ее не рекомендовать.

Искренно сожалѣю тѣхъ, кто такіе совѣты будетъ давать и кто ихъ приметъ. Я не буду защищать нѣкоторой, даже съ моей точки зрѣнія, искусственности языка, нѣкоторой дѣланности. Андрей Бѣлый поставилъ себѣ слишкомъ трудную въ этомъ отношеніи задачу. Онъ ведетъ разсказъ не отъ себя, а какъ бы отъ лица какого-нибудь старообрядческаго начетчика. Онъ пишетъ свои картины не какъ итальянскій ма-

стеръ, а какъ писалъ бы современный намъ жанръ иконописецъ, набившій руку на древнихъ византійскихъ подлинникахъ. Все у него скрашивается этой древней коричневой олифой. Все здѣсь современное, живое, — вы это чувствуете, вы видите современныхъ намъ людей, современную жизнь, въ которую вторгаются автомобили, забастовщики, пролетаріи, митинги, но видите эту жизнь, показанную съ такого угла, откуда вы на нее не заглядывали, и написанную красками, какихъ вы еще до сихъ поръ не видѣли. Это задача въ высшей степени трудная, оригинальная, и нисколько не удивительно, если А. Бѣлый иной разъ чуть-чуть сбивается съ тона, или же дѣлаетъ мазокъ, который кажется вамъ искусственнымъ.

А что касается упрека въ грубости образовъ,— у насъ его особенно часто любятъ дѣлать,—то въ этомъ отношеніи у Бѣлаго есть такой защитникъ, передъ авторитетомъ котораго должны будутъ умолкнуть самые авторитетные.

Защитникъ этотъ не кто иной, какъ самъ Пушкинъ.

— Я,—писалъ Пушкинъ въ свое время,—желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую похабность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства, французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали.

2.

Я бы сказалъ, что по своему основному характеру „Серебряный Голубь“—почти то же самое, что и „Мел-

кій Бѣсъ“ Сологуба, и, читая Андрея Бѣлаго, я не разъ вспоминалъ и Сологуба, и даже, пожалуй, гораздо въ большей степени, Гоголя. Дѣло въ томъ, что основой новой повѣсти Бѣлаго является Россія, русскій народъ, во всей его огромной разновидности, преимущественно народъ, сохранившійся еще въ дѣвственной нетронутой культурой провинціи.

Андрей Бѣлый, по примѣру многихъ изъ нашихъ крупныхъ писателей, заглянулъ въ эту бездну, именуемую народомъ, но не отступилъ передъ нею въ страхѣ, а началъ внимательно, тоскливо въ нее вглядываться.

Заглянувъ, Бѣлый, подобно Радищеву, увидѣлъ передъ собой, въ этой безднѣ, „чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй...“ Чудище это увидѣлъ и Сологубъ, который напустилъ на него свою „недотыкомку“ и началъ его всячески язвить и колоть. У Андрея Бѣлаго нѣтъ специфическихъ выходокъ Сологуба, нѣтъ и его преувеличеній. По своему основному тону, онъ ближе всего подходитъ къ Гоголю. У него нѣтъ ненависти, нѣтъ злобы, у него много любви и желанія разобраться во всемъ, творящемся вокругъ. На каждомъ шагу чувствуется, не скажу чтобы испуганные, а скорѣе тревожно взглядывающіеся въ окружающуюся жизнь глаза писателя. И вы понимаете, что эта тревога ужъ не такъ неосновательна. Это не нервничанье, напримѣръ, Александра Блока, который увидѣлъ передъ собой русскій народъ, въ видѣ несущейся на него безпощадной гоголевской тройки, и пришелъ въ ужасъ отъ позвякивающихъ уже близко бубенцовъ.

Андрей Бѣлый просто остановился передъ клубкомъ самыхъ невозможныхъ сочетаній, изъ которыхъ сплелась современная русская дѣйствительность, современная русская жизнь...

Клубокъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ, нужно отдать справедливость, пестроты удивительной. Недаромъ же Радищевъ видитъ только „чудище озорно“ тамъ, гдѣ Достоевскій могъ углядѣть черты, заставившія его увѣровать въ мессіанство русскаго народа, провозгласить этотъ народъ Богоносцемъ! Недаромъ около этого клубка такъ тщетно копошатся люди различной степени талантовъ, различной степени прозрѣнія, начиная съ Гоголя, Пушкина и кончая, въ наше время, Мережковскимъ, Струве и другими. Клубокъ то, въ самомъ дѣлѣ, не простой и не легкій для разматыванія.

3.

Андрей Бѣлый, взявшій для себя очень удачно простой, полу-библейскій, полу-народно-сектантскій тонъ, по-моему, первый изъ нашихъ писателей сумѣлъ спокойно и ясно показать всю бездну противорѣчій, слившихся въ этомъ клубкѣ, въ этомъ клубкѣ чисто русскихъ метелей, воздушныхъ струй, сплетшихся другъ съ другомъ въ непонятныхъ комбинаціяхъ.

Если посмотрѣть на повѣсть просто, свести ее къ примитивной фабулѣ, то она въ сущности своей ничего особеннаго собой не представляетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, передъ нами окажется простая картинка изъ быта сектантовъ, имѣющихъ своимъ символомъ „серебрянаго голубя“ и стремящихся жить „въ

духѣ голубинѣ...“ Для ихъ цѣлей, весьма неясныхъ, имъ необходимо, чтобы ихъ „духиня“ зачала ребенка, при томъ не отъ своего старика-мужа, стоящаго во главѣ секты, а человѣка посторонняго, но „духовнаго“. Такимъ человѣкомъ оказывается студентъ Дарьяльскій... Это типичный интеллигентъ, который, въ концѣ-концовъ, и сходится съ „духиней“, рябой бабой, грязной, некрасивой, для которой бросаетъ свою невѣсту, интеллигентную, богатую барышню, опрощается и идетъ „въ народъ“. Кончается это тѣмъ, что Дарьяльскій бѣжитъ изъ этой среды и его убиваютъ, опасаясь, что онъ выдастъ сектантовъ.

Многіе приняли секту голубей за хлыстовъ. Это побудило Андрея Бѣлаго оговориться въ предисловіи, что это не хлысты, что секты, изображенной имъ, какъ секты, въ дѣйствительности нѣтъ, но что его голуби возможны со всѣми своими безумными уклонами. Оказывается, что настоящая повѣсть есть только первая часть задуманной имъ трилогіи „Востокъ и Западъ“...

Не знаю, удастся ли автору закончить свою трилогію и къ какимъ выводамъ онъ придетъ въ ней окончательно. Но первая ея часть представляетъ нѣчто совершенно цѣльное, сама по себѣ. Прочтите эту повѣсть, и вы сразу увидите такія знакомыя-знакомыя русскія дали.

Бѣлый точно поднимаетъ крыши тѣхъ сѣренькихъ, черныхъ, покосившихся набокъ куриныхъ избенокъ и щеголевато расписанныхъ, съ рѣзьбою, домовъ и домишекъ, изъ которыхъ склеены наши русскія деревни,

мимо которыхъ всѣ мы пролетаемъ въ быстро мчащихся вагонахъ желѣзныхъ дорогъ.

Передъ вами развертывается вся Русь, со всѣми ея нелѣпицами и противорѣчіями, со всѣми ея такъ непохожими другъ на друга пластами. Вотъ цѣлый рядъ этюдовъ изъ жизни огромнаго фундамента, изъ быта огромнаго русскаго народа, народа ищущаго, идущаго кверху... А рядомъ люди иной, давней, формаціи, отживающіе баре... Звучитъ вальсъ „Невозвратное время", который тренькаетъ попадья на рояли, со многими молчащими клавишами... А неподалеку сидитъ помѣщица - баронесса, живое олицетвореніе сѣдой старины.

„...Въ глубокомъ безмолвіи совершается, — говоритъ А. Бѣлый, — каждодневный, но великій обрядъ этой, уже отходящей въ прошлое, жизни, тогда какъ съ открытой террасы новые несутся звуки новой Россіи и горланится пѣснь далеко проходящихъ парней и золотой поетъ визгъ тигриной гармоники: „за ва-а-ами идетъ свѣжихъ ра-а-атниковъ строй..." Но сидящіе здѣсь новой Россіи не знаютъ, ни пѣсенъ новой Россіи, ни этихъ за липами потрясающихъ душу словъ..."

И, что хорошо у Андрея Бѣлаго, такъ это то, что онъ не боится этихъ пѣсенъ, этихъ народныхъ метелей. Правда, студентъ Дарьяльскій, попытавшійся было слиться съ народомъ, палъ жертвой его темноты. Его сліяніе съ „бабой рябой", повидимому, символизирующей Россію, было безплодно. Духиня отъ него не зачала, а самъ онъ былъ убитъ. Но тотъ же Дарьяль-

скій все же среди окружающаго его ужаса чувствуетъ въ народѣ нѣчто живое, настоящее, чистое.

— Полевые люди, — говорилъ онъ, — лѣсные, въ слова не рядящіеся, и складомъ жизни не радуютъ взора: слово ихъ что ни есть сквернословіе; жизни складъ—пьяный, бранчливый: неряшество, голодъ, нѣмота, тьма. А ты и смѣкай: духовное то вино на столѣ то передъ каждымъ... Уста послѣдними тебя обругаютъ словами въ то время, какъ тонутъ они въ ясной зарѣ; уста бранящія, а они благословляютъ; начнетъ говорить, что твое обстругаетъ бревно; а затѣмъ вотъ—и... словомъ, далеко по бѣлу свѣту разнеслась молва о тѣхъ пѣсняхъ, о русскихъ; а кто же тѣ пѣсни поетъ, кто ихъ сложилъ? Тотъ самый сложилъ ихъ мужикъ, который тебя при случаѣ по матерному ругнетъ...

И потомъ дальше:

— Много на Руси несказанныхъ словъ. Россія есть то, о что разбивается книга, расплавляется зданіе, да и сама сжигается жизнь; въ тотъ день, когда къ Россіи привьется Западъ, всемірный ее охватитъ пожаръ: сгоритъ все, что можетъ сгорѣть, потому что только изъ пепельной смерти вылетитъ райская душенька Жаръ-Птицы...

Такъ пророчествуетъ Дарьяльскій... Повторяю, его мечты разбились. За нихъ онъ заплатилъ собственной жизнью, да и „голуби“ въ немъ разочаровались, такъ какъ связь его съ „духиней“ не дала ожидаемаго плода. Что хотѣлъ сказать этимъ Андрей Бѣлый—понять пока по первой части его трилогіи трудно. Мо-

жетъ быть, это новый варіантъ недовѣрія къ народу, взаимнаго разочарованія народа и интеллигенціи, а быть можетъ, и проповѣдь глубокой вѣры въ народъ. Послѣдній выводъ столь же возможенъ, какъ и первый.

Гибель Икара и новѣйшихъ летуновъ не остановила же постояннаго стремленія людей летать... Гибель Дарьяльскаго, быть можетъ, простая случайность или неизбѣжная жертва—темному пока еще чудищу... Но жертва искупительная, жертва плодотворная...

Разобраться въ этомъ пока трудно... Но хорошо уже и то, что нѣтъ паники, что у писателя, когда онъ заглянулъ въ раскрывшуюся передъ нимъ бездну, не закружилась голова, что онъ не только не побоялся, какъ другіе, въ нее вглядываться, но старается въ ней разобраться.

И разбирается не только какъ вдумчивый писатель, но и какъ подлинный, настоящій художникъ.

Въ сущности, „Серебряный Голубь“ — первая настоящая беллетристическая работа Андрея Бѣлаго. То обстоятельство, что въ своей повѣсти онъ сумѣлъ коснуться всѣхъ, самыхъ больныхъ вопросовъ, дать такую сложную картину переживаемаго момента, охватить такія широкія дали, собрать вмѣстѣ, въ одинъ фокусъ, всѣ уголки русской жизни, повидимому, такъ непохожіе другъ на друга, куда заглядывали и Горькій, и Сологубъ теперь, а раньше Достоевскій и Гоголь,—все это даетъ право ждать отъ задуманной трилогіи очень многаго. Трилогіи этой, если она будетъ доведена до конца, суждено будетъ стать большой исторической картиной. Городъ Лиховъ Андрея Бѣлаго

и его окрестности, гдѣ появились серебряные голуби, многограннѣе городка Окурова Горькаго и того богоспасаемаго города, гдѣ жилъ, отнынѣ знаменитый, Передоновъ. И многограннѣе, и тоньше...

4.

Но есть и другія произведенія, разсказы, написанныя съ математической стройностью. Читаете такой разсказъ и точно чувствуете его скелетъ, въ видѣ алгебраическихъ формулъ:

$$\begin{array}{c} a + b = d \\ c + e = d \\ \hline a + b = c + e \end{array}$$

Ясно и просто.

Зин. Гиппіусъ, съ такой же ясностью построенія, въ разсказѣ „Приказчикъ" доказываетъ, что нашъ „народъ", опредѣляемый словами „деревня" и „мужикъ", не стоитъ того, чтобы мы ломали надъ нимъ свои интеллигентныя головки, какъ это за послѣднее время дѣлали многіе изъ вдругъ захворавшихъ народолюбіемъ нашихъ молодыхъ художниковъ.

Зин. Гиппіусъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ пекущемуся и, во всякомъ случаѣ, задумывающемуся о народѣ интеллигентному кружку, и потому написанная ею назидательная картинка получаетъ нѣкоторое особенное значеніе и интересъ.

Мнѣ больше всего понравилась въ этомъ разсказѣ простота, съ которой Зин. Гиппіусъ рѣшаетъ этотъ вопросъ.

— Сколько будетъ дважды два?—какъ бы спрашиваетъ она.

— Четыре.

— Ну, вотъ видите...

Для математическаго отвѣта взяты ею студентъ, желающій обнародиться, и кусокъ подлиннаго народа, въ видѣ деревенской дѣвушки Клеопы.

Студентъ Вадичка рзсказываетъ свои мысли замѣняющей ему мать старушкѣ Аннѣ Марковнѣ:

— Вы же знаете, Анна Марковна, мои мысли. Я—не интеллигентъ и не баринъ. Вѣрнѣе—я хочу быть тѣмъ, чѣмъ сейчасъ долженъ стать интеллигентъ. Я хочу войти, наконецъ, въ жизнь, въ русскую жизнь органически.

Анна Марковна уже много разъ слышала это. Но сейчасъ тонъ у Вадима былъ серьезный, взволнованный. И она повернулась въ креслѣ, ждала. Дьяконица равнодушно щелкала спицами.

— Органически, понимаете?—продолжалъ Вадимъ.— Внѣ народа въ Россіи нѣтъ жизни. Но мнѣ противно интеллигентное народничество, это сентиментальное старое хожденіе въ народъ съ какими то поученіями и наблюденіями. Противно мнѣ также и толстовское помѣщичье опрощеніе. Все это не то. Я хочу найти связь интересовъ, понимаете? А для этого нужна органическая связь; и она есть, есть, ее вскрыть надо!

Вадимъ даже поднялся съ мѣста. Анна Марковна глядѣла на него съ восхищеніемъ.

— Это далекій и нелегкій путь,—сказалъ Вадимъ, опять садясь и успокаиваясь.—Но первые шаги ясны.

Университетъ я пока оставлю, имѣнье не продамъ еще, но женюсь и поселюсь въ селѣ.

— Женишься?

— Да, на крестьянской дѣвкѣ. Приму тотъ бытъ, который есть, приму въ себя, понимаете, чтобы изнутри, если надо, расширять его рамки, чтобы войти, а не подняться со стороны, чтобы...

Анна Марковна всплеснула руками.

— Вадечка! Дорогой! Ахъ, какъ хорошо! Ахъ, какъ я тебя понимаю!

Замѣтьте, старушка-помѣщица сразу все поняла. Мало того, горячо обрадовалась такому стремленію юноши „врости въ народъ"! Ибо она интеллигентна.

А вотъ народъ... Прежде всего отецъ этой самой Клеопы, къ которому Вадимъ немедленно побѣжалъ просить руки его дочери. Онъ никакъ не могъ себѣ усвоить, зачѣмъ это понадобилось барину жениться „на мужичкѣ".

— Мы же съ тобой по-людски разговариваемъ,— уговаривалъ его Вадимъ.—Если тебѣ неясны еще мои планы, то съ довѣріемъ ко мнѣ ты относиться во всякомъ случаѣ можешь. Я къ тебѣ не приноравливаюсь, говорю просто, и ты меня знаешь. Вѣдь, выдалъ бы ты Клеопу за другого парня. Ты и то знаешь, что я не нищій какой-нибудь,—сказалъ онъ вдругъ съ усиліемъ и покраснѣлъ. — Усадьба — моя, на арендѣ она у Анны Марковны, ну и дача... Да и кромѣ того...

Онъ остановился, перевелъ духъ и продолжалъ:

— А ты говоришь со мной, точно я изъ Америки пріѣхалъ. Точно Богъ знаетъ какая пропасть (вотъ,

вотъ!) между нами. Я вхожу въ твое положеніе, но и ты въ мое входи.

Но, вѣдь, это только Вадиму кажется, что нѣтъ никакой пропасти. А на самомъ дѣлѣ пропасть эта огромна. Зин. Гиппіусъ видитъ ее всю...

Казалось бы, Клеопа должна была обрадоваться предложенію. Молодой красивый баринъ, помѣщикъ... Чѣмъ не женихъ?

— Такъ идешь за меня? — допрашиваетъ онъ Клеопу.—Я вѣдь, Клеопа, не какъ-нибудь, я изъ Петербурга уѣду, мы съ тобой здѣсь же станемъ жить. Ты на меня не смотри, какъ на барина, вовсе я не баринъ, а такой же какъ ты...

Клеопа уже не смѣялась.

— Что я мужичка сѣрая, такъ и вы мужикомъ? Да мало ихъ, что ли, мужиковъ-то?—заговорила она, сама не зная что. И вдругъ захныкала:

— Что это, право... Я думала, они такъ балуются, а они вонъ что! Гдѣ это видано! Да лучше я сто разъ за Петрушку Лаптева пойду. Коли батюшка приневоливать замужъ станетъ, такъ тому и быть. Отъ него, вонъ, не отвяжешься... А онъ въ Питерѣ артельщикомъ...

Фу, какая... хамка.—Лучше „сто разъ“ за Петрушку Лаптева... И только потому, что онъ въ Питерѣ живетъ! А братъ Клеопы приказчикъ, тотъ не только заявилъ, что сестра замужъ за Вадима не пойдетъ, но при этомъ развилъ цѣлую, видимо, глубокопрочувствованную теорію.

— У меня,—говоритъ онъ Вадиму,—вашего образова-

нія нѣтъ, однако, и мы грамотѣ слава Богу, знаемъ, и въ городѣ малъ-мала понаслушались, понавидались, соображать можемъ. Господа отъ городовъ поустали, ихъ на щи тянетъ, имъ бы, чтобы изъ всякаго города деревня сдѣлалась бы, а мы-то, сѣрый-то народъ,— намъ наша сѣрость, да грязь,—ужъ вотъ гдѣ сидятъ! Вамъ бы все по-вашему, анъ, нѣтъ! не старыя времена! И мы то же по своему хотимъ. Кто съ понятіемъ,—тотъ и царапаетъ понемножку. Земля-то, она дѣло хорошее, да вѣдь земля всѣхъ носитъ да не всѣхъ кормитъ. Вадимъ Ивановичъ! И что же на ней толкаться даромъ-то? Вотъ Петька, кабы сидѣлъ—голодалъ бы, а нынче онъ матери какое на-платье привезъ. Теперь ежели Клеопа за него замужъ выйдетъ— онъ справится, въ Питеръ ее возьметъ, пріучитъ тамъ, покажетъ, какъ люди живутъ, а не то что наши бабы-дуры вѣкъ поясницу гнутъ, да отъ мужа вожжу видятъ. Съ Петькой-то она и пошла, и пошла, потому они ровня, въ одну сторону глядятъ.

Вадимъ слушалъ съ недоумѣніемъ и ужасомъ:

— Илья,—сказалъ онъ,—ты понимаешь ли, что говоришь? Ты изъ мужиковъ, но какой ты мужикъ? Ты выродокъ. Вонъ у тебя булавка стразовая, шляпа... Ты чужого нахватался, свое растерялъ... Ты забылъ. Я больше понимаю. Я въ твоемъ селѣ выросъ...

— Какъ это выросли?—довольно дерзко подхватилъ Илья.—Это что вы по лѣтамъ на дачу-то пріѣзжали, съ нами на рѣчку бѣгали? А пока вамъ въ гимназіи зимой учителя разные предметы читали, да мамаша въ циркъ васъ возила, я, небось, за дровами въ батьки-

ныхъ сапогахъ ѣздилъ, да въ школу-то до свѣта за пять верстъ перъ, слава Богу одѣть что было, то и грамотенъ. Нѣтъ, ужъ вы о своей долѣ судите, а мы о своей.

— Да ты не сердись... Ты разсуди...

— Чего сердиться? Я не сержусь. Тоже книжки читывали, и разговоры вести приходилось. Господа этого въ толкъ не возьмутъ. Сейчасъ „народъ, ахъ, народъ", а до дѣла—такъ мужикъ сиди мужикомъ и ковыряй десятину. Вы меня, Вадимъ Иванычъ, извините великодушно, но какъ я тоже сталъ понимать, что мнѣ некультурно, то вы меня презираете.

Что можетъ быть ужаснѣе такого хамства, которое не въ состояніи понять благородныхъ порывовъ интеллигентнаго юноши?

И Зин. Гиппіусъ дѣлаетъ брезгливую гримасу, спрашиваетъ:

— Теперь видите?

5.

Доказано, что и говоритъ, весьма наглядно. Непонятно только, зачѣмъ это писательницѣ, такъ близко подошедшей къ народу, понадобилось выдвигать вопросъ, являющійся для нашего времени совершеннѣйшимъ анахронизмомъ. Она опоздала, по крайней мѣрѣ лѣтъ на пятьдесятъ. Было время, когда дѣйствительно наши народники одѣвали лапти, чуйки, женились на простыхъ крестьянкахъ. Такихъ браковъ, на почвѣ сближенія - съ народомъ, можно назвать немало. У Выспянскаго есть прекрасная пьеса, „Свадьба" („We-

selle"), гдѣ происходитъ именно такая свадьба. Молодой интеллигентъ женится на простой крестьянской дѣвушкѣ. Выспянскій отнесся крайне отрицательно къ этому явленію, но вовсе не съ той точки зрѣнія, какъ это дѣлаетъ сейчасъ Зин. Гиппіусъ.

Интеллигенты, — прививающіе себя къ народу въ изображеніи Выспянскаго,—только губятъ этотъ народъ, портятъ народное дѣло. Портятъ, помому что деморализируютъ его. Болѣзни свои ему прививаютъ.

Но это вопросъ уже другой... Главное, то, что вопросъ этотъ въ данный моментъ, какъ я уже замѣтилъ, сталъ анахроизмомъ. Если такіе люди, какъ художникъ Гогэнъ, продолжаютъ еще время отъ времени искать спасенія на лонѣ природы, среди почти первобытныхъ людей, то это случаи совершенно исключительные, а главное совершенно другого порядка. Гогэнъ ушелъ къ дикарямъ, настоящимъ дикарямъ. Наше современное народничество, если и преслѣдуетъ цѣли сближенія съ народомъ, то идетъ къ тому совершенно иными дорогами.

— Если,—говоритъ одна изъ героинь Чехова, ты работаешь, одѣваешься и ѣшь, какъ мужикъ, то ты своимъ авторитетомъ, какъ бы узаконяешь эту ихъ тяжелую, неуклюжую одежду, ужасныя избы, эти ихъ глупыя бороды...

Такъ думаютъ теперь многіе. Романтика народничества, подъ давленіемъ жизни, ушла и теперь помѣщикъ, который вздумалъ бы, подобно Вадиму, жениться на крестьянкѣ, съ тѣми же намѣреніями, не многимъ бы отличался отъ человѣка, который любитъ

маскарадъ, любитъ рядиться въ народные костюмы.

Теперь наблюдается скорѣе явленіе обратное. Въ послѣднемъ, только что вышедшемъ, томѣ сочиненій Горькаго есть „Разсказъ Филиппа Васильевича“ про одного молодого деревенскаго парня, прошедшаго разнообразный житейскій путь, напоминающій своими этапами жизнь самого Максима Горькаго. Это юноша съ очень тонкой, интеллигентно воспитанной душой. Въ сущности, онъ — интеллигентъ, но въ то же время онъ по своему положенію — дворникъ и состоитъ на службѣ въ семьѣ профессора, интеллигентность котораго внѣ сомнѣній.

Если Вадимъ у г-жи Гиппіусъ теоретически рѣшилъ жениться на Клеопѣ, то здѣсь произошло совершенно обратное. Молодой дворникъ полюбилъ всей душой дочь профессора Лидію и откровенно въ этомъ признался Филиппу Васильевичу.

И тотъ былъ прямо удивленъ.

— Послушайте, голубчикъ,—заговорилъ онъ, какъ могъ, серьезно и ласково:—поймите, что вѣдь это же—забавно!

— Забавно?—тихо вскричалъ Платонъ, и глаза его удивленно расширились.

— Ну, да!—Мнѣ прямо-таки трудно говорить съ вами серьезно...

— Почему?—повторилъ онъ свой сдавленный крикъ.

— Да вы подумайте,—вамъ девятнадцать лѣтъ... ну, вы, тамъ, кое-что видѣли, кое-что знаете, но — развѣ вы пара ей? Она—дѣвушка образованная, съ тонкими

вкусами... ей органически враждебно все грубое... да не въ этомъ дѣло, наконецъ, а въ полной невозможности такого сочетанія, какъ она и вы... Человѣкъ неглупый, вы сами должны чувствовать эту невозможность... ее нужно именно чувствовать!

— А я не чувствую...—тихо, но упрямо сказалъ онъ и тѣмъ же тономъ спросилъ:

— Развѣ я не человѣкъ, какъ всѣ?

Съ такимъ простымъ, казалось бы, мнѣніемъ Филиппъ Васильевичъ не согласился въ душѣ. О любви дворника онъ повѣдалъ молодой дѣвушкѣ. Открытіе это страшно ее обидѣло.

— Какъ онъ смѣетъ?—растерянно воскликнула она и даже покраснѣла отъ обиды.

Первая мысль, которая мелькнула у нея вслѣдъ за этимъ, это то, что необходимо отказать этому „влюбленному демократу". Но Филиппъ Васильевичъ уговаривалъ ее не дѣлать этого сразу и немного обождать. Дворникъ остался, но съ нимъ начали играть, совершенно какъ кошка съ мышкой.

— Платонъ!—звала Лидочка.

Онъ являлся.

— Вы любите меня?—ласково спрашивала она.

— Да!—твердо говорилъ дворникъ.

— Очень?

— Да,—повторялъ онъ.

— И если бы я попросила васъ о чемъ-нибудь,—мечтательно осматривая его скуластое лицо, таинственно и тихо говорила Лидочка,—вѣдь, вы все сдѣлаете для меня, Платонъ?

— Все!—съ непоколебимой увѣренностью отвѣчалъ дворникъ.

— Ну если такъ, — восторженно улыбаясь, — продолжала она,—если такъ, дорогой мой Платонъ...

Лицо ея становилось печальнымъ и, глубоко вздыхая, она заканчивала:

— Поставьте самоваръ...

А въ глазахъ ея сверкала веселая улыбка.

Онъ шелъ, низко опустивъ голову, и ставилъ самоваръ, а скулы у него становились все острѣе и глаза все глубже уходили подъ лобъ.

Кончилось это тѣмъ, что несчастный Платонъ, которому такъ безпощадно плевали въ самое святое святыхъ его души, пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Въ одномъ изъ клочковъ его рукописей прочли, между прочимъ, такія слова.

„...Медленно и долго поднимался я съ низу жизни къ вамъ на вершину ея, и на все въ пути моемъ я смотрѣлъ жадными глазами соглядатая, идущаго въ землю обѣтованную...“

И вотъ въ эти-то жадные глаза плюнули, и плюнули въ интеллигентной профессорской семьѣ, плюнула дѣвушка юная, добрая, тонко воспитанная и образованная.

6.

Гримаса, сдѣланная Зин. Гиппіусъ нѣсколько неожиданно, вдругъ, очень напоминаетъ эти выходки молоденькой дочери профессора.

У Лѣскова, въ одномъ изъ его разсказовъ, барыня

возмущена и поражена сановникомъ, который плюнулъ въ лицо станціонному смотрителю.

Ее сейчасъ же успокоили:

— Не извольте, сударыня, безпокоиться. У нихъ даже при крещеніи попъ въ голову крещаемому плюетъ.

Мотивъ дикій, но, пожалуй, и до сихъ поръ для многихъ, легко бросающихъ народу свои обвиненія, весьма дѣйствительный и кроющійся гдѣ-то въ глубинѣ ихъ безсознательности.

Я знаю, могутъ сослаться на Чехова и его „Мужиковъ". Но вслушайтесь въ тонъ Чехова, наговорившаго по адресу мужиковъ немало непріятнаго.

— Все же,—говорилъ онъ,—они люди, они страдаютъ и плачутъ, какъ люди, и въ жизни ихъ нѣтъ ничего такого, чему нельзя было бы найти оправданія. Тяжкій трудъ, отъ котораго по ночамъ болитъ все тѣло, жестокія зимы, скудные урожаи, тѣснота, а помощи нѣтъ и неоткуда ждать ее...

Вотъ этого Зин. Гиппіусъ не замѣтила, и потому-то сдѣланная ею гримаса, никого ни въ чемъ не убѣдившая, оставляетъ послѣ себя лишь непріятный arrière gout.

Богоборцы Леонида Андреева.

1.

Если бы Леониду Андрееву былъ поставленъ вопросъ о томъ, существуетъ ли что-нибудь въ мірѣ такое, одно, что онъ ненавидитъ всѣмъ своимъ существомъ, то, я убѣжденъ, онъ отвѣтилъ бы:

— Да, существуетъ. Я ненавижу нашу міровую гармонію.

Борьба съ этой гармоніей, съ укладомъ жизни, неизвѣстно кѣмъ и когда установленнымъ, превратившимъ человѣческую личность, по существу своему свободную, въ раба, убившей все, что было въ этой личности творческаго, вотъ та Ганнибалова клятва, которую далъ себѣ Андреевъ, выступая на арену литературной борьбы. Какъ Анатэма въ его послѣднемъ произведеніи, онъ то и дѣло подходитъ къ желѣзнымъ вратамъ, подкрадывается къ Ограждающему входы и хранящему тайны этой міровой гармоніи. Какъ Анатэма, Андреевъ, то съ безпечнымъ видомъ гуляющаго человѣка, то съ протестующимъ полнымъ гнѣва видомъ богоборца, подходитъ сюда къ этому гнетущему землю и его лично

мѣсту, подходитъ съ разныхъ сторонъ, стучится на разныя манеры, пытается хоть черезъ щелку проникнуть въ эту страшную тайну, въ то, что скрыто отъ человѣка, отгороженнаго отъ дѣйствительной настоящей жизни желѣзными воротами, охраняемыми непроницаемымъ существомъ, ограждающимъ входы. Андреева все время преслѣдуетъ и мучитъ одинъ и тотъ же ужасный мотивъ этой міровой гармоніи.

Для него эта гармонія ни что иное, какъ шарманка, которую онъ такъ ярко и зло нарисовалъ въ „Анатэмѣ". Этого шарманщика, который мимоходомъ останавливается на площади, гдѣ торгуютъ содовой водой еврей, грекъ и русскій, многіе даже не замѣтили.

Между тѣмъ, шарманка въ рукахъ Андреева очень яркій символъ того мірового порядка, въ которомъ очутилось современное человѣчество и который это человѣчество всячески поддерживаетъ.

По ремаркѣ въ самомъ первомъ дѣйствіи, этотъ шарманщикъ, въ благодарность за то, что его напоили и накормили, начинаетъ играть. Играетъ что-то ужасное. Шарманка скрипитъ, обрываетъ, свиститъ... Анатэма злорадно слушаетъ, отмѣчаетъ рукой *едва уловимый тактъ* и подсвистываетъ.

— Боже мой, какъ скверно,—говоритъ Сура.

— Это, госпожа Лейзеръ,—поясняетъ ей Анатэма,— міровая гармонія...

Ужасный мотивъ мелодіи этой шарманки, подобно знаменитой полькѣ въ „Жизни человѣка", проходитъ лейтъ-мотивомъ по всей пьесѣ. Кое-гдѣ его наигрываетъ самъ шарманщикъ, кое-гдѣ его насвистываетъ

Анатэма, а въ одной изъ послѣднихъ картинъ его повторяетъ уже цѣлый, но не менѣе ужасный, оркестръ, собранный для того, чтобы привѣтствовать Давида Лейзера, утѣшителя людей. У шарманщика, принимающаго участіе въ этомъ новомъ оркестрѣ, благодаря деньгамъ Давида Лейзера, новая шарманка, но мотивъ ея прежній. Перемѣнилась, улучшилась только внѣшность, а сущность все та же.

— Смотрите,—какъ бы говоритъ Андреевъ вслѣдъ за Анатэмой,—вотъ она міровая гармонія, и, если можете, радуйтесь ей! И когда шарманка обрываетъ мелодію на свистящей нотѣ, Анатэма ядовито спрашиваетъ:

— Это она всегда такъ кончаетъ?

Шарманщикъ апатично отвѣчаетъ:

— Нѣтъ. Иногда и хуже...

Въ ушахъ звенитъ все время противный назойливый мотивъ. Анатэма злорадно подчеркиваетъ его своимъ свистомъ, а Леонидъ Андреевъ, на фонѣ этой музыкальной картины, какъ на канвѣ, ткетъ свои узоры, превращающіе звуки несносной шарманки въ живые, яркіе, страшные образы. Уже первые слушатели шарманщика—такая иллюстрація къ его мелодіи. Многіе недоумѣваютъ, почему, напримѣръ, Андрееву понадобились для его картины евреи? Одинъ изъ критиковъ, А. В. Амфитеатровъ, даже упрекнулъ Андреева въ томъ, что онъ, не зная ни быта, ни языка, только изъ пустого тщеславія показать свою разносторонность, началъ писать евреевъ, заимствуя языкъ у Айзмана и Юшкевича. Знатоки еврейскаго быта указали мнѣ цѣлый рядъ

ошибокъ, допущенныхъ Андреевымъ. Художественный театръ, говорятъ, слишкомъ реально поставилъ бытовыя картины пьесы и этимъ еще болѣе усилилъ общее недоумѣніе. А въ дѣйствительности, евреи взяты Андреевымъ не спроста, а съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и при томъ имѣющемъ гораздо болѣе серьезныя основанія, чѣмъ желаніе щегольнуть знаніемъ еврейскаго быта. По-моему, напримѣръ, уже одна улица съ нищенскими лавчонками, гдѣ евреи и еврейки торгуютъ квасомъ, зельтерской водой, величавая библейская фигура полунищаго Давида Лейзера дала такую яркую иллюстрацію къ воющей „анаѳемской" шарманкѣ, послѣ которой становится яснымъ все. Народъ, съ тысячелѣтней исторіей, народъ, пронесшій сквозь тьму длиннаго ряда вѣковъ свою самобытную культуру, такъ живо сохранившій типъ, народъ, наконецъ, давшій намъ Мессію, давшій то христіанство, которымъ живетъ сейчасъ весь міръ, этотъ народъ, сыгравшій такую роль въ міровой гармоніи, въ лицѣ своихъ современныхъ представителей,—полуголодный, гонимый, нищій. Это—не камея, которую берегутъ, не старая слоновая кость, а что-то никому не нужное, что-то такое, что всѣ третируютъ, какъ отбросъ человѣчества...

Это евреи. Рядомъ съ ними—грекъ Пурикесъ... Грекъ, потомокъ Перикловъ, Фидіевъ, отпрыскъ народа, оставившаго въ наслѣдство міру произведенія искусства, до сихъ поръ не превзойденныя. Грекъ, предки котораго жили подъ солнцемъ Эллады... Наравнѣ съ греками и евреями, ихъ же судьбу дѣлитъ представитель молодого новаго народа—русскій. Всѣ они повиты

общей судьбой. Всѣ они—и тысячелѣтники, и однодневки,—одинаково превращены кѣмъ-то изъ людей даже не въ животныхъ. Это полуголодныя существа, приспособленныя только къ тому, чтобы поить другихъ, такихъ же какъ они, зельтерской водой или боярскимъ квасомъ. Зельтерская или квасъ—вотъ и вся между ними разница!

— Боже мой, какъ скверно...—слышится голосъ.

— Бываетъ и хуже,—отвѣчаетъ Андреевъ и ведетъ насъ въ царство голода.

„Царь-Голодъ“ Андреева—это сплошной кошмаръ, при томъ кошмаръ страшный, удручающій. Удручающій потому, что отъ него нельзя отмахнуться, какъ отъ сновидѣнія. За этими кошмарными образами чувствуется живая правда, правда жизни.

Вы слышите стоны рабочихъ:

— Мы части машинъ.

— Я молотъ.

— Я шелестящій ремень.

— Я рычагъ.

Вы слышите и сознаете, что да, да, все это правда. А голодная чернь, собирающаяся въ подвалѣ богатаго дома и слушающая, какъ надъ ними танцуютъ богачи? Эти уличныя дешевыя проститутки, хулиганы и ихъ подруги, сутенеры, мелкіе воры, убійцы, нищіе, калѣки и другіе отбросы большого города, все самое ужасное, что могутъ дать нищета, порокъ, преступленіе и вѣчный неутолимый голодъ. Все это—сплошное, дикое, злое уродство, лишь смутно напоминающее человѣка. Здѣсь, на этомъ „днѣ“, судятъ тѣхъ, кото-

рые на верху, судятъ поднявшихся со дна жизни. У всѣхъ тольк одинъ вопросъ—какъ бы уничтожить безъ остатка тѣхъ другихъ, считающихъ себя людьми по преимуществу. А тѣ другіе, въ то же самое время судятъ случайныхъ своихъ плѣнниковъ, которые попадаютъ въ ихъ руки съ этого „дна". Толстой далъ въ „Воскресеньи" картину суда, но она ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что нарисовалъ Андреевъ. У него судьи только „дѣлаютъ видъ размышляющихъ", ибо, въ сущности, размышлять имъ нечего. Одного за другимъ они присуждаютъ къ смерти.

За что?

Вводятъ голодную. Это молодая, стройная, но крайне истощенная дѣвушка, съ блѣднымъ лицомъ. Говоритъ безстрастно, мертвымъ голосомъ.

— Ты что сдѣлала, голодная?

— Убила своего ребенка.

— Какой ужасъ! Эти женщины совершенно лишены материнскаго чувства.

Судьи почему то интересуются подробностями убійства, затѣмъ дѣлаютъ видъ размышляющихъ и приговариваютъ къ смерти.

А вотъ другой обвиняемый. Это мальчикъ, укравшій яблоко. Сопровождающая его мать молитъ о пощадѣ:

— Пожалѣйте, вѣдь онъ для меня укралъ яблоко, судьи. Я больна была, а онъ подумалъ: дай принесу ей яблоко. Пожалѣйте его... Я сама наказывала его...

Но судьи неумолимы:

— Пожалѣешь одного, а тамъ готовъ и другой. Нужно въ корнѣ пресѣкать.

— Это лучше и для нихъ.

Судьи дѣлаютъ видъ размышляющихъ, и осуждающій приговоръ готовъ.

Въ такомъ родѣ и остальные примѣры суда сытыхъ надъ голодными. И вотъ резюмэ, которое дѣлаетъ одинъ изъ судей:

— Сегодня,—обращается онъ къ публикѣ,—вы присутствовали при высоко-поучительномъ зрѣлищѣ. Вѣчное небесное правосудіе, въ лицѣ насъ, судей, ставленниковъ вашихъ, нашло себѣ блестящее отраженіе на землѣ. Подчиняясь только законамъ вѣчной справедливости, чуждые преступной жалости, равнодушные къ мольбамъ и проклятіямъ, слушаясь только голоса совѣсти нашей,—мы озарили землю свѣтомъ человѣческаго разума и великой святой правды. Ни на одну минуту не забывая, что основа жизни—справедливость, мы въ свое время распяли Іисуса, и съ тѣхъ поръ и до сего времени не перестаемъ украшать Голгоѳу крестами. Мы Бога не пощадили—во имя законовъ вѣчной справедливости—станемъ ли мы смущаться воемъ этой голодной безсильной сволочи, ея проклятіями и гнѣвомъ? Пусть проклинаютъ — насъ благословитъ сама жизнь, своимъ покровомъ одѣнетъ насъ великая святая правда.

Эта рѣчь сразу уясняетъ, почему когда русскій торговецъ квасомъ Безкрайній удивленно спросилъ Анатэму:

— А развѣ вы встрѣчали на свѣтѣ справедливость?

Послѣдній весело отвѣтилъ:

— Ничего я не видѣлъ такъ много, какъ справед-

ливости. Ея больше на землѣ, чѣмъ блохъ на хорошей собакѣ.

Міровая гармонія!.. Ты высшая гармонія, высшая справедливость, которая все гнететъ подъ свое ярмо и не даетъ спуску никому.

Одинъ изъ рабочихъ въ „Царѣ-Голодѣ“ глубоко возмущенъ такимъ порядкомъ.

— Я старъ какъ земля,—говоритъ онъ.—Я совершилъ всѣ двѣнадцать подвиговъ, чистилъ конюшни, срубалъ головы гидрѣ, точилъ землю и взрывалъ ее, строилъ города. И такъ измѣнилъ лицо земли, что теперь бы не узналъ его самъ творецъ. И я не знаю, зачѣмъ я дѣлалъ это? Чью волю я творилъ? Къ какой цѣли я стремился? Меня гнететъ моя сила. Объясни же мнѣ, Царь!.. Иначе я возьму мой молотъ и расколю эту землю, какъ пустой орѣхъ!

Такъ говоритъ бунтарь—хаосъ, затаившійся еще кое-гдѣ, въ душахъ, протестующихъ противъ порабощенія міровой гармоніи. Но на ряду съ бунтарями, которыхъ меньшинство, нашлись и другіе люди, которые направили свои поиски по другому пути. Герой повѣсти „Мои Записки“ описываетъ картину борьбы хаоса съ міровой гармоніей, борьбы, происходившей въ душахъ людей, приходившихъ къ нему каяться, искать поддержки въ своихъ исканіяхъ, искать средства для уврачеванія душевныхъ ранъ.

„Я, — разсказываетъ онъ,—видѣлъ, какъ изо дня въ день, изъ часа въ часъ боролись въ ней изначальный и страшный хаосъ съ жаднымъ стремленіемъ къ гармоніи и порядку; какъ въ кровавой борьбѣ извѣчной

лжи съ безсмертной правдой, непостижимыми путями ложь переходила въ правду и правда становилась ложью. Всѣ силы, какія есть въ мірѣ, нашелъ я въ душѣ человѣка и не дремала ни одна изъ нихъ, и въ буйномъ водоворотѣ своемъ каждая душа становилась подобной водяному смерчу, основаніемъ которому служитъ морская пучина, а вершиною небо. И каждый человѣкъ, какъ я это позналъ и увидѣлъ, былъ подобенъ тому богатому и знатному господину, который устроилъ пышный маскарадъ въ замкѣ своемъ и освѣтилъ замокъ огнями; и съѣхались отовсюду странныя маски, и, любезно кланяясь, привѣтствовалъ ихъ господинъ, тщетно вопрошая, кто это; и приходили новые, болѣе странные, все болѣе ужасные, и все любезнѣе кланялся господинъ, шатаясь отъ усталости и страха. А онѣ смѣялись и нашептывали странныя рѣчи объ извѣчномъ хаосѣ, откуда пришли онѣ, покорныя, на зовъ господина [1]). И огни горѣли въ замкѣ— и горѣли въ замкѣ огни—и далеко свѣтились окна, навѣвая мысль о праздникѣ, и все любезнѣе, все ниже, все веселѣе кланялся обезумѣвшій господинъ. Мой благосклонный читатель легко пойметъ, что къ чувству нѣкотораго страха, который я испыталъ, вскорѣ при-

---

[1]) Хотя я глубоко убѣжденъ, что мой вдумчивый читатель вполнѣ понимаетъ меня, все же, во избѣжаніе недоразумѣній, считаю необходимымъ ему разъяснить приведенную аллегорію: замокъ—это душа; господинъ—это человѣкъ, властитель своей души; странныя маски—это тѣ силы, которыя дѣйствуютъ въ душѣ человѣка и въ таинственное существо которыхъ онъ не можетъ проникнуть никогда.

соединился глубочайшій восторгъ и даже умиленіе: ибо уже вскорѣ я увидѣлъ, что побѣжденъ извѣчный хаосъ, и поднимается къ небу торжествующая пѣсня свѣтлой гармоніи".

Гармонія эта осуществляется у него въ видѣ тюрьмы изъ темно-бураго стараго кирпича. Тюрьма эта, по словамъ автора „Записокъ", производитъ впечатлѣніе сумрачное, даже угрожающее, особенно на людей нервныхъ, которымъ красные кирпичи напоминаютъ кровь и кровавые куски человѣческаго мяса. Небольшія темныя плоскія окна съ желѣзными рѣшетками естественно завершаютъ это впечатлѣніе, и всему цѣлому придаютъ характеръ угрюмой гармоничности, суровой и мрачной красоты. Отсюда—знаменитая формула желѣзной рѣшетки, какъ вѣнецъ мірозданія, какъ одно изъ средствъ установленія правильнаго теченія міровой жизни.

„...Рѣшетка, это—та схема, въ которой расположены управляющіе міромъ законы, упраздняющіе хаосъ и на его мѣсто возстановляющіе забытый людьми строгій, нерушимый порядокъ". У этой тюрьмы есть свой планъ. Авторъ „Моихъ Записокъ", такъ твердо увѣровавшій въ спасительность желѣзной рѣшетки, ощутилъ и существованіе этого плана. Онъ почувствовалъ его, какъ почувствовалъ Анатэма желѣзныя двери, скрывающія тайну. Съ тою только разницей, что Анатэма бурно потребовалъ открыть эту желѣзную рѣшетку, а авторъ „Моихъ Записокъ" почтительно обратился съ просьбой показать ему планъ къ г. Начальнику тюрьмы. И когда тотъ ему отвѣтилъ на эту

просьбу „вѣжливымъ“ отказомъ, то онъ этимъ покорно удовлетворился, успокоивъ себя тѣмъ, что Начальникъ тюрьмы сдѣлалъ это „отнюдь не по чувству недовѣрія, а лишь потому, что такой планъ составляетъ государственную тайну“. Совершенно ясно, что Ограждающій входы и г. Начальникъ тюрьмы одно и то же лицо и функціи ихъ совершенно одинаковы. Оба они стоятъ на стражѣ той тайны, тѣхъ желѣзныхъ старыхъ, старыхъ вратъ, которыя скрываютъ отъ человѣка подлинную правду и такъ оберегаютъ ту ужасную міровую гармонію, которую Андреевъ символизировалъ одновременно двумя образами—разстроенной шарманки и основанной на неизбывной человѣческой глупости тюрьмы. Образы міровой гармоніи, написанные Андреевымъ, ужасны сами по себѣ и, казалось бы, могли бы поднять въ душѣ человѣка тотъ бунтъ, который ему присущъ и который онъ такъ кошмарно нарисовалъ въ „Царѣ-Голодѣ“, „Маскахъ“ и другихъ произведеніяхъ. Но Андреевъ знаетъ природу человѣка, знаетъ того внутренняго врага, который держитъ свободную человѣческую душу въ тюрьмѣ, знаетъ г. Начальника тюрьмы, властнаго Охранителя входовъ, знаетъ, въ чемъ его сила.

— Мое лицо открыто,—говоритъ ему Ограждающій входы,—но ты его не видишь. Моя рѣчь громка, но ты ея не слышишь. Мои велѣнія ясны, но ты ихъ не знаешь, Анатэма, и не узнаешь никогда.

Загадка, мучительная для Анатэмы. Многіе объясняютъ, что этотъ Нѣкто, Ограждающій входы,—смерть. Но такое толкованіе невѣрно. Смерть все же хоть

когда-нибудь должна была бы что-нибудь открыть въ томъ или иномъ смыслѣ. Между тѣмъ, Нѣкто прямо говоритъ Анатэмѣ, что онъ *никогда* не увидитъ и никогда не узнаетъ истины. Начальникъ тюрьмы, Ограждающій входы тожъ, нѣчто живое, при томъ гнѣздящееся въ душѣ каждаго человѣка. Это именно та пелена, тѣ перегородки, которыя открылъ въ своей душѣ докторъ Керженцовъ или герцогъ Лоренцо. Изъ нихъ, изъ этихъ частичныхъ, единичныхъ перегородокъ, складываются тѣ огромныя, гнетущія землю, врата, которыя скрываютъ за собой гнетущую землю, тайну міровой гармоніи и которыя поддерживаются неизбывной человѣческой глупостью. Задача Андреева не только показать эти ужасныя врата, не только обнаружить всѣми ощущаемаго Начальника тюрьмы, но въ то же время, и это самое главное, уничтожить главнѣйшія переборки, изъ которыхъ сложены стѣны этой тюрьмы.

2.

Объ „Анатэмѣ“ многіе изъ критиковъ уже высказались какъ о чемъ то совершенно особнякомъ стоящемъ и даже пытались указать заимствованія, сдѣланныя Андреевымъ у Эсхила, Байрона и др.—заявленіе явно неосновательное. Для меня, когда я прочелъ „Анатэму“, только какъ бы пріотворилась дверь въ лабораторію Леонида Андреева, въ ту лабораторію, въ которой онъ выковываетъ орудіе для уничтоженія навязанной намъ міровой гармоніи, выковываетъ въ теченіе многихъ лѣтъ, съ первыхъ дней своей еще долитературной дѣятельности. Андрееву не дешево обо-

шлась его работа. Мы знаемъ въ его біографіи рядъ покушеній на самоубійство, покушеній, явившихся прямымъ результатомъ тяжелой внутренней борьбы, искренней внутренней боли по поводу того, что онъ видѣлъ вокругъ себя въ жизни, и еще болѣе того, что творилось въ немъ самомъ. Отчаяніе и боль, разлитыя въ „Анатэмѣ", не есть что-нибудь случайное, надуманное, искусственное. Ясно, что это болятъ старыя раны, но болятъ молодой болью. Вотъ Анатэма, въ противоположность всѣмъ другимъ Мефистофелямъ, съ которыми его такъ охотно сравниваютъ, не черенъ, а сѣдъ. Онъ сѣдой, онъ старикъ. А сѣдымъ онъ былъ не всегда. И вовсе не такъ ужъ трудно указать время, когда онъ былъ не сѣдымъ старымъ чортомъ, а молодымъ черноволосымъ юношей. Юноша этотъ видѣлъ, какъ прокаженные разбивали себѣ головы о стѣну, отдѣлявшую ихъ отъ того, что, какъ имъ казалось, даетъ свѣтъ и радость жизни. Онъ же видѣлъ доктора Керженцова съ его страшнымъ открытіемъ внутренняго врага въ самомъ, казалось бы, безопасномъ своемъ углу, въ собственной мысли. Видалъ Василія Ѳивейскаго. Я не буду подробно останавливаться на этой генеалогіи Анатэмы. Думаю, что уже и сейчасъ никому не покажется парадоксомъ мысль, что старый Анатэма никто иной, какъ посѣдѣвшій Савва, какъ новое перевоплощеніе гордаго человѣческаго духа.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое Савва? Монахи, выведенные въ пьесѣ, именуютъ его антихристомъ. Сестра Липа пытается пришпилить къ нему сначала ярлыкъ террориста, а затѣмъ, когда онъ отъ террористовъ

отрекается, называетъ его анархистомъ. Но Савва не признаетъ и этого титула.

— Они,—говоритъ Савва объ анархистахъ,—не товарищи мнѣ; у меня нѣтъ товарищей.

— Но вѣдь ты же анархистъ?—недоумѣваетъ Липа.

— Нѣтъ.

Однако, недоумѣній Липы Савва не разъясняетъ. Нѣкоторыя объясненія по этому поводу онъ даетъ монаху Кондратію.

— Я, дядя,—говоритъ ему Савва,—человѣкъ, который однажды родился. Родился и пошелъ смотрѣть. Увидѣлъ церкви—и каторгу. Увидѣлъ университеты—и дома терпимости. Увидѣлъ фабрики—и картинныя галлереи. Увидѣлъ дворецъ—и нору въ навозѣ. Подсчиталъ такъ, понимаешь, сколько на одну галлерею остроговъ приходится, и рѣшилъ: надо уничтожить все. И мы это сдѣлаемъ.

Савва идетъ дальше анархистовъ. Онъ, жизнерадостный, веселый, любящій дѣтей, играющій съ ними въ рюхи, глубоко презираетъ окружающую его дѣйствительность, ненавидитъ людей, убѣжденъ въ томъ, что всѣ они никуда негодный матеріалъ, который можетъ только тормозить дѣло обновленія земли.

— Повѣрь мнѣ, монахъ, — говоритъ Савва, — я исходилъ много городовъ и земель и нигдѣ я не видѣлъ свободнаго человѣка. Я видѣлъ только рабовъ. Я видѣлъ клѣтки, въ которыхъ они живутъ, постели, въ которыхъ они родятся и умираютъ. Я видѣлъ ихъ вражду и любовь, грѣхъ и добродѣтель. И на всемъ, что я видѣлъ, лежитъ печать глупости и безумія. Ро-

дившійся умнымъ—глупѣетъ среди нихъ, родившійся веселымъ—вѣшается отъ тоски и высовываетъ имъ языкъ. Среди цвѣтовъ прекрасной земли,—ты еще не знаешь, монахъ, какъ она прекрасна!—они устроили сумасшедшій домъ.

Планъ обновленія, который придумалъ Савва, весьма радикаленъ. Онъ пришелъ къ выводу, что обновить міръ можно только полнымъ упраздненіемъ всего стараго. Нужно совершенно оголить землю, снять съ нея все, что на нее нанесено вѣками, и ждать новыхъ всходовъ.

— Уничтожить все,—говоритъ онъ Липѣ.—Старые дома, старые города, старую литературу, старое искусство...

Ничинаетъ Савва свое дѣло оголенія земли съ Бога.

Припомните его разговоръ съ сестрой Липой.

— Есть ли у тебя,—спрашиваетъ Липа,—такой врагъ, одинъ, что ли, котораго бы ты особенно не любилъ, ненавидѣлъ?

— Такой, пожалуй, есть: Богъ.

— Что?!.—ужасается Липа.

— Богъ, я говорю. Ну, тотъ, кого вы называете вашимъ Спасителемъ.

Такъ ясно Савва опредѣляетъ свою конечную цѣль и столько же опредѣленно намѣчаетъ и ближайшую программу дѣйствій.

— Послѣ Бога,—говоритъ онъ,—мы примемся за другихъ. Тамъ ихъ много: Тиціаны, Шекспиры, Пушкины, Толстые. Изъ всего мы сдѣлаемъ хорошенькій

костерчикъ и польемъ его керосиномъ. Потомъ мы сожжемъ ихъ города.

Въ пьесѣ—начало осуществленія этого грандіознаго плана оголенія земли. Савва, десять лѣтъ не бывшій на родинѣ, неожиданно для всѣхъ пріѣзжаетъ сюда за двѣ недѣли до праздника въ мѣстномъ монастырѣ, обладающемъ чудотворной иконой Спасителя. Къ этому празднику обыкновенно стекается много богомольцевъ, сюда приходятъ люди изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, даже изъ Сибири, всѣ идутъ со своимъ горемъ, своими болѣзнями, всѣ жаждутъ чуда и вѣрятъ въ это чудо. Савва рѣшилъ на глазахъ у всѣхъ взорвать этотъ образъ, упразднить вѣру въ чудо, а затѣмъ и въ самого Бога.

Но первый шагъ Саввы кончается полнымъ его пораженіемъ. Онъ разбивается объ „неизбывную человѣческую глупость", въ которой онъ видитъ главную причину несчастія всего рода человѣческаго. Монахъ Кондратій, пьяница, вѣрующій болѣе въ чорта, нежели въ Бога, самъ признающійся, что не вѣритъ въ чудотворность образа, и мечтающій о томъ, какъ бы выйти изъ монастыря и открыть кабакъ, обманываетъ надежды Саввы самымъ коварнымъ образомъ. Получивъ отъ него адскую машину, онъ, вмѣсто того, чтобы, какъ научилъ его Савва, заложить эту машину подъ образъ, идетъ къ игумену и сообщаетъ ему обо всемъ подробно. Посовѣтовавшись, игуменъ съ братіей сознательно закладываютъ адскую машину, но самый образъ заблаговременно уносятъ. Происходитъ взрывъ.

Икону приносятъ на старое мѣсто, конечно, невредимой.

Въ результатѣ—новое чудо. Сами монахи приходятъ въ экстазъ, многочисленная толпа народа тоже. Всѣ ходятъ „какъ пьяные“, поютъ „Христосъ воскресе“. Самъ монахъ Кондратій преображается, глубоко вѣритъ въ чудо, плачетъ и подробно разсказываетъ всѣмъ и каждому, какъ это чудо совершилось.

Савва въ ужасѣ. И не столько отъ того, что Кондратій его обманулъ, сколько отъ того новаго прилива вѣры, который это чудо вызвало у всѣхъ.

— Ты вѣдь понимаешь, Кондратій,—въ ужасѣ бросается онъ къ монаху,—ты вѣдь умный человѣкъ, очень умный,—что это чепуха. Подумай, братъ, подумай. Вѣдь икону вынесли—какое же тутъ чудо?

Но Кондратій непоколебимъ. Онъ глубоко вѣритъ въ чудо.

— А вы думаете, — убѣжденно отвѣчаетъ онъ Саввѣ,—какъ чудо бываетъ? Эхъ, вы!.. Вотъ вы тоже человѣкъ умный, а простой вещи сообразить не можете: все вѣдь вы сдѣлали, а? Все: и машинку мнѣ дали, и взрывъ былъ. Все. А икона то цѣла! цѣла, я говорю, икона то? Вотъ вы черезъ это перескочите съ вашимъ умомъ то!

И для всѣхъ, начиная съ родной сестры Саввы, Липы, съ нѣжной, мягкой душей, и кончая тупымъ трактирщикомъ, объясненія монаха Кондратія представляются глубоко убѣдительными. Всѣ вѣрятъ въ чудо. Толпа, понемногу собравшаяся вокругъ Саввы спорившаго съ монахомъ, тоже вѣритъ въ чудо, набрасывается на Савву, котораго родная сестра клеймитъ именемъ антихриста, здѣсь же жестоко убиваетъ

его и затѣмъ, бросивъ изуродованный трупъ, бѣжитъ съ пѣніемъ „Христосъ воскресе“ за иконой, которую съ крестнымъ ходомъ несутъ изъ монастыря. Савва падаетъ жертвой именно той „неизбывной человѣческой глупости“, которую онъ такъ ненавидѣлъ и противъ которой такъ мужественно выступилъ.

Въ сущности, въ пьесѣ Андреева только два дѣйствующихъ лица и есть. Это—оголитель земли Савва и его врагъ—„неизбывная человѣческая глупость“. Всѣ персонажи пьесы, кромѣ Саввы, представляютъ собой, какъ я уже замѣтилъ, лишь детали, лишь отдѣльныя составныя части, дающія въ общей своей суммѣ именно ту „неизбывную человѣческую глупость“, которая одерживаетъ побѣду надъ всѣми энергичными порывами свободной индивидуальной души Саввы.

Всѣ эти элементы, другъ на друга непохожіе, другъ съ другомъ враждующіе (Иродъ и монахи), другъ другу противорѣчащіе объединяются только однимъ: всѣ они, безъ исключенія, вѣрятъ слѣпо, фанатично вѣрятъ въ чудо, истинное значеніе котораго видитъ одинъ только Савва. Самымъ яркимъ въ этомъ коллективномъ дѣйствующемъ лицѣ является конечно монахъ Кондратій, самъ вынесшій образъ и самъ же увѣровавшій въ чудо. Всѣ остальные, вмѣстѣ съ многотысячной, кричащей толпой народа, представляютъ собой огромное, страшное своей тупой громадой и жестокое чудовище „неизбывной человѣческой глупости“, какое то „чудовище обло, озорно, стозѣвно и лаяй“, чудище, передъ которымъ богоборецъ Савва представляется какимъ то лилипутомъ. Андрееву хотѣлось со-

здать образъ стихійной, тупой огромной силы, воплощеніе глупости, которая усиливается отъ всего пошлаго и бездарнаго и которая давитъ все живое, все сколько-нибудь самостоятельное.

3.

Затѣмъ далѣе. Почему Савва начинаетъ борьбу съ этой громадой человѣческой глупости упраздненіемъ чуда? Это совершенно естественно.

Знакомясь съ нашими вольнодумцами XV вѣка, „жидовствующими", которые тоже пропагандировали свое ученіе тѣмъ, что подвергали иконы всяческому поруганію, я встрѣтилъ въ одной изъ рукописей уже того времени такое, уже приведенное мною въ первой статьѣ, заявленіе: „душа самовластна, преграда ей—вѣра". Саввы, взявшіе на себя разрушеніе этихъ преградъ,—явленіе давнишнее. Они давно поняли всю силу этого тормаза. Вы, конечно, помните удивительную по силѣ легенду о Великомъ Инквизиторѣ. Инквизиторъ этотъ, олицетвореніе господствующей церкви, прямо ставитъ въ упрекъ Христу, что онъ отвергалъ чудо и разсчитывалъ только на избранныхъ сильныхъ людей.

— Мы, — говоритъ ему инквизиторъ, — исправили подвигъ Твой и основали его на чудѣ, тайнѣ и авторитетѣ. И люди обрадовались, что ихъ вновь повели какъ стадо, и что съ сердецъ ихъ снятъ, наконецъ, столь страшный даръ, принесшій имъ столько муки.

Да, обрадовались, но обрадовались слабыя души. А тѣ—избранные, тѣ, которыхъ имѣлъ въ виду Христосъ, сильные, самостоятельные, жаждавшіе свободной вѣры,

а не чудесной,—не могли, конечно, не стать въ ряды бунтовщиковъ и не выступить активно противъ чудесъ. Леонидъ Андреевъ взялъ своего Савву именно изъ рядовъ этихъ бунтовщиковъ. Основа его пьесы поэтому не только глубоко реальна, но прямо-таки цѣликомъ взята изъ нашей русской дѣйствительности. Многіе, вѣроятно, припомнятъ, что совершенно аналогичная попытка взорвать чудотворную икону была произведена въ одномъ изъ монастырей Курской губерніи. Былъ взрывъ, изломавшій все до желѣзной рѣшетки включительно, но икона осталась неприкосновенной. А что такое кража чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, которая до сихъ поръ не розыскана? Драгоцѣнности, украшавшія икону, могли бы быть украдены съ гораздо меньшимъ рискомъ. Очевидно, воры имѣли въ виду другую цѣль. Или сравнительно недавній случай съ покойнымъ Іоанномъ Кронштадтскимъ, котораго въ церкви ударилъ палкой какой то человѣкъ во время выхода его съ чашей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ ударившій откровенно далъ объясненія, совершенно аналогичныя съ тѣми, которыя даетъ Савва. А удивительный по силѣ разсказъ Достоевскаго о томъ, какъ одинъ сомнѣвавшійся стрѣлялъ въ причастіе! Леонидъ Андреевъ только подчеркнулъ въ своей пьесѣ тѣ стремленія „самовластной души“ избавиться отъ угнетающей ее „преграды“, которыя въ нашей общественной жизни проявляются все больше и больше.

Савва отрекся отъ клички анархиста. И, пожалуй, онъ правъ. По сравненію съ Бакуниным.

Крапоткинымъ и другими, онъ — сверхъ-анархистъ. Тѣ еще надѣются переустроить землю по-своему; Савва отказывается приступить къ работѣ до полнаго „оголенія“ земли. Потому то въ разсказѣ „Такъ было—такъ будетъ“ Леонида Андреева даже французская революція, именуемая обыкновенно великой, представлена крайне мелкимъ и совершенно ничтожнымъ эпизодомъ. Андреевъ вѣритъ, что новая жизнь, новые всходы можетъ дать только заново вспаханная, обновленная и очищенная отъ всего стараго земля.

Отъ всего стараго, а главное отъ „неизбывной человѣческой глупости“.

Въ сущности, Савва еще ничего не далъ положительнаго. Онъ намѣчаетъ основную программу и констатируетъ самый фактъ существованія „неизбывной человѣческой глупости“. Его попытка упраздненія чуда дала даже какъ-будто результаты совершенно противоположные. Она укрѣпила ту самую крѣпость міровой гармоніи, разрушить которую взялся Савва.

Христосъ воскресъ, и тѣмъ, которые уже были въ гробахъ, которые, казалось, были погребены, даже такимъ живымъ мертвецамъ, какъ монахи, какъ Кондратій, этотъ воскресшій Христосъ далъ новую жизнь, новыя силы. Савва убитъ, а его враги торжествуютъ. И убиваетъ Савву никто иной, какъ царь Иродъ, всѣмъ своимъ существомъ, не менѣе Саввы, ненавидящій монаховъ, этотъ человѣкъ, носящій вериги и любящій Христа, Христа евангельскаго.

— Спасителя хотѣлъ? — накидывается онъ на Савву.—Христа?

— Тебя обманываютъ, — пытается его вразумить Савва.

— Люди могутъ обмануть,—говоритъ царь Иродъ,— Христосъ—нѣтъ.

И здѣсь же убиваетъ Савву. Повидимому Андреевъ не спроста заставилъ нанести первый сильный смертельный ударъ именно царя Ирода. Монахъ Кондратій и другіе монахи не столько служители, сколько эксплоататоры „неизбывной человѣческой глупости". Имъ, въ сущности, все равно, что водкой торговать, что благодатью. Они не опасны Саввѣ, ихъ слишкомъ легко раскрыть и разгадать. Царь Иродъ и робкая Липа гораздо опаснѣе, ибо они не только за страхъ, но и за совѣсть будутъ защищать міровую гармонію.

— Тутъ,—разсказываетъ Саввѣ Липа,—есть икона Спасителя съ трогательной надписью: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные"...

— „И Азъ",—подхватываетъ Савва,—„упокою вы". Знаю.

— Пойди, посмотри,—говоритъ ему Липа.—Точно рѣка притекаетъ къ монастырю, точно море подходитъ къ его стѣнамъ—и все это море изъ однихъ человѣческихъ слезъ, страданій, горя. Какіе уроды, какіе калѣки... Есть такія лица, съ такой глубиною страданія, что ихъ никогда не забудешь...

Савва чувствуетъ всю силу, огромную силу той власти, которая держитъ въ подчиненіи Липу. Та же власть держитъ въ подчиненіи и нищаго старика, носящаго прозвище царь Иродъ.

По-моему, въ „Саввѣ" кроются уже совершенно

опредѣленно всѣ элементы того, что позднѣе развито Андреевымъ въ Анатэмѣ.

4.

Савва, богоборецъ, объявляетъ войну не только Богу, стоящему въ центрѣ нашей міровой гармоніи, но и его работникамъ, его служителямъ. И такимъ служителямъ, какъ монахъ Кондратій, эксплоатирующій тайну, и такимъ, какъ царь Иродъ или Давидъ Лейзеръ. Недаромъ такой переполохъ въ станѣ великихъ инквизиторовъ. Это пунктъ, исходя отъ котораго Андреевъ постепенно, строго систематически, начинаетъ вытаскивать камень за камнемъ изъ зданія міровой гармоніи, зданія, покоющагося на фундаментѣ „неизбывной человѣческой глупости".

„Мои Записки", вышедшія почти за два года до „Анатэмы", въ этомъ отношеніи особенно заслуживаютъ вниманія.

Леонидъ Андреевъ очень любитъ говорить притчами... И его повѣсть „Мои записки" не только не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи, но даже наоборотъ. Это очень сложный, едва ли не сложнѣе предшествующихъ, ребусъ.

— Что это такое?—слышишь со всѣхъ сторонъ.

— Что хотѣлъ сказать Андреевъ?

И объясненія сыплятся самыя разнообразныя.

— Конечно, Андреевъ далъ новую злую сатиру на жизнь человѣка,—говорятъ одни.

— Это—говорятъ другіе,—просто записки сумасшед-

шаго... Записки совершенно того же тона, которыя далъ Гоголь, Апухтинъ, Гаршинъ...

И такое мнѣніе на первый взглядъ даже какъ будто бы имѣетъ много за себя.

Въ самомъ дѣлѣ, авторъ записокъ, отъ лица котораго идетъ разсказъ, очень легко можетъ быть признанъ за человѣка ненормальнаго. Надъ нимъ тяготѣетъ ужасное кровавое обвиненіе въ убійствѣ отца и брата, преступленіе, за которое онъ былъ присужденъ къ смертной казни, замѣненной тюрьмой... Онъ сильно страдалъ въ первые годы пребыванія въ тюрьмѣ, нервничалъ, волновался... Одиночное заключеніе часто приводитъ къ сумасшествію...

Все это—такъ, и разъ такой субъектъ велъ свои записки, то, конечно, ихъ съ нѣкоторымъ правомъ можно назвать записками сумасшедшаго. Но дѣло не въ этомъ. Здѣсь важно уяснить, ставилъ ли себѣ Андреевъ въ своей новой вещи такую отвлеченную, чисто художественную психологическую задачу, или у него были цѣли иныя?

Съ увѣренностью можно сказать, что главное для писателя было не въ отвлеченной психологіи. Нельзя забывать, что Андреевъ вообще любитъ эту форму повѣствованія, любитъ говорить отъ лица другого, въ формѣ записокъ, при томъ отъ лица человѣка, производящаго впечатлѣніе психически ненормальнаго.

Возьмите его „Красный смѣхъ"... Съ такимъ же правомъ, какъ и „Мои записки", эту кошмарную повѣсть можно назвать записками сумасшедшаго.

Однако, этого никто не сдѣлалъ, такъ какъ слиш-

комъ ужъ ясна была основная тенденція разсказа, ставившаго себѣ задачей подчеркнуть психическую энергію „Краснаго смѣха", какъ явленія стихійнаго.

„Мои записки" не такъ опредѣленно подчеркиваютъ главное: у нихъ красная нить основной мысли автора теряется въ прихотливыхъ узорахъ сложнаго рисунка, въ массѣ брошенныхъ авторомъ побочныхъ мыслей, и потому она улавливается съ неизмѣримо бо́льшимъ трудомъ.

Многіе судятъ о всей нити только по тѣмъ кусочкамъ, которые ярче другихъ и потому больше бросаются въ глаза.

— Нѣтъ,—могутъ возразить сторонникамъ приведеннаго выше взгляда.—Это не записки сумасшедшаго. Андреевъ просто хотѣлъ показать, что наша жизнь—тюрьма, что, въ сущности, вся земля—большая, общая тюрьма, въ которую заключены люди всѣ сразу только потому, что нѣтъ мѣста для заключенія каждаго изъ нихъ въ одиночныя камеры.

Это толкованіе уже ближе подходитъ къ истинѣ, и его можно очень хорошо обосновать цитатами изъ новой повѣсти Андреева. Для этого, безспорно, есть данныя.

Но, все же, это только частица главнаго, очень, въ сущности, элементарная.

Кому мысль о такой тюрьмѣ не приходила въ голову? Даже герой Горькаго, студентъ перваго курса Миша Малининъ, очутившійся въ тюрьмѣ, уже черезъ нѣсколько дней писалъ любимой дѣвушкѣ стихи:

Сквозь желѣзныя рѣшетки
Съ неба въ окна смотрятъ звѣзды.

Ахъ, въ Россіи даже звѣзды
Смотрятъ съ неба сквозь рѣшетки...

Нѣтъ, это не то, и для Андреева слишкомъ ужъ элементарная задача.

Впередъ можно сказать, что надъ разработкой этого образа, какъ чего-то совершенно самостоятельнаго, онъ не сталъ бы работать.

Онъ беретъ всегда грандіозныя міровыя проблемы. „Мои записки"—безспорно этюдъ для одной изъ такихъ проблемъ, и я ставлю ихъ въ прямую связь съ его „Саввой", его же послѣднимъ разсказомъ „Тьма" и Достоевскимъ.

Это, повторяю, новый шагъ, но все въ томъ же неизмѣнно одномъ направленіи разрушенія міровой гармоніи.

Революціонеръ въ разсказѣ „Тьма" отрекается отъ этой гармоніи совершенно прямо, такъ же прямо, какъ Карамазовъ у Достоевскаго.

Припомните его такъ много дебатировавшуюся фразу:

— Стыдно быть хорошимъ, когда остальные плохи.

Переведите эту фразу на языкъ Достоевскаго и вы услышите въ ней ни что иное, какъ почтительнѣйшій отказъ Ивана Карамазова отъ билета на входъ въ высшую гармонію.

Иванъ Карамазовъ вѣдь не противъ гармоніи. Онъ только находитъ, что билетъ ему не по карману.

— Представь,—говоритъ онъ Алешѣ,—что ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ

и покой: но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь только крохотное созданьице, вотъ того самого ребеночка, бившаго себя кулачкомъ въ грудь, и на неотмщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе, согласился ли бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ?.. Скажи и не лги!

— Нѣтъ, не согласился бы,—отвѣтилъ Алеша.

— И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которыхъ ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленькаго, замученнаго, а принявъ,—остаться на вѣки счастливыми?

Вотъ вопросъ, который былъ просто безъ мотивировки разрубленъ Андреевымъ въ „Тьмѣ“ и который теперь болѣе глубоко и вдумчиво разрѣшается въ повѣсти „Мои записки“.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ на него Андреевъ въ своей „Тьмѣ“,—не согласенъ.

Естественно, что, отрекаясь такимъ образомъ отъ высшей гармоніи, высшаго счастья, онъ этимъ самымъ давалъ свое согласіе на то, чтобы кругомъ царилъ хаосъ, предпочиталъ этотъ хаосъ высшей гармоніи, блаженному, спокойному существованію.

— Не хочу гармоніи,—какъ бы повторялъ Андреевъ слова Ивана Карамазова,—изъ-за любви къ человѣчеству не хочу. Я хочу лучше оставаться со страданіями неотомщенными... Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію—не по карману нашему вовсе столько платить за входъ... А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно.

Не сторговались... Но Андреевъ не захотѣлъ, чтобы осталось такое впечатлѣніе, будто ему показался дорогъ билетъ и только потому онъ не призналъ высшей гармоніи. Не хотѣлось ему, какъ Ивану Карамазову, чтобы въ этомъ отказѣ видѣли безцѣльный простой бунтъ хаоса, бунтъ анархизма.

И вотъ, вслѣдъ за Карамазовымъ, разсказавшимъ Алешѣ легенду о великомъ инквизиторѣ, Андреевъ разсказываетъ свою собственную легенду, о томъ же инквизиторѣ, но только болѣе пессимистическую, безотрадную для высшей гармоніи и, по своей основной тенденціи, глубоко-анархическую.

5.

Вы, конечно, помните, какъ отвѣтилъ Алеша брату на его отказъ отъ билета на высшую гармонію.

— Братъ,—сказалъ онъ, засверкавъ глазами,—ты сказалъ сейчасъ: есть ли во всемъ мірѣ существо, которое могло бы и имѣло право простить? Но существо это есть, и Оно можетъ все простить, всѣхъ и вся и за все, потому что Само отдало неповинную кровь Свою за всѣхъ и за все. Ты забыль о Немъ, и на Немъ-то и созиждется зданіе...

Вмѣсто дорогого билета Ивану Карамазову предлагалась дешевая контрамарка: перекидывался компромиссный мостикъ.

Но Иванъ Карамазовъ и отъ контрамарки отказался.

— А это Единый и безгрѣшный и Его кровь,—заявилъ онъ и разсказалъ свою знаменитую легенду о

великомъ инквизиторѣ, направленную всецѣло противъ господствующей религіи и ея жрецовъ, извратившихъ ученіе Христа и замѣнившихъ слишкомъ высокіе, по ихъ мнѣнію, непосильные людямъ, идеалы христіанства своими собственными законами, соткавъ на нихъ, какъ на канвѣ, вмѣсто высшей гармоніи только ея суррогатъ.

Достоевскій имѣлъ въ виду религію, и даже болѣе частно—католицизмъ.

По Достоевскому выходитъ такъ, что, не будь великаго инквизитора,—жизнь могла бы быть лучше.

Андреевъ пошелъ дальше. Онъ ополчился противъ самой высшей гармоніи. Въ своей символической притчѣ онъ не только нарисовалъ картину такой высшей гармоніи, достигнутой по рецепту великаго инквизитора Достоевскаго, но и сказалъ, что въ сущности другой она не можетъ быть. Андреевъ выдернулъ послѣднюю мистическую подпорку изъ-подъ этой высшей гармоніи.

Прежде всего, онъ нарисовалъ передъ читателемъ портретъ самого великаго инквизитора, устроителя этой высшей гармоніи.

Портретъ во весь ростъ. Увеличилъ портретъ, нарисованный Достоевскимъ, многое подчеркнулъ, многое дорисовалъ, и, если въ легендѣ довольно смутно чувствуется дѣйствительное отсутствіе вѣры въ Бога, то у Андреева это уже стоитъ чернымъ по бѣлому.

Онъ вездѣ ставитъ точки надъ і.

Для большей опредѣленности его инквизиторъ—математикъ, позитивистъ. Въ немъ и намека нѣтъ на мистицизмъ, и онъ самъ это не разъ подчеркиваетъ.

Оба инквизитора останавливаются на евангельскомъ

разсказѣ объ искушеніи Христа сатаной въ пустынѣ. Оба они изучили евангеліе.

— Евангеліе,—признается герой Л. Андреева,—составляетъ уже давно мою настольную книгу. Нѣтъ дня въ моей жизни, когда я не развернулъ бы этой великой книги, черпая въ ней силу и мужество для прохожденія моего нелегкаго пути.

И если инквизиторъ Достоевскаго, вѣрящій въ то, что Христосъ отказался отъ соблазновъ сатаны, упрекаетъ его за это—такъ какъ людямъ именно нужно то, что предлагалъ сатана и что онъ, инквизиторъ, ввелъ въ обиходъ потомъ, исправляя евангельское ученіе,—то инквизиторъ Андреева ставитъ вопросъ совершенно иначе.

Онъ намекаетъ, что Христосъ принялъ предложеніе злого духа.

— Не думаете ли вы,—говоритъ онъ художнику,—что когда діаволъ искушалъ Его въ пустынѣ, то Онъ не отрекся отъ него, какъ потомъ разсказывалъ, а согласился, продалъ себя — не отрекся, а продалъ — понимаете?

На вопросъ художника—зачѣмъ,—инквизиторъ Андреева тихо пояснилъ:

— А чтобы люди, дитя мое, въ него повѣрили.

Художникъ пришелъ въ негодованіе, опрокинулъ его, чуть не побилъ.

— Не смѣй!—закричалъ онъ,—не смѣй вставать! Діаволъ!

Это „діаволъ“ звучитъ у Андреева въ этомъ мѣстѣ не обычнымъ ругательствомъ. За нимъ чувствуется другая подкладка.

Заподозривъ разсказъ, инквизиторъ Андреева естественно долженъ бороться и съ вытекающими изъ него логическими послѣдствіями.

6.

— Есть три силы—говоритъ инквизиторъ Достоевскаго Христу—единственныя три силы, могущія навѣки побѣдить и плѣнить совѣсть этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ для ихъ счастья. Эти силы: чудо, тайна и авторитетъ. Ты отвергъ и то, и другое, и третье... О, конечно, Ты поступилъ тутъ какъ Богъ, гордо и великолѣпно, но люди-то, но слабое бунтующее племя это—оно-то боги ли?

Андреевъ, считающій, что именно эти три силы положены въ основу міровой гармоніи, ставитъ главной своей задачей ихъ упраздненіе.

И его „Савва"—яркій протестъ противъ „чуда"—не только упраздненіе чуда, какъ таковаго, но упраздненіе и самихъ мистическихъ основаній вѣры въ него.

Повѣсть „Мои записки" идетъ дальше въ этомъ отношеніи, срываетъ завѣсу съ тайны и покоящагося на ней авторитета тѣхъ устроителей жизни, которые мнятъ себя гегемонами нашими, знающими дорогу къ высшей гармоніи.

Вглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, въ портретъ этого гегемона, этого заново нарисованнаго Андреевымъ великаго инквизитора.

За преступленіе тяжкое, а можетъ быть и по роковой ошибкѣ,—это ужъ не столь важно,—онъ попадаетъ 27 лѣтъ въ тюрьму. Нѣсколько тяжелыхъ лѣтъ борьбы

съ самимъ собой, со своимъ бунтующимъ духомъ, завершаются тѣмъ, что онъ начинаетъ вѣрить въ спасительную силу тюремной рѣшетки, въ великое значеніе ярма. Я не буду приводить иллюстрацій, показывающихъ, до какихъ крайностей дошелъ онъ въ своемъ ученіи культа желѣзной рѣшетки! Тюремное начальство поучалось отъ него и чувствовало къ нему величайшее почтеніе. Сначала онъ просвѣщалъ арестантовъ, потомъ къ нему начали собираться, съ разрѣшенія тюремщика, посторонніе, преимущественно женщины. „Неизбывная человѣческая глупость“ должна же была показать себя! Въ бесѣдахъ онъ имъ приводилъ мысли, которыя впослѣдствіи формулировалъ въ такой программѣ для своихъ лекцій:

Лекція 1. Хаосъ или порядокъ? Извѣчная борьба между тѣмъ и другимъ. Вѣчный бунтъ и вѣчное пораженіе бунтовщика-хаоса. Торжество закона и порядка.

Лекція 2. Что такое душа человѣка? Извѣчная борьба двухъ началъ въ душѣ человѣка: хаоса, изъ коего она рождена, и гармоніи, къ коей она неудержимо стремится. Ложь, какъ дѣтище хаоса, и правда, какъ дитя гармоніи. Торжество правды и гибель лжи.

Лекція 3. Разъясненіе правды желѣзной рѣшетки...

Эта программа интересна потому, что она еще больше подчеркиваетъ зависимость родства Ив. Карамазова съ инквизиторомъ Андреева.

И того, и другого безпокоитъ міровая гармонія!

Идя по этому пути специфическаго совершенствованія, инквизиторъ этотъ достигаетъ наконецъ того,

что, выпущенный на свободу, онъ не выноситъ свободы, устраиваетъ у себя въ домѣ тюремную камеру съ рѣшеткой и самъ подвергаетъ себя добровольно тюремному режиму, во всей его строгости.

Люди поражены. Многіе накинулись на него какъ на изувѣра, лжеца, фарисея. Но скоро инквизиторъ восторжествовалъ.

— Съ наивностью дикарей, чтущихъ все непонятное,—говоритъ онъ,—уже со второго года они начали кланяться мнѣ и кланяются все ниже, потому что все больше ихъ удивленіе, все глубже страхъ передъ непонятнымъ. Я увѣренъ, что ихъ пугаетъ даже мой видъ: уже давно пересталъ я подстригать мои сѣдые волосы и бороду, и ихъ естественный безпорядокъ, придающій моей головѣ сходство съ головой короля Лира, кажется имъ ужаснымъ. И то, что я никогда не отвѣчаю на ихъ поклоны, внушаетъ имъ восторгъ.

Его начинаютъ считать святымъ. Ждутъ отъ него чуда.

— Что-жъ,—говоритъ онъ,—пройдетъ годъ, два, и я стану творить чудеса, нисколько не хуже тѣхъ, о какихъ разсказываютъ они съ такимъ восторгомъ.

Онъ устраиваетъ общую исповѣдь. Къ нему несутъ всѣ самыя сокровенныя признанія.

— Спаси насъ,—кричали ему на этихъ исповѣдяхъ.— Возьми на себя наши грѣхи! Спаси насъ! Спаси насъ!

Вѣдь это то,—буквально то, о чемъ мечталъ инквизиторъ Достоевскаго!.. Именно то, что уже не литературный, а подлинный инквизиторъ устроилъ въ жизни.

Вѣдь это—одна изъ существенныхъ основъ міровой гармоніи!

Конечно, это только намеки, то, что я привожу. Но, думаю, и этими нѣсколькими штрихами мнѣ все же удалось дать понятіе о портретѣ „спасителя", великаго инквизитора, нарисованнаго Андреевымъ.

Таковъ вождь. А высшая гармонія, къ которой онъ ведетъ, еще ужаснѣе.

Это—страшная тюрьма, тюрьма, въ которой гибнетъ все живое, гибнетъ творчество, тюрьма, превращающая человѣка въ нѣчто мертвое, тюрьма, изъ которой даже бѣжать нельзя.

Юноша-художникъ, не снесшій окружавшей его пошлости и тюрьмы, никакъ не могъ себѣ усвоить формулы желѣзной рѣшетки и покончилъ самоубійствомъ, оставивъ записку, гдѣ говорилъ: „я ухожу изъ вашей тюрьмы"...

Инквизиторъ, проповѣдующій формулу желѣзной рѣшетки, однако, не нашелъ, что это сколько-нибудь нарушило его основное положеніе.

— Мой дорогой юноша,—смѣется онъ въ своихъ запискахъ,—мой восхитительный глупецъ! Кто сказалъ вамъ, что наша тюрьма кончается здѣсь, что изъ одной тюрьмы вы не попали въ другую, откуда ужъ едва ли вамъ придется бѣжать. Только глупцы, умирая, думаютъ, что они кончаютъ съ собой—они кончаютъ только съ одной формой себя, чтобы немедля принять другую.

А во снѣ ему приснилась иная, величественная тюрьма и прекрасные тюремщики съ бѣлыми крыльями за спиной...

Вотъ, по-моему, въ какомъ направленіи нужно искать разгадки ребуса, сдѣланнаго Леонидомъ Андреевымъ.

Конечно, я передалъ его основную мысль только въ самыхъ общихъ чертахъ. Множество оттѣнковъ и отдѣльныхъ штриховъ мною опущено.

„Записки“ Андреева являются разработкой тѣхъ же вопросовъ, которые затронулъ Достоевскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ находятся въ непосредственной связи съ произведеніями самого же Андреева, проникнутыми враждой къ тюремной „высшей гармоніи“ и тѣмъ ея вѣщателямъ, которые, задрапировавшись въ тайну и авторитетъ, превратили міръ въ тюрьму, все, всѣхъ, всю жизнь прикрыли тяжелой желѣзной рѣшеткой.

Я утверждаю, что авторъ „Моихъ записокъ“ никто иной, какъ не желающій сдаться бунтовщикъ Савва, только доказывающій теорему отъ противнаго.

Это онъ оголяетъ землю отъ всего, что, по его мнѣнію, задерживаетъ новые, свѣжіе побѣги.

Это Савва работаетъ. Это онъ же, въ новомъ, правда, видѣ, но опять-таки вскрываетъ ненавистную ему „неизбывную человѣческую глупость“ и подрываетъ одну изъ ея основъ.

7.

Выше, я приводилъ разговоръ Саввы съ Липой о чудотворномъ образѣ, съ надписью: „пріидите ко мнѣ всѣ обремененные“...

— Знаю...—недовольно оборвалъ Липу Савва. Уже тогда Савва чувствовалъ, что въ этой любви для него

опасности гораздо больше, чѣмъ во всемъ другомъ, что тутъ одна изъ наиболѣе крупныхъ основъ міровой гармоніи.

Анатэма взялъ этотъ мотивъ основой для своего новаго опыта. Онъ какъ бы слилъ суровую любовь къ Христу царя Ирода, съ мягкой, чуткой, благоговѣйной любовью Липы и нарисовалъ образъ старика Давида Лейзера. Чтобы сдѣлать этотъ образъ болѣе конкретнымъ, я могъ бы назвать его, этого Лейзера, мессіей. Епископъ Гермогенъ такъ много времени посвятилъ истолкованію того, кто и что кроется подъ маской Давида Лейзера, что это избавляетъ меня отъ необходимости углубляться въ эту сторону.—Это уже не великій инквизиторъ, не суровый герой повѣсти „Мои записки", не представитель своекорыстно эксплоатирующихъ тайну. Давидъ Лейзеръ—человѣкъ, усвоившій себѣ, не только усвоившій, а весь пропитанный принципами истинно-евангельской любви къ ближнему, человѣкъ, искренно шедшій по пути любви.

Кто онъ такой? „Это", по словамъ Анатэмы, „старый, больной и глупый еврей, котораго никто не знаетъ и даже самъ Богъ забылъ о немъ".

Анатэма сознательно выбралъ его такого именно для своего эксперимента. Ближайшіе друзья Лейзера знали его прекрасно, знали, что онъ старъ, болѣнъ и глупъ. На ихъ глазахъ прошли многіе годы его жизни. Другіе, отъ него далекіе, даже не подозрѣвали о его существованіи.

И вотъ что же происходитъ? Въ одинъ прекрасный день Анатэма является неожиданно на базарѣ и при

всѣхъ сообщаетъ Лейзеру, что ему предстоитъ получить наслѣдство въ 4 милл. рублей, оставленное ему братомъ въ Америкѣ.

4 милліона! Огромная для бѣдняка сумма, но совершенно ничтожная для того, чтобы превратить всѣхъ бѣдныхъ въ богатыхъ, какъ это потомъ захотѣлъ сдѣлать Лейзеръ. Мало того. Замѣтьте, Лейзеръ не получаетъ этихъ денегъ, а пока только у него въ рукахъ документъ, извѣщающій его о наслѣдствѣ.

Андреевъ не разъ подчеркиваетъ, что „деньги изъ Америки еще не получены". Тѣмъ не менѣе, у Лейзера уже кредитъ, уже онъ живетъ въ роскошной виллѣ, дѣти изо всѣхъ силъ стараются пользоваться благами жизни. Не безъ вліянія Анатэмы, пристроившагося къ нему подъ именемъ Нуллюса, въ секретари, у него возникаетъ намѣреніе раздать свое богатство бѣднымъ. Онъ посылаетъ Анатэму, и черезъ нѣкоторое время роскошная вилла Лейзера наполняется мѣстной голытьбой.

— Подчиняясь голосу моей совѣсти,—объявляетъ имъ Лейзеръ,—и велѣнію Бога, рѣшилъ я, въ согласіи съ законами Бога, который есть правда и милость, раздать все свое имѣніе нищимъ...

— Ты мнѣ купишь новую шарманку?—ядовито спрашиваетъ шарманщикъ.

Но Давидъ не слышитъ.

— Возвеселитесь же сердцемъ, несчастные,—продолжаетъ говорить онъ.—Идите отсюда въ городъ, какъ вѣстники счастья, обойдите всѣ улицы и площади и всюду громко кричите: Давидъ Лейзеръ, старый еврей,

который долженъ скоро умереть, получилъ наслѣдство и раздаетъ его бѣднымъ.

Анатэма подстрекаетъ Давида, который приходитъ все въ большій и большій паѳосъ.

— Сѣверъ и югъ, востокъ и западъ! Всѣхъ зоветъ Давидъ.

И приступаетъ къ дѣлу.

— Денегъ у меня пока нѣтъ,—поясняетъ Давидъ собравшимся,—онѣ еще въ Америкѣ, но я запишу того, кому и сколько надо по нуждѣ его.

Такимъ образомъ, какъ видите, Давидъ Лейзеръ честно обѣщаетъ ничего болѣе, какъ раздать 4 милліона рублей, и то не сейчасъ, а когда онъ ихъ получитъ. Ни болѣе, ни менѣе. Короче говоря: „пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные“...

Но вотъ слѣдующее дѣйствіе, и въ немъ уже странникъ, пришедшій издалека. Онъ пришелъ, привлеченный слухами о Давидѣ Лейзерѣ.

— Я,—говоритъ странникъ,—видѣлъ людей, которые, собравшись, говорили о Давидѣ Лейзерѣ, раздающемъ хлѣбъ и счастье. Правда ли, что вашъ Давидъ исцѣлилъ женщину, у которой была неизлѣчимая болѣзнь и она уже умирала?

Мѣстные жители удивлены. Имъ даже смѣшно.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ другъ Лейзера,—это неправда.

— Правда ли,—допытывается странникъ,—что Давидъ возвратилъ зрѣніе человѣку, который былъ слѣпъ отъ рожденія?

Опять ближайшій другъ Лейзера опровергаетъ это.

— Только Богъ можетъ творить чудеса,—поясняетъ

онъ страннику.—Давидъ же Лейзеръ—лишь добрый и достойный человѣкъ, какимъ долженъ быть всякій, не забывшій Бога.

Но одинъ изъ мѣстныхъ обывателей, грекъ Пурикесъ, уже „задумался“:

— Нѣтъ,—возражаетъ онъ,—Давидъ—не простой человѣкъ и не человѣческая сила въ немъ. Я знаю это.

Точно прорвало. Со всѣхъ сторонъ раздались голоса, доказывавшіе, каждый по своему, что Давидъ не простой человѣкъ. Кричали и говорили все люди, знавшіе до сихъ поръ Давида какъ бѣднаго, больного и глупаго еврея...

А странникъ все выспрашиваетъ:

— И правда ли, что онъ хочетъ отнять силу у богатыхъ и одѣлить ею бѣдныхъ? (Шопотомъ): И взять власть у властвующихъ, могущество у повелѣвающихъ и одѣлить ими людей всѣхъ поровну, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ.

Еще нѣсколько минутъ, и Сура, жена Давида, прожившая съ нимъ всю жизнь, дѣлаетъ открытіе.

— Вы—не простой человѣкъ, Давидъ,—говоритъ она мужу.

— Такъ, такъ,—шутитъ Давидъ.—Ну, кто же я: губернаторъ или даже генералъ?

— Не шутите, Давидъ, вы—не простой человѣкъ.

Проходитъ немного времени, и со всѣхъ сторонъ густыми толпами начинаютъ стекаться къ Давиду Лейзеру бѣдняки, больные, калѣки. Несутъ мертвыхъ, умоляютъ исцѣлить, воскресить.

Давидъ Лейзеръ въ отчаяніи.

— Чего они ждутъ?—допрашиваетъ онъ Анатэму.— Чего они хотятъ отъ бѣднаго еврея, который уже истощилъ свою жизнь?

И Анатэма отвѣчаетъ:

— Они ждутъ чуда, Давидъ!

Давидъ возмущенъ.

— Молчи, Нуллюсъ!—говоритъ онъ,—молчи—ты искушаешь Бога. Кто я, чтобы творить чудеса? Могу я изъ одной копѣйки сдѣлать двѣ?

Негодованіе Лейзера, однако, вскорѣ переходитъ въ нѣчто иное. Онъ видитъ все это безконечное море несчастій, страданій, видитъ устремленныя на него надежды, и ему страстно хочется помочь. Любовь, вложенная въ него, этого требуетъ.

— Не обманула ли Лейзера любовь!—нашептываетъ ему Анатэма.—Она сказала: я сдѣлаю все, и только пыль подняла на дорогѣ, какъ слѣпой вѣтеръ изъ-за угла, который вырывается съ шумомъ и ложится тихо... Который слѣпитъ глаза и тревожитъ соръ. Такъ пойдите же къ Тому, кто далъ Давиду любовь, и спросите его: зачѣмъ ты обманулъ брата нашего Давида?

— Да,—соглашается Давидъ.—Зачѣмъ человѣку любовь, когда она безсильна? Зачѣмъ жизнь, если нѣтъ безсмертія?

Анатэма въ восторгѣ.

— Выйди къ нимъ,—совѣтуетъ онъ Лейзеру,—и скажи имъ это. Они поднимутъ свой голосъ къ небу, и мы услышимъ отвѣтъ неба. Давидъ, скажи имъ правду, и ты поднимешь землю.

Торжество Анатэмы недолговременно. Давидъ Лей-

зеръ дѣйствительно выходитъ къ толпѣ и говоритъ о томъ, что онъ чудесъ не творитъ. Но результаты выходятъ совершенно не тѣ, на которые онъ расчитывалъ. У Давида Лейзера, у самого, вдругъ зарождается вѣра въ возможность сотворить чудо:

— Вы знаете,—сознается онъ Анатэмѣ,—у меня нѣтъ ничего, но вотъ вышелъ я къ нимъ, но вотъ увидѣлъ я и вдругъ почувствовалъ, что это—неправда: *у меня есть что-то*. И говорю—а самъ не вѣрю, говорю—а самъ стою съ ними и кричу противъ себя и требую яростно. Устами я отрекаюсь, а сердцемъ обѣщаю, а глазами кричу—да, да, да. Что же дѣлать?

И затѣмъ уже совершенно серьезно спрашиваетъ:

— Вы *знаете невѣрное*: у меня нѣтъ ничего?

— Не попробовать ли мнѣ?

А толпы бѣдныхъ людей, слѣпыхъ, больныхъ все растутъ и растутъ. Все растетъ слава Лейзера, его хотятъ уже сдѣлать царемъ, готовы признать Богомъ. У самаго Лейзера является вѣра въ свою чудотворность.

Кажется, еще минута, и онъ скажетъ:

— Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные...

Давидъ больше не зоветъ ихъ. Они идутъ къ нему сами, идутъ сплошными волнами. Знакомый, страшный кошмаръ „неизбывной человѣческой глупости“ вырастаетъ во весь свой ростъ, и Давидъ гибнетъ. Его убиваютъ, какъ Савву. Савву убили за то, что онъ хотѣлъ упразднить чудо, Лейзера—за то, что онъ не могъ его сдѣлать, хотя этого и не обѣщалъ.

И Анатэма торжествуетъ.

— Смотри, Давидъ,—кричитъ онъ надъ его трупомъ,—они топчутъ дѣтей. Это сдѣлалъ ты, великій, могущественный Давидъ Лейзеръ! Любимый сынъ Бога—это сдѣлалъ ты!

„Неизбывная человѣческая глупость“ упразднила любовь. Восторжествовала опять она, но Анатэма все же доволенъ.

— Не любилъ ли Давидъ?—допрашиваетъ онъ Ограждающаго входы.—Не отдалъ ли душу Давидъ? И не камнями ли побили Давида, отдавшаго душу?

Опытъ удался блестяще.

— Не утоливъ голода голодныхъ, не давъ зрѣнія слѣпымъ, не вернувъ жизни безвинно умершимъ, произведя раздоры и споры и кровопролитіе жестокое, ибо уже поднялись люди другъ на друга и во имя Давида производятъ насилія, убійства, грабежи, не проявилъ ли Давидъ безсилія любви и не сотворилъ ли онъ великаго зла, которое числомъ можно исчислить и мѣрою измѣрить?

Любовь, евангельская любовь, какъ орудіе міровой гармоніи, такимъ образомъ упразднена „Анатэмой“. Въ сущности, какъ видите, новое произведеніе представляетъ собою лишь одну изъ тѣхъ „бомбочекъ“, которыя изготовлялъ Савва. Однако, какъ ни велика ея сила, а все же міровая гармонія, созданная вѣками человѣческихъ поколѣній, продолжаетъ твердо покоиться на „неизбывной человѣческой глупости“. Осталась. Ограждающій входы, поэтому, стоитъ въ неизмѣнно спокойномъ видѣ и презрительно опять дразнитъ Анатэму, какъ и въ самомъ началѣ опыта, издѣваясь надъ нимъ

и увѣряя, что онъ никогда не узнаетъ истины, хотя ея лицо открыто, рѣчь громка, а велѣнія ясны.

Анатэма, впрочемъ, угрожаетъ новымъ бунтомъ всего человѣчества и надѣется поднять этотъ бунтъ при помощи кроваваго и странной формы памятника, воздвигнутаго изъ тѣхъ камней, которыми побили Давида Лейзера. И въ „Океанѣ“ мы видимъ этотъ памятникъ уже въ формѣ маяка Святого Креста.

9.

Я позволю себѣ нѣсколько нарушить хронологическую послѣдовательность въ появленіи произведеній Андреева, но мнѣ кажется, что его „Царь Голодъ“— начало этого новаго бунта. Савва, возродившійся въ видѣ Анатэмы, пробовалъ принимать также обликъ „Царя Голода“. У Андреева всегда какъ бы параллельно идутъ построенія, поражающія міровую гармонію въ идеѣ, т. е. произведенія разрушающія ея идеальныя основы.

Такими я считаю его „Анатэму“ „Океанъ“, и „Мои записки“. И рядомъ построенія практическія. Мнѣ кажется, что „Анатэма“ явилась какъ бы результатомъ практическаго опыта надъ дѣйствіемъ огня и бунта, произведеннаго Андреевымъ, съ одной стороны, въ „Саввѣ“, съ другой—въ „Царѣ Голодѣ“.

Царь Голодъ и Савва тѣсно связаны другъ съ другомъ. Еще разъ напомню разговоръ Саввы съ монахомъ Кондратіемъ о необходимости оголить землю, оголить людей.

— Надо, — заявилъ Савва,—уничтожить все. Да, пора намъ поочиститься, пора.

— Народъ глупъ,—возражаетъ Кондратій,—не пойметъ онъ этого.

— Пойметъ,—говоритъ Савва,—когда загорится все кругомъ.

Въ „Царѣ Голодѣ“ все это сдѣлано. Царь Голодъ, считающійся могучимъ, великимъ, зоветъ къ бунту.

— Какъ смѣлъ ты извратить мою волю, о, подлый, о, хитрый человѣкъ?—кричитъ Царь Голодъ.—Голодные, со мной противъ сытыхъ! Вернемъ человѣку его мощь, его красоту, бросимъ его снова въ потокъ безпредѣльнаго движенія.

Бунтъ зрѣетъ, наконецъ разгорается. Кучка людей, командующихъ жизнью, трепещетъ. Горитъ городъ, горятъ библіотеки, картинныя галлереи. Ученые въ ужасѣ, что уничтожается ихъ наука, гибнетъ культура, горятъ знаменитыя картины Мурильо и другія. Эти гордые люди плачутъ.

Все, казалось бы, идетъ какъ слѣдуетъ. Вдругъ приходитъ инженеръ и сразу дѣло принимаетъ другой оборотъ. Онъ изобрѣлъ непобѣдимое средство подавленія бунта, разрушительные снаряды рѣдкой силы. Кромѣ того, тотъ же инженеръ сумѣлъ, среди самыхъ голодныхъ, найти „за невысокую относительно плату нѣсколько достаточно умныхъ и расторопныхъ господъ“, снабдилъ ихъ порученіями интимнаго свойства, и вотъ „въ настоящую минуту эти идіоты уже начали великолѣпнымъ образомъ истреблять другъ друга“.

Въ результатѣ, всѣ поднявшіе знамя бунта полегли. А Царь Голодъ прочелъ надъ ними рѣчь:

— Чего добились, безумцы?—говорилъ онъ.—На что

надѣялись? Чѣмъ думали бороться? У насъ пушки, у насъ умъ, у насъ сила,—а что у васъ, несчастная падаль?.. На томъ мѣстѣ, гдѣ вы будете зарыты, вырастетъ жирная трава; и ею мы будемъ кормить нашу скотину.

Правда, мертвецы грозятъ, что еще придутъ, побѣдители въ ужасѣ бѣгутъ. Царь Голодъ торжествуетъ, но все же... земля не оголена.

Сытые остались. Что съ ними станется потомъ—неизвѣстно, но они остались.

Царь Голодъ—ненадежный царь. Его жестокость оказалась столь же безсильной измѣнить желѣзную рѣшетку міровой гармоніи, какъ и любовь Давида Лейзера. Савва попрежнему очутился передъ роковымъ вопросомъ оголенія земли отъ того мусора, которымъ она въ теченіе многихъ вѣковъ засорилась, въ которомъ гніетъ все живое, все новое. Ограждающій входы не измѣнилъ своего гордаго вида, и желѣзныя ржавыя врата попрежнему охраняютъ великую тайну страшной мучительной міровой гармоніи.

Безотрадныя перспективы, нарисованныя Андреевымъ въ его „Анатэмѣ", „Океанѣ", „Царѣ Голодѣ", „Саввѣ" оставляютъ впечатлѣніе объ Андреевѣ, какъ о безрадостномъ пессимистѣ, не вѣрящемъ ни въ жизнь, ни въ людей. Такой взглядъ, однако, далеко не правиленъ.

Дѣйствительно, когда я читалъ „Жизнь человѣка", „Царь Голодъ" и особенно „Проклятіе звѣря", мнѣ все время казалось, что писатель помѣстилъ себя гдѣ то высоко, высоко. Забрался на какую то башню, поближе къ звѣздамъ, и смотритъ на землю, какъ смо-

трѣлъ бы на насъ, напримѣръ, какой нибудь марсіанинъ со своей планеты. Возьмите микроскопъ, возьмите каплю воды и попробуйте разсказывать о жизни тѣхъ маленькихъ бактерій и микробовъ, которыхъ вы увидите въ микроскопѣ.

У васъ, въ концѣ концовъ, получится своя собственная „жизнь микроба", очень схожая съ той „Жизнью человѣка", которую далъ намъ Леонидъ Андреевъ.

И мнѣ черезвычайно было интересно прочесть разсказъ о „Семи повѣшенныхъ", вышедшій именно теперь, въ этотъ періодъ творчества писателя.

Разрѣзая его, я думалъ встрѣтить что-нибудь въ родѣ казни Людовика XVI, великолѣпно, но своеобразно написанной Андреевымъ („Такъ было, такъ будетъ"). Приведутъ, думалъ я, семь маленькихъ человѣкоподобныхъ существъ, другія такія же существа накинутъ на нихъ веревки и оставятъ болтаться. И будутъ они болтаться, такія маленькія, маленькія, ничтожно-одинокія. При чемъ палачъ будетъ имѣть видъ висѣлицы, на которой онъ вѣшаетъ, а конвойный солдатъ будетъ походить на ружье, которое держитъ въ рукахъ. Я очень боялся, какъ бы и здѣсь не появился Леонидъ Андреевъ въ костюмѣ того Нѣкоего въ сѣромъ, который именуется Онъ и, какъ таковой, видитъ со своихъ высотъ не живыхъ, понятныхъ ему, людей, а совершенно другихъ, не людей, а какихъ то микробовъ.

Съ первыхъ же строкъ разсказа я понялъ, что предположенія мои совершенно ошибочны.

Присущій писателю человѣческій талантъ заставилъ его бросить микроскопъ и посмотрѣть на живую жизнь

живыми глазами. Боль этой жизни вызвала въ немъ живыя болевыя ощущенія, и онъ пересталъ разсматривать ихъ въ микроскопъ.

Леонидъ Андреевъ безъ микроскопа видитъ лучше и разсказываетъ вѣрнѣе, чѣмъ когда онъ взбирается на свои высоты, къ звѣздамъ.

У Андреева—„человѣческій талантъ". Я нисколько не сомнѣваюсь, что если бы сейчасъ жилъ Чеховъ, которому принадлежитъ это опредѣленіе таланта, особаго таланта, обладающаго тонкимъ впечатлительнымъ чутьемъ къ человѣческой боли вообще, то онъ назвалъ бы такъ Леонида Андреева. И никогда до такой степени это опредѣленіе не было бы болѣе своевременно, какъ по прочтеніи разсказовъ „Семь повѣшенныхъ" и „Тьма".

Вдумайтесь въ его „Тьму", и для васъ сразу станетъ яснымъ, что въ этомъ разсказѣ сказался, говоря старыми терминами, кающійся интеллигентъ. Были у насъ кающіеся дворяне, кающіеся помѣщики. Андреевъ—кающійся интеллигентъ.

— Стыдно быть хорошимъ, когда есть плохіе.

Терминъ не новый. Толстой—одинъ изъ наиболѣе яркихъ осуществителей этого положенія. Человѣческій талантъ этого писателя не разъ останавливался на вопросахъ этого порядка и не разъ пытался дать ему успокоительное для совѣсти его рѣшеніе. Толстой чувствовалъ и чувствуетъ, что „великій грѣхъ" владѣть огромнымъ количествомъ земли, когда рядомъ „куренка, скажемъ, и того выпустить некуда"; тому же Толстому стыдно казалось пользоваться плодами куль-

туры и богатства, когда другіе рядомъ ничѣмъ такимъ не пользуются,—и онъ звалъ къ опрощенію, онъ одѣвалъ лапти, шилъ сапоги... Андреевъ, въ сущности, прошелъ довольно длинный курсъ, прежде чѣмъ стать на ту точку зрѣнія, съ проповѣдью которой онъ выступилъ. Несомнѣнно, еще недавно, онъ вслѣдъ за Горькимъ думалъ, что прямой и первѣйшій долгъ людей, поднявшихся наверхъ, тащить за собой всѣхъ тѣхъ, кто остался тамъ „на днѣ", и задыхается во мракѣ. Припомните хотя бы его „Савву". Вѣдь Савва—герой дѣятельный, герой „хорошій", человѣкъ, который рѣшилъ отдать свою жизнь для того, чтобы вытащить наверхъ своихъ темныхъ братьевъ. Онъ погибъ, уясняя людямъ значеніе давящаго ихъ предразсудка. Ну, и что же въ результатѣ? Онъ погибъ, а тьма осталась тьмой и даже еще сгустилась въ большей степени. Слѣпые не прозрѣли, а даже признали свою слѣпоту чѣмъ то нормальнымъ. Въ „Іудѣ" мы видимъ уже другое средство. Для того, чтобы освѣтить тьму, чтобы вспыхнулъ огонь, эту тьму озаряющій, необходимо пожертвованіе болѣе высокое, чѣмъ физическая жизнь. Душа нужна. Нужно чорту душу продать... Іуда, любящій Христа болѣе другихъ апостоловъ, предаетъ Его, подвергаетъ себя душевному страданію, какого не испытываетъ ни одинъ изъ близкихъ учениковъ, и дѣлаетъ это только для того, чтобы своимъ предательствомъ подвигнуть на подвигъ учениковъ, только для того, чтобы совершилось чудо. И чудо совершилось. Въ „Тьмѣ" мы находимъ такое же чудо. Герой разсказа это ничто иное, какъ то евангельское зерно, которое „аще не умретъ, не дастъ

плода.“ Для того, чтобы спасти людей, поднять человѣческій родъ, открыть ему путь къ спасенію, Христосъ сошелъ на землю, не пренебрегъ грязью пошлой земли и этимъ какъ бы далъ образецъ высшаго подвига.

Таковъ, мнѣ кажется, внутренній смыслъ этого разсказа. Андреевъ совершенно сознательно взялъ настоящаго убѣжденнаго революціонера, готовившагося пожертвовать своей жизнью, и на его примѣрѣ показалъ, что можетъ быть подвигъ еще болѣе тяжелый и высокій. Герой, ясно сознававшій классовыя несправедливости, видѣвшій передъ собой не отдѣльныхъ людей, а только отвлеченныя группы, тутъ впервые столкнулся съ человѣческой личностью и былъ ошеломленъ той правдой, которую ему личность эта, возбуждавшая у него только чувство брезгливости, такъ прямо и непосредственно выразила. Правъ герой, ушедшій въ тьму, или нѣтъ—вопросъ, конечно, другой. Я только подчеркиваю въ этомъ разсказѣ Андреева эту покаянную тенденцію. У Осиповича (Новодворскаго) есть прекрасный разсказъ о павахъ и воронахъ. Въ немъ названъ ни павой, ни вороной—Бѣлинскій. Это былъ тоже выдающійся „человѣческій талантъ“. Ворона—по всѣмъ своимъ кровнымъ связямъ, путемъ всяческихъ усилій, поднимается наверхъ, къ павамъ... Она занимаетъ мѣсто на ряду съ павами, но не успокаивается на этомъ; ей хочется, чтобы и оставшіяся внизу вороны поднялись къ ней. И вотъ она начинаетъ ихъ звать къ себѣ, къ павамъ. Но тѣ не могутъ подняться съ земли. Ворона зоветъ, кричитъ, но безполезно. Тогда она бросаетъ павъ и вновь спускается внизъ къ воро-

намъ... Такова басня. Трудно было болѣе образно и ярко передать приливы и отливы настроеній всѣхъ нашихъ „человѣческихъ талантовъ“. Въ данный моментъ Андреевъ рисуется мнѣ именно такой ни павой, ни вороной, уставшей звать людей къ звѣздамъ и спускающейся на землю, внизъ, въ тьму.

Во избѣжаніе недоразумѣній здѣсь же подчеркиваю, что я съ этимъ образомъ ни павы-ни вороны ни малѣйшимъ образомъ не связываю понятія о дряблости, растерянности или отчаяніи.

Многіе Андреева считаютъ и называютъ пессимистомъ. Положимъ, требованіе оголить землю—далеко не оптимистично. Упраздненіе значенія любви—тоже! Мнѣніе о пессимизмѣ писателя, однако, совершенно неосновательно. Онъ если и пессимистъ, то совершенно особаго рода. Какъ ни мрачны его краски, какъ ни велика его скорбь по поводу разнаго рода жизненныхъ явленій, но она касается не жизни, не ея сути, а лишь тѣхъ отраженій, которыми жизнь, настоящая жизнь, преломляется въ существованіи, обыкновенно сѣренькомъ и пошломъ, разнаго рода людей и людишекъ.

— Если, — говоритъ Андреевъ въ своемъ фельетонѣ по поводу „Трехъ Сестеръ“ Чехова,—человѣкъ плачетъ, боленъ или убиваетъ себя, то это отнюдь еще не значитъ, что жить ему не хочется и жизни онъ не любитъ.

Въ страданіяхъ своихъ героевъ Андреевъ видитъ только „тоску о жизни, ужасную, смертельную тоску“, и старается доказать, что настоящая жизнь—не призракъ, не миражъ, а дѣйствительно есть и доступна

человѣку. Если Горькій, въ поискахъ за этой жизнью, спускался „на дно“, съ цѣлью убѣдить всѣхъ, что даже тамъ есть эта настоящая, хорошая жизнь, есть люди, въ лучшемъ значеніи этого слова, то Андреевъ подходитъ къ рѣшенію той же задачи, но только съ другого конца. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ стремится доказать, что люди, тѣ люди, которые считаютъ себя человѣками, на самомъ дѣлѣ не живутъ, а прозябаютъ, что ихъ зоологическое существованіе далеко еще не жизнь. Въ изображеніи пошлости этихъ людей, Андреевъ употребляетъ такія темныя краски, накладываетъ столько тѣней и говоритъ съ такой болью въ сердцѣ, что иной разъ дѣйствительно можетъ произвести впечатлѣніе крайняго пессимиста. Но если, прочитавъ рядъ его разсказовъ, проникнутыхъ этой скорбью, этимъ, скажу, пессимизмомъ, вы закроете книжку и постараетесь разобраться въ общемъ оставленномъ имъ впечатлѣніи, вы увидите, что по густо черному фону ея страницъ нѣтъ-нѣтъ да и сверкнетъ задушевная, горячая и яркая искра того, что можно назвать жизнью или вѣрнѣе любовью къ настоящей, не зоологической только, жизни, теплая, горячая, но отрадная слеза.

Его герои любятъ жизнь и на что то надѣются. Даже прокаженный въ „Стѣнѣ“ и тотъ о чемъ то мечтаетъ. Въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, навѣянныхъ „Дикой уткой“, Андреевъ самъ даетъ ключъ къ уразумѣнію своего пессимизма.

„Отрицая все,—говоритъ онъ,—приходишь къ вѣрѣ въ примѣты. Опровергая всю жизнь, являешься ея

невольнымъ апологетомъ. Никогда не вѣрю я такъ въ жизнь, какъ при чтеніи „отца“ пессимизма, Шопенгауэра: человѣкъ думалъ такъ—и жилъ! Значитъ, могуча и непобѣдима жизнь!“

И Андреевъ глубоко вѣритъ, что жизнь побѣдитъ, сколько бы рукъ ни налагалось на нее, сколько безумцевъ ни пыталось бы ее прекратить.

„Побѣдитъ,—говоритъ онъ,—не истина, не ложь: побѣдитъ то, что находится въ союзѣ съ самою жизнью; то, что укрѣпляетъ ея корни и оправдываетъ ее. Остается только то, что полезно для жизни; все вредное для нея рано или поздно гибнетъ—гибнетъ фатально, неотвратимо. Пусть сегодня оно стоитъ несокрушимой стѣной, о которую въ безплодной борьбѣ разбиваются лбы благороднѣйшихъ людей — завтра оно падетъ. Падетъ, ибо оно вздумало задержать самую жизнь“...

Вотъ основной, высказанный прямо, принципъ міровоззрѣнія Андреева, который ярко проводится и во всѣхъ его символистическихъ разсказахъ. Если въ толкованіи символовъ можно ошибиться, можно истолковать ихъ не такъ, какъ этого хотѣлъ писатель, то здѣсь не остается никакихъ сомнѣній. Леонидъ Андреевъ любитъ жизнь и вѣритъ въ нее, вѣритъ въ лучшее будущее, въ свободную человѣческую личность. Въ то время какъ даже такіе индивидуалисты, какъ Горькій, начали звать къ коллективу, Андреевъ не сдаетъ своихъ позицій, бодро защищаетъ индивидуализмъ.

Если хотите составить себѣ образное представленіе о томъ, что творится въ душѣ Леонида Андреева, прочтите его разсказъ „Елеазаръ“.

Андреевъ никто иной, какъ кесарь Августъ.

Августъ чуть-чуть было не поддался чарамъ Елеазара. Онъ находился на краю гибели.

Но Елеазаръ былъ ослѣпленъ. Его глаза, всѣхъ мертвившіе, были выколоты, а вскорѣ исчезъ и онъ самъ. Жизнь взяла верхъ, хотя и она не упразднила этой способности смотрѣть, всматриваться въ какой то иной, далекій міръ. Андреевъ, какъ Елеазаръ, не разъ приподнималъ для себя завѣсу смерти.

И одинъ ли Андреевъ?

Въ сущности, мы всѣ, все наше поколѣніе, всѣ если не Елеазары, то Августы. Всѣ мы точно прошли если не черезъ смерть, то черезъ летаргическій сонъ. Многіе изъ воскресшихъ превратились въ живыхъ мертвецовъ, Елеазаровъ, мертвящихъ жизнь, многіе бодро стряхнули съ себя пыль гробового праха и бодро смотрятъ впередъ.

Андреевъ одинъ изъ такихъ Августовъ. Вступивъ въ безплодную до сихъ поръ борьбу съ „неизбывной человѣческой глупостью", потерпѣвъ пораженіе и въ „Саввѣ", и въ „Анатэмѣ", онъ, однако, не бросаетъ оружія, не сдается, не жаждетъ смерти, какъ многіе другіе изъ нашихъ современниковъ, отказывается оставаться въ тюрьмѣ, хотя бы „голубой", отказывается приспособляться къ желѣзной рѣшеткѣ и установленной ею міровой гармоніи. Безпощадно разбивая всѣ богоборческія устремленія своихъ героевъ, не могущихъ одолѣть ненавистной ему міровой гармоніи, Андреевъ все время видитъ передъ собой просвѣтъ.

У одного изъ семи повѣшенныхъ, Вернера, „хо-

лоднаго и надменнаго", уже у самой висѣлицы, передъ лицомъ смерти загорѣлась заря. „Вернеръ вдругъ увидѣлъ жизнь и смерть и поразился великолѣпіемъ невиданнаго зрѣлища... И на одну сторону видѣлъ жизнь, а на другую—смерть, какъ два сверкающихъ прекрасныхъ моря, сливающихся на горизонтѣ въ одинъ безграничный широкій просторъ"... Вернеръ широко взглянулъ въ глубь покидаемой жизни. И новою предстала жизнь. Такъ для человѣка, поднявшагося на воздушномъ шарѣ, исчезаетъ соръ и грязь тѣсныхъ улицъ покинутаго городка и красотой становится безобразное!.. Вернеръ, кончая счеты съ жизнью, съ той высшей гармоніей, которая привела его къ смерти, просвѣтленнымъ взоромъ провидитъ конецъ „неизбывной человѣческой глупости", провидитъ какую то новую, ему еще не ясную, но дѣйствительную гармонію.

Да, если Андреевъ пессимистъ, то онъ пессимистъ того же порядка, какъ и Ибсенъ, пессимистъ, котораго въ концѣ концовъ приходится признать чуть ли не самымъ ярымъ оптимистомъ. Непреклонный искатель, каким является Андреевъ, не можетъ быть пессимистомъ. Подводя итоги, я скажу, что сейчасъ въ нашей литературѣ два теченія. Одно—покаянное. Мы познали всю тщету послѣднихъ лѣтъ и не побоялись прямо это себѣ сказать. Другое—теченіе ищущее. Во главѣ его Андреевъ, и конечно будущее за нимъ.

Въ извѣстной своей рѣчи, произнесенной въ Стокгольмѣ въ 1887 г., Ибсенъ сказалъ:

„Было высказано, что я въ значительной степени содѣйствовалъ наступленію новаго вѣка. Я же думаю,

что наше время можно съ полнымъ основаніемъ считать только „заключеніемъ“, изъ котораго теперь готово вырасти нѣчто новое. Я думаю, что теперь дѣйствительно близокъ вѣкъ, когда политическія и соціальныя понятія перестаютъ существовать въ современныхъ формахъ и что изъ нихъ выйдетъ нѣчто новое и единое, что на первыхъ порахъ будетъ заключать въ себѣ условія для счастья человѣчества; я думаю, что поэзія, философія и религія сольются и создадутъ новую категорію и новую жизненную силу, о которой мы, современные люди, не можемъ еще составить себѣ яснаго представленія. Ну, да, я пессимистъ—поскольку не вѣрю въ вѣчность человѣческихъ идеаловъ. Но я также и оптимистъ—поскольку вѣрю въ способность идеаловъ размножаться и развиваться. Позвольте же мнѣ осушить свой бокалъ за будущее. Сегодняшній вечеръ — субботній вечеръ. За нимъ идетъ день отдыха, день праздничный, воскресный—зовите, какъ хотите“.

Ибсенъ чувствовалъ новую зарю. Эту же зарю видитъ и Андреевъ. Вслѣдъ за Ибсеномъ онъ глубоко вѣритъ, что воскресеніе близко, что оно будетъ, что будетъ новая подлинная гармонія, въ которой человѣкъ сознаетъ себя свободной личностью, выйдетъ изъ-за желѣзной рѣшетки, установленной „неизбывной человѣческой глупостью“, и будетъ жить свѣтлой, настоящей жизнью.

Кто боленъ?

Два самыхъ авторитетныхъ нашихъ эксперта почти одновременно констатируютъ болѣзнь Россіи.

— Россія больна,—спокойно грустнымъ тономъ заявляетъ Бердяевъ, въ только что вышедшей книгѣ своей „Духовный кризисъ интеллигенціи“...

— Больная Россія,—негодующе восклицаетъ Мережковскій, озаглавившій такъ свою послѣднюю книгу.

Разница только въ томъ, что Бердяевъ пеняетъ за это на интеллигенцію, а Мережковскій, тотъ какъ будто бы интеллигенцію и пробуетъ защищать, но все же топчетъ и ее, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ народомъ.

Для него, для Мережковскаго, вся эта Россія, въ сущности, ни болѣе, ни менѣе какъ „свинья-матушка“, и положеніе ея представляется ему столь безнадежнымъ, что онъ, кажется, готовъ уже даже рукой махнуть и на ея здоровье, и на ея болѣзни.

— Кричу, стучу, — негодуетъ онъ, — и никто не слышитъ. Уже земля обсыпалась, задавила меня. Больше не могу кричать, голоса нѣтъ. Земля во рту.

Ужасное, въ самомъ дѣлѣ, положеніе. Человѣкъ

обладаетъ какимъ то чудодѣйственнымъ словомъ, что то знаетъ, что то можетъ, и вдругъ... „земля во рту“... Давятъ—онъ этого слова сказать не можетъ.

Особенно хорошо это „больше не могу кричать“... Какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь слышалъ подлинный крикъ души Мережковскаго. Я, по крайней мѣрѣ, не могу себѣ представить его инымъ, какъ, въ лучшемъ случаѣ, плакальщикомъ. Человѣкомъ, который создаетъ разнаго рода переживанія, весьма часто даже красивыя, и носится съ ними, смакуетъ ихъ, обсахариваетъ, граціозно ими жонглируетъ.

Вотъ и сейчасъ. Россія больна, „земля во рту“, „головка виснетъ“, положеніе ужасное, а Мережковскій легко, спокойно занимается жонглерствомъ, переворачиваніемъ фразъ въ разныя стороны, жонглерствомъ, въ большомъ количествѣ прямо уже нестерпимымъ.

„...Жоржъ погибаетъ, потому что убилъ. Нѣтъ, скорѣе наоборотъ: убиваетъ, потому что погибъ“.

Если „скорѣе“ второе, зачѣмъ первое?

„...Бездушная плотяность—свинство Иваныча, безплотная духовность—святость Глѣба“.

„...Можетъ быть не она ихъ, а они ее создали“...

„...Освобожденіе если еще не есть, то будетъ религіей, и религія, если еще не есть, то будетъ освобожденіемъ“...

И это на каждомъ шагу. И скучно, и досадно вникать въ эту легкую игру словами, особенно въ статьяхъ, касающихся больныхъ вопросовъ, къ которымъ Мережковскій постоянно чувствовалъ сильное тяготѣніе.

Порой вамъ кажется, что это не волнующійся пу-

блицистъ, а попросту риторъ какой то. Возьмите хотя бы его статью, направленную противъ богостроительства марксистовъ, противъ Горькаго, съ его богомъ-коллективомъ, Базарова и Луначарскаго.

Можно и даже должно находить неудачнымъ то, что эти богостроители не только воспользовались терминологіей старой теологіи, которой не признаютъ, но воспользовались даже кое-чѣмъ изъ стараго культа. Ими, конечно, руководило желаніе подчеркнуть замѣну стараго Бога новымъ, старой религіи—религіей новой. Они не учли недоразумѣній, которыя подобная терминологія могла породить, и поэтому, конечно, не могутъ и не должны претендовать на тѣхъ, кто на этой почвѣ съ ними будетъ спорить. Мережковскій былъ въ полномъ правѣ выступить съ заявленіями по этому поводу. Онъ это и дѣлаетъ, но какъ?!

Конечно, онъ знаетъ и понимаетъ, какъ марксисты, Бога отрицающіе, понимаютъ принятый ими въ ихъ построеніи терминъ Богъ, и вотъ какъ онъ это использовалъ:

„Горькій, — цитируетъ Мережковскій Базарова,— писалъ не трактатъ, а повѣсть, и вполнѣ понятно, что герой его употребляетъ для обозначенія атеистическихъ цѣнностей то же самое имя, какимъ онъ съ дѣтства привыкъ обозначать вообще высшія цѣнности“.—Не значитъ ли это: употребленіе имени Божьяго—дурная дѣтская привычка?

Но вѣдь вотъ Луначарскій пишетъ не повѣсть, а трактатъ, цѣлое „богословіе“. Почему же и у него та же дурная привычка?

„Человѣкъ человѣку Богъ. — Ищешь Бога? Богъ есть человѣчество“, богословствуетъ Луначарскій.

Если Богъ есть ничего, — то „человѣчество есть Богъ“,—значитъ: человѣчество есть ничто; а слѣдовательно, и соціалъ-демократія, какъ религія, основанная на идеѣ человѣчества, какъ Бога, есть ничто; и богостроительство—строительство изъ ничего.

Но вѣдь это самоистребленіе, или, во всякомъ случаѣ, нѣчто гораздо худшее, чѣмъ дурная дѣтская привычка; это сознательно нечистая игра не словами, а цѣнностями, фальшивый вексель, „мошенничество“, какъ выражается чортъ Ивана Карамазова: „если захотѣлъ мошенничать, зачѣмъ бы еще, кажется, санкція истины—зачѣмъ санкція имени Божьяго?“.

Вы чувствуете, какъ это „глубоко“ взято? До какой степени вопросъ о богостроительствѣ близко и больно затрогиваетъ Мережковскаго, все время толкующаго о разницѣ между „чернильными“ и „кровавыми“ рѣками, которыя могутъ потечь, благодаря нетактичному поступку марксистовъ.

Забавнѣе всего звучитъ въ устахъ Мережковскаго упрекъ Луначарскому, что его богословіе отзывается „литературщиной“.

— Въ началѣ XIX вѣка,—говоритъ Мережковскій,—былъ щегольской цвѣтъ „мертвой блохи“—puce morte; въ началѣ XX вѣка—цвѣтъ „мертваго Бога“; и кажется иногда, что Луначарскому все равно, какая мода.

Вотъ ужъ упрекъ не по адресу! Во всякомъ случаѣ, не Мережковскому бы говорить, не Луначарскому бы

слушать. Я нисколько этимъ не хочу сказать, что созданная имъ религія бога-коллектива нѣчто жизненное. Несомнѣнно то обстоятельство, что марксисты обрекли свободную человѣческую личность, въ которой одной источникъ всякой жизни, всякаго творчества, обрекли на жертву богу-коллективу. Это обстоятельство объясняется чисто случайными, временными причинами; крахомъ, который потерпѣли усилія отдѣльныхъ единицъ и отдѣльныхъ группъ. Но ужъ, во всякомъ случаѣ, упрекъ въ созданіи „моды" и даже въ томъ, что все равно „какая мода",—здѣсь совершенно неумѣстенъ. Люди ищутъ новыхъ практическихъ путей, потому что они не могутъ успокоиться и даже наслаждаться тѣмъ, что у ребенка „головка виснетъ", они не могутъ ждать тысячи лѣтъ, на которыя согласенъ Мережковскій.

— „Я вѣрю,—смакуетъ Мережковскій слова Ропшина („Конь блѣдный"):—вотъ идетъ дѣло крестьянское, христіанское, Христово. Во имя Бога, во имя любви.—Маловѣры мы и слабы, какъ дѣти, и поэтому подымаемъ мечъ. Не отъ силы своей, а отъ страха и слабости. Подожди, завтра придутъ другіе, чистые. Мечъ не для нихъ, ибо будутъ сильны. Но раньше чѣмъ придутъ, мы погибнемъ. А внуки дѣтей будутъ Бога любить, въ Богѣ жить, Христу радоваться. Міръ имъ откроется вновь, и узрятъ въ немъ то, чего мы не видимъ".

— „Пусть наши кости сгніютъ прежде, чѣмъ исполнится это пророчество;—уже и теперь могутъ указать на него въ отвѣтъ на обычную провокацію: „гдѣ ваши дѣла?"—люди, вѣрящіе въ религіозную правду осво-

божденія: это сказано — сдѣлано, ибо, кто сказалъ, тотъ и сдѣлалъ. Повторимъ же вмѣстѣ съ Ваней: „Будетъ удача! Услышитъ Господь моленія наши". Не знаемъ, когда, гдѣ и какъ, но знаемъ: будетъ"...

Мережковскій легко, спокойно готовъ ждать и быть глубоко убѣжденнымъ, что каждое его слово нисколько не меньше „дѣла".

Вся его тактика не идетъ, поэтому, дальше тактики, которую, говорятъ, весьма полезно примѣнять при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, т. е. прикинуться мертвымъ.

— Мертвечины звѣрь не ѣстъ,—говоритъ Мережковскій, и до такой степени усердно готовъ слѣдовать этой тактикѣ, что ничего не имѣетъ даже противъ дѣйствительной смерти.

— Пусть наши кости сгніютъ прежде,—говоритъ онъ, и т. д...

Но марксисты, вообще, всѣ живые люди, люди настоящіе, съ подобной тактикой, конечно, не мирятся. Для нихъ богостроительство вовсе не вопросъ „моды", а вопросъ жизни и смерти, вопросъ, которымъ они, дѣйствительно, болѣютъ, надъ которымъ, дѣйствительно, работаютъ; удачно или нѣтъ—вопросъ другой, но все же работаютъ, а не забавляются.

Помню, осенью въ литературныхъ кружкахъ часто можно было слышать разговоръ на тему о Мережковскомъ въ такомъ стилѣ:

— Сейчасъ Мережковскій въ Парижѣ: изобрѣтаетъ новый гвоздь сезона, новую „моду". Въ прошломъ году онъ привезъ богоискательство, что то привезетъ нынче?

Однако, задача оказалась даже для него непосильной. Не каждый годъ можно выискивать даже такую моду, какъ богоискательство, какъ цвѣтъ „puce morte“...

Мережковскій ничего не вывезъ, и до какой степени это его огорчило, можно судить по забавному признанію, вырвавшемуся у него, очевидно, по этому поводу.

— Лучше быть шутомъ гороховымъ, чѣмъ временнымъ „пророкомъ“,—заявилъ прямо Мережковскій.

Что вѣрно, то вѣрно. Главное—хорошо то, что шутомъ, да еще гороховымъ, нетрудно сдѣлаться, тогда какъ пророкомъ можно только родиться. Играть роль пророка можно очень недолго. Проповѣдь разнаго рода модныхъ цвѣтовъ, вплоть до цвѣта „мертвой блохи“, можетъ длиться иногда дольше, иногда меньше, но рано или поздно, а она пріѣдается. Играть въ подобныя игры могутъ недолго и очень немногіе, особенно когда и не скрывается, что эти игры пріобрѣтаются только для того, чтобы заполнить какъ-нибудь тѣ тысячелѣтія, которыя пройдутъ, пока на землѣ установится истинная жизнь, настоящая человѣческая жизнь.

Да и кто пойдетъ за пророкомъ, который, обѣщая что то впереди, сейчасъ нѣтъ-нѣтъ, да и покажетъ унылое, унылое лицо, нѣтъ-нѣтъ, да и признается.

— Я,—по секрету сообщаетъ Мережковскій,—долженъ признаться, что сейчасъ, когда я это пишу, у меня у самого „головка такъ и виснетъ, такъ и виснетъ“...

Мережковскій нападаетъ на марксистовъ, очень

горячо и хорошо, это нужно отдать ему справедливость, изобличилъ всѣхъ участниковъ знаменитыхъ „Вѣхъ“, много вѣрнаго сказалъ каждому изъ нихъ, но, въ сущности, чѣмъ отличается онъ, въ концѣ концовъ, хотя бы, напримѣръ, отъ Бердяева?

Правда, онъ не подходитъ за благословеніемъ къ архіеп. Антонію, не заявляетъ о своемъ сліяніи съ казенной церковью, но въ остальномъ?

Бердяевъ говоритъ о себѣ:

„...Я не могу назвать себя вѣрующимъ конституціоналистомъ, такъ какъ не вѣрю въ единоспасающую, идеальную конституцію, не жду отъ нея чудесъ... По своимъ вѣрованіямъ, я также не демократъ, такъ какъ религіозно отвергаю принципъ народовластія, ищу гарантіи правъ личности не въ народной волѣ, не въ человѣческой волѣ, а въ волѣ Божіей“...

Вслушайтесь въ Мережковскаго, и вы услышите почти то же самое. И здѣсь нѣтъ-нѣтъ, да и прозвучитъ:

— Миромъ Господу помолимся...

Мережковскій, какъ и обличаемый имъ Бердяевъ, вѣритъ прежде всего, что „услышитъ Господь моленія наши“.

А пока что, поэтому, проповѣдуетъ молитву и покаяніе.

— Спасеніе наше,—говоритъ Мережковскій,—не въ томъ, чтобы, сознавъ себя народомъ-христоносцемъ, въ другихъ народахъ видѣть Каиновъ. Спасеніе наше въ томъ, чтобы увидѣть, наконецъ, свое собственное „окаянство“...

Мережковскій дѣлаетъ все, что только можетъ, для

того, чтобы это „окаянство“ всплыло наружу возможно явственнѣе. Въ этомъ отношеніи имъ сдѣлано, безспорно, очень много. Жалко только, что, увлекшись ролью прокурора, Мережковскій самъ не замѣтилъ, какъ впалъ въ положеніе тѣхъ „семи смиренныхъ“ авторовъ „Вѣхъ“, которые принялись за истязаніе русской интеллигенціи. Онъ, пожалуй, пошелъ даже дальше, такъ какъ сильно расширилъ кругъ обличаемыхъ. У него на дыбу вздернута вся Россія. Повѣрьте Мережковскому, и вы увидите, что русскій народъ, по своему характеру, задопятъ, что Россія—ни что иное, какъ „свинья-матушка“, что „святая Русь—земля святыхъ рабовъ“, и т. д. Мережковскому частенько представляется, что „Россія—значитъ реакція, реакція—значитъ Россія“...

Разъ это такъ,—невольно приходитъ въ голову,—къ чему же эти призывы къ покаянію?

Нѣтъ, плохіе врачи Мережковскій и компанія.

Можетъ быть, Россія сейчасъ и больна, но не Мережковскому съ Бердяевымъ ее лечить. Ясно, что эти врачи не подходятъ уже по одному тому, что даже діагноза правильно поставить не могутъ. У нихъ у самихъ „головка виснетъ“, а имъ кажется, что замираютъ другіе. Они сами себя живьемъ заколотили въ склепы, а увѣряютъ, что заживо погребена уже вся Россія. Кочующіе изъ Петербурга въ Парижъ и обратно, прислушивающіеся только къ голосамъ ищущихъ неба или „праведной земли“, они очень плохо видятъ то, что дѣлается на этой землѣ, что волнуетъ настоящихъ, подлинныхъ людей.

И, право, порой становится непонятно, чѣмъ призывы такихъ пророковъ, какъ Бердяевъ, отличаются, напримѣръ, отъ истинно-русскихъ пророковъ, тоже зовущихъ къ покаянію.

— Вотъ, — вопіютъ черносотенцы, — французы забыли Бога, кощунствуютъ, вотъ Богъ и наказалъ ихъ наводненіемъ. Покайтесь—и вода въ Сенѣ упадетъ...

Еще немного, и Бердяевъ,—не Мережковскій, конечно: Мережковскій все же занимаетъ особую позицію,— но Бердяевъ скажетъ это. Въ сущности, онъ и сейчасъ уже говоритъ почти что то же самое.

Хорошо, что хоть самъ то народъ русскій, которому такъ много и такъ хорошо совѣтуютъ Бердяевы, на этотъ счетъ давно уже выработалъ вполнѣ опредѣленный взглядъ.

— На Бога надѣйся, а самъ не плошай,—говоритъ этотъ народъ.

И если сейчасъ еще народъ живетъ, если у него „головка не виснетъ", какъ у Мережковскаго, то этимъ онъ, конечно, обязанъ только себѣ, только тому, что ему глубоко безразличны совѣты такихъ врачей, какъ Мережковскій, Бердяевъ и другіе. И большой еще вопросъ, кто боленъ: Россія или ея проницательные врачи?

Горькій и интеллигенція.

Если другіе „обсуждали“ вопросъ о народѣ и интеллигенціи, то Горькій его выстрадалъ. И въ этомъ отношеніи, какъ это ни странно на первый взглядъ, онъ тѣсно сплетается все время съ Чеховымъ.

Возьмите хотя бы его „Дачниковъ“.

Вѣдь они въ прямой и непосредственной связи съ „Вишневымъ садомъ“ Чехова.

Чувствовалъ ли Лопахинъ, когда покупалъ имѣніе Раневской, что у него снимутъ дачи Басовъ, Сусловъ, Дудаковъ, Замысловъ и другіе дачники, или же эти дачники просто сняли дачи у Лопахина, какъ они снимаютъ ихъ у Петровыхъ, Ивановыхъ, Колупаевыхъ,— вопросъ несущественный. Дворянскія гнѣзда, дома съ колоннами начали замѣняться на живую нитку сколоченными дачами уже довольно давно.

Уничтоженіе вишневыхъ садовъ могли замѣтить, и навѣрно замѣтили, Чеховъ и Горькій совершенно самостоятельно. Слишкомъ ужъ это рѣзкій переломъ въ нашей жизни для того, чтобы мимо него можно было пройти, не обративъ на него вниманія.

Здѣсь столкнулись два совершенно разныхъ уклада. Раневскіе имѣли дома съ колоннами. Они только наѣзжали въ эти дома, но, тѣмъ не менѣе, здѣсь сотнями лѣтъ стояли шкапы, висѣли дѣдовскіе и прадѣдовскіе портреты, сохранялась прежняя, покрытая романтической пылью, старина, со множествомъ дорогихъ воспоминаній. Каждая вещь, каждый уголокъ—все это было свое, знакомое, родное и дорогое. Уставшіе отъ шумной жизни гдѣ-нибудь за границей, владѣльцы этихъ засыпавшихъ, какъ въ сказкѣ о спящей царевнѣ, на десятки и сотни лѣтъ гнѣздъ здѣсь оживали, черпали силу въ воспоминаніяхъ о прошломъ.

Дачники—все эти люди новые, не только не знавшіе липъ, подъ которыми они родились, но даже этихъ липъ не имѣвшіе. Имъ знакомы дома съ колоннами. Для нихъ строятся по одному шаблону дачи съ голыми стѣнами, отъ которыхъ еще пахнетъ смолой и которыя Басовъ, напримѣръ, хочетъ украсить хотя бы олеографіями...

Чеховъ показываетъ намъ послѣдніе дни дворянскихъ гнѣздъ, демонстрируетъ Раневскую, являющуюся уже анахронизмомъ по сравненію не только съ Лопахинымъ, но даже съ дочерью Аней и студентомъ Трофимовымъ. Горькій проходитъ мимо домовъ съ колоннами. Онъ даже не показываетъ ихъ, а просто беретъ одну изъ многочисленныхъ дачъ, для которыхъ разрушили колонны, вырубили вишневые сады, испортили дѣвственные сосновые лѣса. И дачники, которыхъ показываетъ намъ Горькій, очень далеки уже отъ Лопахиныхъ и Раневскихъ.

Семья Басова, у которой они собираются, ничѣмъ не отличается отъ семьи Раневскихъ. Попавъ въ эту среду, Раневская навѣрное не ощутила бы здѣсь никакой неловкости и не сразу бы замѣтила, что передъ нею люди „не ея круга". Передъ вами все люди „благовоспитанные"—адвокаты, инженеры, врачи, писатели. Здѣсь любятъ литературу, музыку, читаютъ и пишутъ стихи, устраиваютъ спектакли.

— Tout comme chez nous,—навѣрное сказала бы о нихъ Раневская, и вообще человѣкъ ея „круга".

Между тѣмъ, вслушиваясь въ рѣчи и признанія всѣхъ этихъ дѣйствующихъ лицъ, вы узнаете, что большинство изъ нихъ—дѣти прачекъ, кухарокъ, дѣти, какъ ихъ характеризуетъ Марья Львовна, „здоровыхъ рабочихъ людей". Словомъ, это тѣ новые, которые идутъ и пришли уже на смѣну старымъ, люди, поднявшіеся со „дна".

Горькаго обвиняли, да и теперь еще обвиняютъ, во враждебномъ отношеніи къ интеллигенціи, намекая при этомъ на чуть ли не врожденную ненависть его къ этому классу, основанную исключительно на разницѣ бѣлой и черной кости.

„Дачники" — прямое опроверженіе такого близорукаго пониманія этого правдиваго и искренняго писателя.

Горькій казнитъ интеллигентовъ или, вѣрнѣе, такъ именующихъ себя, не справляясь о томъ, записаны ли ихъ предки въ бархатныя книги, или же это люди, поднявшіеся со „дна". Рѣчь Суслова—это рѣзкій обвинительный актъ, направленный исключительно противъ новыхъ людей.

— Мы всѣ здѣсь,—говоритъ инженеръ Сусловъ,— дѣти мѣщанъ, дѣти бѣдныхъ людей... Мы много голодали и волновались въ молодости... Мы хотимъ поѣсть и отдохнуть въ зрѣломъ возрастѣ — вотъ наша психологія. Она не нравится вамъ, но она вполнѣ естественна и другой быть не можетъ. Прежде всего человѣкъ, а потомъ всѣ прочія глупости. И потому оставьте насъ въ покоѣ! Изъ-за того, что вы будете ругаться, изъ-за того, что вы назовете насъ трусами или лѣнтяями, никто изъ насъ не устремится въ общественную дѣятельность... Меня безполезно учить. Я взрослый человѣкъ, я рядовой русскій человѣкъ, русскій обыватель! Я обыватель—и больше ничего-съ! Вотъ мой планъ жизни. Мнѣ нравится быть обывателемъ... И, наконецъ, наплевать мнѣ на ваши розсказни, призывы... идеи...

И эту ужасную по своему цинизму рѣчь Горькій не побоялся вложить въ уста человѣка, котораго онъ вывелъ со „дна". Горькій какъ бы нарочно подчеркиваетъ этотъ цинизмъ. На ряду съ Сусловымъ, онъ выводитъ такого же пошляка-обывателя Басова, боявшагося правды, вѣчно ноющаго Рюмина, и все изъ одной и той же среды. Все это люди, которые, при нѣкоторыхъ невыгодныхъ для нихъ условіяхъ, могли остаться на „днѣ", но всплыли наверхъ. Для самого Горькаго, однако, они такіе же „бывшіе" люди, даже хуже тѣхъ, которые остались тамъ, на „днѣ". Мелочная пошлость, мѣщанство заполняетъ всю жизнь этихъ живущихъ животною жизнью людей. Сплетни, желаніе видѣть во всемъ и во всѣхъ только грязное и пошлое,

радость по поводу всякаго хотя бы самаго маленькаго пятнышка, замѣченнаго у другихъ,—основное свойство ихъ всѣхъ.

Нѣсколько человѣкъ, преимущественно женщинъ, задыхаются въ этой пошлой атмосферѣ и, въ концѣ концовъ, уходятъ изъ нея для новой лучшей жизни.

Горькому больно за этихъ людей, такъ быстро взявшихъ отъ прежняго поколѣнія все, что только было у него худшаго, и совершенно утратившихъ воспоминаніе о томъ «днѣ», откуда сами они вышли.

— Мы всѣ,—горячо говоритъ женщина-врачъ Марья Львовна, — должны быть иными, господа! Дѣти прачекъ, кухарокъ, дѣти здоровыхъ рабочихъ людей—мы должны быть иными! Вѣдь еще никогда въ нашей странѣ не было образованныхъ людей, связанныхъ съ массою народа родствомъ крови... Это кровное родство должно бы питать насъ горячимъ желаніемъ расширить, перестроить, освѣтить жизнь родныхъ намъ людей, которые всѣ дни свои только работаютъ, задыхаясь во тьмѣ и грязи... Мы не изъ жалости, не изъ милости должны бы работать для расширенія жизни... Мы должны дѣлать это для себя... для того, чтобы не чувствовать этого проклятаго одиночества... не видѣть пропасти между нами — на высотѣ — и родными нашими — тамъ, внизу, откуда они смотрятъ на насъ, какъ на враговъ, живущихъ ихъ трудомъ! Они послали насъ впереди себя, чтобы мы нашли для нихъ дорогу къ лучшей жизни, а мы ушли отъ нихъ и потерялись, и сами мы создали себѣ одиночество, полное тревожной суеты и внутренняго раздвоенія...

Варвара Михайловна говоритъ въ томъ же направленіи.

— Довольно жалобъ,—говоритъ она,—имѣйте мужество молчать! Надо молчать о своихъ маленькихъ печаляхъ. Я увѣрена, что сотни и тысячи здоровыхъ людей погибаютъ, отравленные и оглушенные нашими жалобами и стонами...

Юный, негодующій на окружающую его пошлость братъ Варвары Михайловны, остроумно-злой Власъ, испытываетъ то же чувство злобы и одиночества, что и его сестра, и Марья Львовна.

И всѣ они втроемъ казнятъ, казнятъ сурово, безпощадно своихъ же братьевъ, людей своей среды, за то, что они ихъ дѣлаютъ одинокими, что они забыли о той миссіи, съ которой ихъ отпустили люди «дна» наверхъ.

Не напоминаютъ ли вамъ чего-нибудь всѣ эти обличительныя тирады? Не кажутся ли онѣ вамъ знакомыми? Да, онѣ не новы уже потому, что являются, очевидно, отраженіемъ давнишняго и самаго больного для Горькаго мѣста.

Если до сихъ поръ Горькій только протестовалъ и разрушалъ, то теперь онъ зоветъ къ созидательной работѣ.

Впрочемъ, «Дачники» и «Мужикъ» не первая попытка въ этомъ направленіи. Лука, появившійся въ ночлежкѣ и поманившій за собой опустившихся „бывшихъ людей“, уговаривавшій ихъ идти наверхъ, тоже работалъ въ этомъ направленіи. Но онъ работалъ „на днѣ“, и нельзя сказать, чтобы удачно. Онъ расшевелилъ обитателей этого „дна“, взволновалъ ихъ, но помочь имъ оказался уже не въ силахъ. Въ «Дачникахъ» Горь-

кій дѣйствуетъ съ другой стороны. Онъ зоветъ на работу, на дружную совмѣстную работу, уже тѣхъ, которые успѣли пробраться наверхъ и пустить здѣсь глубокіе корни... Онъ видитъ, что такихъ людей, людей образованныхъ и богатыхъ, узами кровнаго родства связанныхъ съ гніющими еще на „днѣ", очень много. Но лучшіе изъ нихъ—одиноки, а худшіе притаились, прикрылись масками, изъ-за которыхъ не видно ихъ происхожденія и которыя даютъ имъ возможность спокойно наслаждаться жизнью и не вызывать упрековъ за то, что они забыли о покинутыхъ ими гдѣ то внизу братьяхъ.

— Я знаю,—въ негодованіи бросаетъ имъ въ концѣ пьесы раздраженный Власъ, — я знаю, вы — ряженые! Пока я живъ, я буду всегда срывать съ васъ лохмотья, которыми вы прикрываете вашу ложь.. вашу пошлость... нищету вашихъ чувствъ и развратъ мысли.

Еще болѣе опредѣленно говоритъ его сестра.

— Я,—бросаетъ она передъ уходомъ мужу,—уйду! Дальше отсюда, гдѣ вокругъ тебя все гніетъ и разлагается... Дальше отъ бездѣльниковъ. Я хочу жить! Я буду жить... и что то дѣлать... противъ васъ!..

Негодующіе, возмущенные идутъ эти люди дѣлать большое общественное дѣло. Стоило только имъ откровенно, искренно поговорить, какъ одиночество, угнетавшее ихъ до сихъ поръ, исчезло, и всѣ они поняли, что ихъ не такъ уже мало, что они представляютъ собой крупную общественную силу.

На первомъ представленіи „Дачниковъ" нашлись люди, которые шикали пьесѣ и, какъ оказалось по-

томъ, шикали за ея будто бы буржуазность, за ея призывъ въ общей сытости и мѣщанскому благополучію.

„Неужели же,—говорилось по этому поводу,—не ясно, что эти мелкіе жалкіе людишки, ушедшіе изъ старой пошлости, неминуемо должны придти къ новой, потому что избѣжать новой пошлости можетъ только тотъ, кто придетъ не духовно нищимъ, а съ запасами культурныхъ цѣнностей, вынесенныхъ изъ прошлаго. Нельзя идти въ неизвѣстныя пустыни безъ ковчега завѣта!“

Какъ все это мило, просто и успокоительно, конечно, для людей, у которыхъ есть это... прошлое, которые путемъ многихъ вѣковъ накопили для себя эти культурныя цѣнности... Для нихъ, конечно, всякое общественное дѣло можетъ казаться чѣмъ то такимъ, что даетъ людямъ только „сытость“, что ведетъ къ мѣщанству. Съ этой точки зрѣнія Гуттенбергъ, пожалуй, былъ самымъ вреднымъ человѣкомъ. До него плоды ума геніальныхъ людей были доступны только немногимъ избраннымъ аристократамъ духа, обладающимъ запасомъ всевозможныхъ цѣнностей. Гуттенбергъ своимъ печатнымъ станкомъ демократизировалъ науку и литературу, лишилъ ее того аристократизма, который обладаетъ такимъ притягательнымъ ароматомъ.

Общественное дѣло и пошлость! Это такое сопоставленіе, противъ котораго даже спорить не стоитъ. Легко быть идеалистомъ, декламироватъ „Эдельвейсы“, носиться съ какимъ бы то ни было ковчегомъ, наполненнымъ идеально-мистическимъ туманомъ, если можно не видѣть всего творящагося вокругъ насъ! Бываютъ люди слѣпые, для которыхъ подобное отношеніе со-

вершенно извинительно. Но закрывать глаза, когда вамъ показываютъ, не слушать, когда говорятъ,—для этого нужно ужъ слишкомъ уйти отъ настоящей реальной жизни. Enfant terrible всѣхъ метафизиковъ, Власъ, обмолвился хорошимъ афоризмомъ: „метафизики,—сказалъ онъ,—слѣпы и глухи... очень жаль, что они владѣютъ языкомъ". Афоризмомъ этимъ навѣрное не преминутъ воспользоваться реалисты.

Горькій противъ такой интеллигенціи.

Горькому хочется уяснить нашей интеллигенціи, до какой степени она заблуждается въ своихъ силахъ, до какой степени ничтожно все то, что она дѣлаетъ, самоувѣренно ставя себя на пьедесталъ полезныхъ общественныхъ дѣятелей, какъ она одинока и какъ всѣ ея самые благіе порывы тонутъ въ «знойномъ морѣ краснаго песка», въ огромной страшной пустынѣ народной дикости.

Уже его „Дѣти солнца" не позволяютъ согласиться съ этимъ основнымъ выводомъ Горькаго относительно роли нашей интеллигенціи и значенія ея работы. Упразднять значеніе культурной работы серьезнаго ученаго идеалиста-химика Протасова, символизирующаго собой нашу интеллигенцію, упразднять только потому, что современные Колупаевы стремятся приспособить его познанія и энергію къ устройству завода для выдуванія пивныхъ бутылокъ, только потому, что въ домѣ этого сына солнца живетъ „калуцкая" дикарка Луша, которая ѣстъ мыло, и, наконецъ, потому, что кругомъ бушуетъ дикая темная толпа, избивающая, подъ вліяніемъ слуховъ о холерѣ, докторовъ и интеллиген-

товъ,—совершенно невозможно. Правда, картина, нарисованная Горькимъ въ этой пьесѣ, была настолько ярка, типы, выведенные имъ, настолько реальны и правдивы, что впечатлѣніе, желательное для писателя, оставалось надолго. Выходя изъ театра, вы чувствовали, что эстетъ-художникъ Вагинъ, съ ужасомъ понявшій свое полное одиночество, какъ будто бы и правъ, говоря, что онъ, какъ и многіе другіе,

Одинъ... среди пустыни...
Въ знойномъ морѣ краснаго песка...

Горькому удались картины этой пустыни, и на ея фонѣ дѣти солнца казались такими маленькими, ничтожными, безполезными.

Требовалось нѣкоторое, довольно значительное, усиліе для того, чтобы отрѣшиться отъ такого удручающаго впечатлѣнія и сразу сказать:

— Нѣтъ, Горькій неправъ! Онъ слишкомъ умалилъ значеніе культурныхъ работниковъ и слишкомъ преувеличилъ всепоглощающую силу пустынно-россійской дикости.

Нѣкоторые критики, не допуская такого вывода, даже трактовали пьесу какъ сатиру на интеллигенцію, хотѣли видѣть въ ней простое указаніе на то, что только такая интеллигенція безсильна, безпомощна и безполезна...

Слишкомъ ужъ все это ярко у Горькаго вышло для того, чтобы не поддаться впечатлѣнію отъ пьесы.

Своими „Варварами“ онъ, очевидно, хотѣлъ усилить это впечатлѣніе, хотѣлъ нарисовать отдѣльную, страш-

ную картину нашей пустыни, показать всѣмъ это всепоглощающее море краснаго песка.

„Варвары“, безусловно, такая морская картина. Если нанести на нее безпомощныхъ дѣтей солнца, выдвинутыхъ въ предшествующей пьесѣ, получится точная копія знаменитаго „Девятаго вала“...

Однако, спѣшу оговориться, что такое впечатлѣніе слишкомъ мимолетное и внѣшнее, не только не крѣпнетъ въ читателѣ, чѣмъ ближе онъ знакомится съ „Варварами“, но, наоборотъ, ослабѣваетъ и, въ концѣ концовъ, когда онъ дочитываетъ послѣднюю фразу этого произведенія Горькаго, совершенно пропадаетъ... Тутъ уже не нужно дѣлать надъ собой усилія и собирать доводы для того, чтобы спорить съ Горькимъ и избавиться отъ подавляющаго впечатлѣнія его первой картины.

Ея краски неестественно сгущены. Благодаря этому, получилось нѣчто такое, что сразу же показываетъ, что пустыня, которая по пьесѣ представляется такой страшной, не существуетъ въ дѣйствительности, и потому если что и можетъ удручать, то не болѣе, какъ разнаго рода миѳическіе герои сказокъ, лѣшіе, колдуны и прочіе «страшные» персонажи.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляетъ собой пустыня у Горькаго и кто его варвары?

Мѣсто дѣйствія—одинъ изъ тѣхъ уѣздныхъ, а можетъ быть и того менѣе, городковъ, которые во многомъ множествѣ разсѣяны по огромному пространству Россійской Имперіи. Городишко захолустный, вдали отъ желѣзной дороги. Горькій беретъ его и его обывате-

лей какъ разъ въ тотъ моментъ, когда городъ ожидаетъ пріѣзда инженеровъ, которые должны будутъ провести черезъ него дорогу и такимъ образомъ пріобщить его къ общей культурной сѣти другихъ городовъ. Передъ нами проходитъ цѣлый рядъ типовъ уѣзднаго обывателя, начиная съ купцовъ, акцизныхъ надзирателей, почтовыхъ чиновниковъ и кончая деревенскими парнями, рабочими, нищими.

Все это типы, которые способны повергнуть читателя въ полный ужасъ. Если у Гоголя еще были мѣстечки, гдѣ можно было назвать только одного порядочнаго человѣка, который, въ концѣ концовъ, оказывался свиньей, то у Горькаго даже и этого нельзя сдѣлать. Здѣсь всѣ обыватели, отъ перваго до послѣдняго, олицетворенная пошлость, подлость, глупость, самодурство. И мужчины, и женщины въ одинаковой мѣрѣ. Исключеній нѣтъ. Я право не знаю, стоитъ ли подробно останавливаться на характеристикахъ этихъ дикарей, каждаго въ отдѣльности.

Всѣ они, каждый, конечно, по своему, но страшно однообразны. Купецъ, лѣсопромышленникъ Притыкинъ—мошенникъ, другой купецъ, Рѣдозубовъ, городской голова, не лучше его, тупой самодуръ. Акцизный надзиратель Монаховъ—пьяница и пошлякъ. Его жена, мѣстная львица, пошлое существо, все время витающее въ сферѣ амурныхъ и романическихъ исторій, вычитываемыхъ изъ разнаго рода романовъ, и этимъ очень напоминающее Настю въ пьесѣ „На днѣ". Дунькинъ мужъ (безъ имени) — настоящій пропоица, живущій милостыней и шантажирующій родную дочь. Деревен-

скій парень Гогинъ, человѣкъ аккуратный, требуетъ, чтобы за него выдали насильно горничную Степу... И такъ далѣе, и такъ далѣе...

Прямо не на комъ отдохнуть. Ни одного свѣтлаго пятнышка.

Для того, чтобы усилить впечатлѣніе, выведены уже два форменныхъ, хотя и болѣе другихъ симпатичныхъ, дикаря, дѣти городского головы Рѣдозубова: Гриша, парень, 20 лѣтъ, котораго отецъ заставляетъ лѣтомъ ходить въ шубѣ, чтобы онъ похудѣлъ, и молодая дѣвушка Катя, которая поглядываетъ черезъ заборныя щели, бросаетъ камнями и палками въ людей, ей несимпатичныхъ, и, нужно сказать, нѣсколько неожиданно, въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ разговоровъ со студентомъ, рѣшаетъ покинуть свое захолустье и ѣхать учиться.

Инженеры, пріѣзжающіе сюда, не вносятъ, конечно, ни малѣйшаго свѣта. Они—тоже варвары, только полированные. До нихъ обыватели пили водку и „звѣробой", инженеры познакомили ихъ съ шартрезомъ.

Люди жили скромно, инженеры привили вкусъ къ деньгамъ, и бѣдненькій почтовый чиновникъ учинилъ даже растрату. Амурныя похожденія, и ранѣе не Богъ вѣсть какія, теперь стали еще болѣе пошлыми.

Я не скажу, чтобы эта галлерейка была сочинена Горькимъ. Весьма возможно, и даже весьма вѣроятно, всѣ эти типы списаны имъ съ натуры. Ихъ онъ, навѣрное, гдѣ-нибудь встрѣчалъ во время своихъ странствій по Россіи, быть можетъ, даже сконцентрированными въ одномъ мѣстѣ.

Но развѣ въ общемъ эта картинка страшной провинціальной пустыни производитъ впечатлѣніе чего то существующаго въ дѣйствительности? Развѣ она удручаетъ? На меня лично, по крайней мѣрѣ, эта пьеса Горькаго не произвела того впечатлѣнія, которое, очевидно, хочетъ произвести Горькій на своего читателя.

Безспорно, этого никто не станетъ отрицать, не только тамъ, во глубинѣ Россіи, но и въ столицахъ можно и даже нетрудно найти множество дикарей, варваровъ, пошляковъ. Но закрашивать всѣхъ и вся въ грязные, сѣрые цвѣта—это уже безспорно преувеличеніе.

Горькій не первый писатель, ставящій себѣ задачей изображеніе нашего провинціальнаго общества, провинціальной жизни. Достаточно взять хотя бы Чехова и вдуматься въ его подернутыя дымкой грусти чисто левитановскіе пейзажи тѣхъ же захолустій, за изображеніе которыхъ взялся теперь Горькій. Припомните хотя бы лучшую изъ такихъ картинокъ—„Дядю Ваню". Гдѣ живутъ эти удивительно поэтическіе, чистые, одинокіе дяди Вани, Астровы, гдѣ работаютъ и тоскуютъ три сестры и всѣ многочисленные герои Чехова, какъ не въ томъ же знойномъ морѣ краснаго песка, которое Горькій стремится изобразить теперь страшной пустыней, и при томъ пустыней, кишащей дикими и пошлыми варварами?! Да и не одинъ Чеховъ! Возьмите Островскаго. Онъ изображаетъ бытъ болѣе старый и, казалось бы, болѣе дикій. Развѣ въ темномъ царствѣ, въ которое онъ ведетъ за собой, все однѣ тѣни? Развѣ туда, въ это царство, не проникаютъ свѣтлые лучи, развѣ тамъ не на каждомъ шагу приходится встрѣчать горячія сердца,

честныхъ героевъ, идеалистовъ, мимо которыхъ нельзя пройти равнодушно, безъ чувства теплой симпатіи. А Тургеневъ? Его гамлеты Щигровскаго уѣзда волновались вопросами высшаго порядка не гдѣ-нибудь на лунѣ, а въ медвѣжьихъ уголкахъ Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи, и хотя сплошь и рядомъ чувствовали себя „лишними", страдали отъ этого, но все же реально существовали и однимъ своимъ присутствіемъ расцвѣчивали сѣренькіе тона окружавшей ихъ грубовато-пошлой дѣйствительности.

Мнѣ, впрочемъ, чрезвычайно странно все это говорить и странно говорить именно Горькому. У самого Горькаго вѣдь, особенно его первые герои, всѣ сплошь живое опроверженіе его варваровъ. Какой чудный дикарь, напримѣръ, Коноваловъ, или хотя бы его дикомятущійся Ѳома Гордѣевъ, да и очень многіе другіе. Стоитъ только вдуматься, хотя бы въ одну только литературу, для того, чтобы ясно увидѣть, что русская интеллигенція далеко не такъ уже одинока и что пустыня, въ которую хочетъ поставить ее Горькій, далеко не такъ уже обширна.

А событія послѣднихъ годовъ—уже не литература, а факты,—прямо показали, что картина, написанная Горькимъ въ его „Варварахъ", невѣрна въ самомъ своемъ корнѣ.

Посмотрите, какъ зашевелилось все русское общество, какъ живутъ тѣ самые городишки, которые попытался изобразить намъ Горькій въ такомъ видѣ. Гдѣ теперь его дикари и варвары? Не говоря уже объ огромномъ большинствѣ русской интеллигенціи или, го-

воря правильнѣе, командующихъ классовъ, посмотрите, какую сознательность проявляетъ вездѣ и всюду даже наиболѣе темная часть населенія, крестьянская! Даже сухіе отчеты провинціальныхъ газетъ, отражающіе общественную жизнь и неполно, и поверхностно, даже эти маленькіе снимки съ натуры совершенно парализуютъ слишкомъ ужъ мрачныя впечатлѣнія, идущія отъ картины Горькаго.

Такой пустыни у насъ нѣтъ. Повсюду ключемъ бьетъ живая сознательная жизнь. Нѣтъ такого мѣста во всей огромной странѣ нашей, гдѣ дѣти солнца могли бы теперь чувствовать себя одинокими, оторванными и жаловаться на безплодность своихъ усилій. И раньше такія жалобы были значительно преувеличены, а теперь уже прямо невозможны. Идетъ новая настоящая жизнь. Если не всѣ, то добрыхъ три четверти тѣхъ дикарей и варваровъ, о которыхъ съ такимъ ужасомъ говоритъ Горькій, теперь стали сознательными. Плѣсень, покрывавшая поверхность нашихъ россійскихъ прудовъ и прудиковъ, отошла въ область преданій. Искусственныя плотины, созданныя спеціально для сдерживанія естественныхъ теченій общественной жизни и способствовавшія развитію гнилостныхъ процессовъ, прорваны. Жизнь пошла настоящимъ своимъ могучимъ потокомъ, и никакія силы не въ состояніи теперь возвратить свободную стихію въ прежнее стоячее болото. И жутко начинаютъ чувствовать себя не дѣти солнца, а „варвары“, варвары настоящіе, у которыхъ уходитъ почва изъ подъ ногъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

		Стр.
1.	Богоискатели XIV—XV вѣковъ	1
2.	Изъ древнерусской полемики съ богоискателями	38
3.	Русскіе книжники XVII вѣка	54
4.	„Еретикъ“ XVIII вѣка	74
5.	Трагедія Гоголя	82
6.	Испугъ	93
7.	У геніевъ	122
8.	Вольный синодъ	134
9.	Богостроители	152
10.	Еще о народѣ	168
11.	Богоборцы Леонида Андреева	188
12.	Кто боленъ?	241
13.	Горькій и интеллигенція	253

P
3558-22-4
22-79

BL 51
.B75

Bolsianovskiĭ,
Vladimir
Feofilovich, 1869-
1943.
Bogoiskateli

28 FEB 2 '83

UNIVERSITY OF CHICAGO
22 340 070

BL 51
.B75

Bolsianovskiĭ,
Vladimir
Feofilovich, 1869-
1943.
Bogoiskateli

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

BOUND BY

UNIVERSITY OF CHICAGO
22 340 070